БИБЛІОТЕКА
11400

О ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

О ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

-238. 52

РАЗСУЖДЕНІЕ,

ПРЕДСТАВЛЕННОЕ

ВЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

Николаемъ Лавровскимъ,

для полученія степени

ДОКТОРА СЛАВЯНО-РУССКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

БИБЛІОТЕКА ... УНИВЕРСИТЕТА

ХАРЬКОВЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1854.

По опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета, состоявшемуся 28 Октября 1854 года, печатать дозволяется.

Деканъ *А. Рославскій-Петровскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляя свое сочиненіе «о древне Русскихъ училищахъ», я почитаю необходимымъ показать тѣ предѣлы, которыми я ограничилъ его содержаніе, и тѣ источники, которыми пользовался при его изложеніи.

Исторія древне-Русскихъ училищъ, по несомнѣннымъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, ведетъ свое начало отъ водворенія Христіанства въ нашемъ отечествѣ. Достопамятныя слова лѣтописца: «ославъ (Владиміръ) нача понимати у нарочитое чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное» [1] составляютъ точку исхода этой исторіи. Существованіе многихъ Христіанскихъ храмовъ, возникшихъ еще за-долго до введенія Христіанства, предполагая и существованіе многочисленнаго духовенства, [2] казалось, могло бы вести къ заключенію, что начало образовательной дѣятельности въ Россіи восходитъ къ болѣе древнему времени, даже ко времени основанія Руси, и, можетъ быть, находится въ связи съ Апостольскими трудами знаменитыхъ Славянскихъ Просвѣтителей: но такое заключеніе основывалось бы на однихъ предположеніяхъ, слабо

[1] Лавр. сп. лѣтоп. Нестора. П. С. Р. Л. I, 51.

[2] Извѣстно, что Дитмаръ, современникъ Владиміра, насчитываетъ въ Кіевѣ болѣе 400 храмовъ. См. Макарія Ист. Христ. въ Россіи. Спб. 1846. стр. 297.

подкрѣпляемыхъ историческими соображеніями, и потому неудовлетворяло бы требованіямъ современной науки. Съ другой стороны Христіанство, въ слѣдствіе общаго правительственнаго распоряженія, распространившееся вдругъ въ обширныхъ размѣрахъ, должно было немедленно почувствовать нужду въ лицахъ, способныхъ вступить на служеніе церкви, что естественно и повлекло за собою устройство училищъ также въ обширныхъ размѣрахъ, съ правильнымъ, по возможности, и послѣдовательнымъ обученіемъ.

Положивъ же такое начало своему обозрѣнію, я ограничилъ его въ настоящее время концемъ XV вѣка на слѣдующихъ основаніяхъ. 1) Древне-Русскія училища, устроенныя въ концѣ X-го вѣка и распространявшіяся въ слѣдующихъ вѣкахъ, не испытывая никакихъ потрясеній, какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ своемъ устройствѣ, спокойно продолжали свое существованіе и совершенствованіе до порабощенія Руси Монголами. Разрушеніе городовъ, въ которыхъ по преимуществу и сосредоточивалось обученіе, страшное опустошеніе и оскудѣніе страны, гибель несмѣтнаго числа народа и глубокое отчаяніе уцѣлѣвшихъ отъ меча непріятельскаго,—все это такъ сильно поколебало наши училища, что съ этого времени начинается періодъ ихъ быстраго упадка. Если и прежде лѣтописи рѣдко упоминали объ училищахъ, то съ половины XIII вѣка онѣ совершенно умолкаютъ. Встрѣчаются напротивъ извѣстія, что обученіемъ, въ періодъ владычества Монголовъ, завѣдывали частнымъ образомъ лица, предлагавшія свои услуги еще проявлявшейся любознательности. Понятно, что частное обученіе, въ которомъ все зависѣло отъ произвола, добросовѣстности и способности одного лица, смотрѣвшаго на свое занятіе какъ на ремесло, далеко уступало прежнему, болѣе или менѣе методическому, обученію, совершавшемуся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Правительства и въ особенности духовенства. Къ концу XV вѣка даже такое обученіе достигло крайней степени упадка. Рѣшительный недостатокъ средствъ получить какое-либо образованіе породилъ пагубное равнодушіе къ

нему, готовое перейти въ отвращеніе; породилъ не менѣе гибельное убѣжденіе, что и нельзя получить образованія. «Земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ», говорили Новгородцы Архіепископу Геннадію, когда послѣдній принуждалъ ихъ къ ученію. Всю тягость столь бѣдственнаго состоянія образованія должно было главнымъ образомъ чувствовать духовенство, которое никакъ не могло обойтись безъ людей, обладавшихъ по крайней мѣрѣ элементарными знаніями. Какъ нуждалось оно къ концу XV вѣка даже въ такихъ людяхъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Новгородскаго Архіепископа Геннадія въ его посланіи къ Митрополиту Симону: «а се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостолъ дати чести, и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати, и онъ по тому одва бредетъ, и язъ его оторку. . . Да мнѣ бьютъ челомъ: пожалуй дей, господине, вели учити; и язъ прикажу учити ихъ октеніи, и онъ и къ слову не можетъ пристати, ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учити азбуку, и они поучився мало азбуки, да просятся прочь, а и не хотятъ ее учити. . . А се мужики невѣжи учатъ робятъ, да рѣчь ему испортитъ, да первое изучитъ ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денегъ, а завтреня также, а и свыше того, а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидетъ, и онъ ничего не умѣетъ, только то бредетъ по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ» [1]. Тоже повторяютъ и отцы Собора 1551 года. Такое состояніе народнаго образованія не могло быть болѣе терпимо; оно уже слишкомъ много принесло вреда церкви распространеніемъ невѣжественныхъ убѣжденій, породившихъ ереси въ концѣ XIV, въ XV и XVI вѣкахъ. А потому духовенство, въ концѣ XV вѣка, явно вооружается противъ укоренявшагося невѣжества и принимаетъ рѣшительныя мѣры къ возстановленію образованія. Первая попытка этого рода, по существующимъ памятникамъ, представляется

[1] Акт. Историч. т. I, стр. 146.

въ посланіяхъ Архіепископа Геннадія къ Великому Князю Іоанну Васильевичу [1] и къ Митрополиту. Вотъ почему сохранившееся посланіе Геннадія къ М. Симону (1496-1504) мы почитаемъ столь важнымъ, что раздѣляемъ имъ всю исторію древне-Русскихъ училищъ на двѣ половины: отъ введенія Христіанства до XVI вѣка и отъ XVI вѣка до Петра Великаго. Въ немъ въ первый разъ обнаружилось и ясно высказалось сознаніе духовенства въ крайней затруднительности своего положенія, въ необходимости рѣшительно противостать невѣжеству и возстановить хотя элементарное образованіе; въ немъ указано и на единственно-дѣйствительныя къ тому средства,—на учрежденіе училищъ. Съ тѣхъ поръ неоднократно выражалось это сознаніе, пока наконецъ само Правительство не приняло участія въ благородныхъ, уже полвѣка продолжавшихся, стремленіяхъ лучшей части духовенства и, по приговору отцевъ Собора 1551 года, не признало необходимымъ заведеніе училищъ.—2) Паденіе Константинополя, составляющее эпоху въ исторіи Западно-Европейскаго образованія, не осталось безъ вліянія и на наше отечество: появленіе многихъ Грековъ съ ихъ драгоцѣнными рукописями и съ ихъ знаніями, особенно ученая и образовательная дѣятельность Максима Грека, сближеніе съ Европою,—все это должно было если не породить, то по крайней мѣрѣ сильно возбуждать упомянутыя стремленія духовенства.—3) Въ XV же вѣкѣ и первой половинѣ XVI приготовлялось другое важное событіе, совершившееся на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года,—отпаденіе цѣлой половины Руси къ Польшѣ и подчиненіе ея ихнему вліянію. Это вліяніе, начавшееся со времени утвержденія Ягеллоновъ на Польскомъ престолѣ (1386), распространялось быстро, отражаясь на самомъ языкѣ, и произвело иныя явленія въ исторіи Западно-Русскаго образованія, такъ что послѣднее, по крайней мѣрѣ со второй половины XVI вѣка, должно

[1] Посланія къ В. Князю доселѣ неизвѣстны, но Архіепископъ на нихъ ссылается въ посланіи къ Митрополиту: «да былъ есми челомъ Государю В. Князю, что бы велѣлъ училища учинити» и т. д.

разсматривать отдѣльно отъ Восточно-Русскаго, совершавшагося на прежнихъ началахъ.—4) Наконецъ и объединеніе Руси, почти окончившееся въ началѣ XVI вѣка, имѣетъ важное значеніе для исторіи древне-Русскихъ училищъ: правительственныя распоряженія, имѣвшія силу для всего пространства Русскаго Государства, должны были отличаться большею дѣйствительностію и вносить единство въ самое образованіе. Таковы главныя основанія, по которымъ мы ограничили изложеніе своего предмета XV вѣкомъ. Дѣйствительное ихъ значеніе, конечно, яснѣе обнаружилось бы въ продолженіи прерваннаго нынѣ изложенія, но мы оставляемъ до другаго времени подробнѣйшее оправданіе принятаго нами дѣленія.

Знакомый съ существующими памятниками древнѣйшей нашей письменности можетъ усомниться въ возможности разсмотрѣть избранный нами предметъ съ нѣкоторою подробностію: такъ мало сохранилось о немъ непосредственныхъ извѣстій. Весьма ощутительный недостатокъ послѣднихъ объясняется характеромъ и направленіемъ первоначальной письменности и тѣми образцами, которые избрали наши лѣтописцы для подражанія.—Будучи еще не въ состояніи всматриваться въ явленія внутренней жизни, чтобы ими объяснять историческія событія, они вносили въ свои лѣтописи только то, что непосредственно представлялось ихъ наблюденіямъ; указанія на черты внутренняго быта встрѣчаются случайно и въ весьма незначительномъ количествѣ. Самая лѣтопись Нестора, заключающая въ себѣ, сравнительно съ другими, болѣе системы въ изложеніи, въ сущности отличается тѣмъ-же характеромъ. Какъ Христіанинъ, и притомъ глубоко проникнутый Христіанскою нравственностію, Несторъ обращается къ изображенію народнаго быта только въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается съ обильными еще остатками язычества, противодѣйствовавшими распространенію Христіанства, а потому вызывавшими на упреки его религіозную ревность, или когда онъ долженъ былъ описывать такія дѣйствія современниковъ, которыя прямо противорѣчили его убѣжденіямъ. Оттого противоборствующій язычеству духъ Христіанства и поучительный характеръ являются въ его лѣтописи тою

невидимою внутреннею связью, которая придаетъ ей видъ предварительно обдуманнаго цѣлаго и тѣмъ рѣзко отличаетъ ее отъ другихъ лѣтописей, исключительно занимающихся хронологическимъ перечисленіемъ однихъ событій внѣшней исторіи. Эти черты, связующія все изложеніе въ лѣтописи Нестора, конечно, имѣли и не могли не имѣть практическаго значенія; даже съ достовѣрностію можно утверждать, что самое начало отечественныхъ лѣтописей обязано не одному простому любопытству, не одному желанію увѣковѣчить дѣянія современниковъ и не однимъ политическимъ соображеніемъ: мысль подвергать строгой оцѣнкѣ событія съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, опасеніемъ осужденія предостерегать современниковъ отъ предосудительныхъ дѣйствій и совокупностію примѣровъ дѣйствовать на нравственность потомства, при убѣжденіи, что близкіе и поразительные примѣры сильнѣе самыхъ глубокомысленныхъ разсужденій способствуютъ исправленію,—такая мысль, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ участвовала въ происхожденіи и возбужденіи лѣтописной дѣятельности. Она только можетъ объяснить частыя и пространныя отступленія по поводу нѣкоторыхъ, особенно бѣдственныхъ для отечества, событій, съ прямою цѣлію поученія; она только можетъ оправдать и многія не посредственныя указанія на практическое значеніе лѣтописей [1]. Какъ ни благодѣтельно было такое направленіе лѣтописей, какъ ни возвышенна ихъ практическая цѣль, однако, занимаясь по преимуществу внѣшнею исторіею и обращаясь только косвенно и случайно къ изображенію народнаго быта, онѣ не могли остановиться на нашемъ предметѣ и объяснить ходъ тогдашняго первоначальнаго образованія, его характеръ, способъ и предметы преподаванія, устройство школъ и т. д., хотя къ тому и представлялся неоднократно случай.

Если наши лѣтописцы, по степени своего умственнаго развитія, еще не были способны разсматривать явленія внѣшней жизни въ

---

[1] Ипат. лѣт. стр. 225. Никонова I, 28 и др. См. статью Бѣляева: «о разныхъ видахъ Русскихъ лѣтописей». Временникъ № 5, стр. 9 и слѣд.

связи съ явленіями внутренней, то Византійскія хроники, принятыя ими за образцы, могли только подтверждать ихъ одностороннее направленіе. Вотъ что говоритъ Sainte-Croix о Византійскихъ историкахъ среднихъ вѣковъ: «des compilateurs ignorants s'imaginèrent qu'en rassemblant des faits sans discernement, et qu'en les rédigeant sans goût ni critique, ils pouvaient mériter le nom d'historiens. Plusieurs eurent l'ambition de composer des histoires générales qui commençaient à l'origine du monde et finissaient à leurs temps. Ils y mêlaient le sacré et le profane, et y entassaient sans choix tout ce qu'ils trouvaient dans les livres qui leur tombaient sous la main» etc [1]. Сужденіе нѣсколько строгое, но заключающее въ себѣ много правды. Подобные образцы не могли, конечно, сообщить правильнаго взгляда на историческіе труды. Такого именно достоинства хроника Георгія Амартола, изъ которой Несторъ многое перенесъ въ свою лѣтопись, Зонары, I. Малалы и другихъ. Любопытно мнѣніе о Византійскихъ историкахъ, высказанное тѣми-же историками. «Ceterum isti, говоритъ Кедринъ о предшествовавшихъ ему историческихъ писателяхъ, accuratam atque exactam temporum rationem non tenuerunt, neque aliud præstitere, quam quod nuda regum enumeratione exposita, quis cui in imperio successisset, docuerunt» [2]. А вотъ что говоритъ Ксиландеръ о самомъ Кедринѣ въ предисловіи къ его исторіи: «inserit multa nescio quam relatu aut creditu digna, et interpolatis narrationibus, sæpe mutilatis, aliquando idem non sine tædio et odio inculcat. In summis mundi imperiis et eorum successione et mutationibus jejunus plane est» [3]. Приведенные недостатки Визант. историковъ, конечно, нисколько не касаются важности сообщаемыхъ ими свѣдѣній, иногда ничѣмъ не замѣнимыхъ: здѣсь идетъ рѣчь о ввглядѣ на историческія сочиненія, о формѣ изложенія, о пріемѣ вести

---

[1] Histoire de la littérature Grecque profane, par M. Schoell. V, 356-357.

[2] Cedren. opera I, p. 4. Почти тѣми-же словами выражаются о недостаткахъ Визант. историковъ друзья Зонары, убѣждавшіе его написать исторію. I, p. 5-6.

[3] Præfat. ad Cedren. p. XII.

разсказъ, объ искусствѣ историческомъ. Замѣчательно, что они сами нерѣдко высказываютъ свой взглядъ на историческое искусство, хотя односторонній, тѣмъ не менѣе заслуживающій вниманія, особенно если бы онъ оправдывался ихъ сочиненіями. Такъ Анна Комнена совершенное безпристрастіе къ описываемымъ лицамъ почитаетъ необходимою принадлежностію исторіи, для которой не должны существовать ни родство, ни дружба, ни вражда [1], хотя никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ ея сужденіяхъ объ историческихъ лицахъ весьма много принимали участія родственныя отношенія; въ другомъ мѣстѣ она совѣтуетъ не сплошь и безъ разбора излагать событія, а надлежащимъ образомъ распредѣлять ихъ и, по возможности, украшать [2]. Довольно этихъ немногихъ указаній на недостатки Визант. историческихъ сочиненій среднихъ вѣковъ, чтобы видѣть, какъ слабы были тѣ образцы, которымъ подражали наши лѣтописцы: и въ тѣхъ и другихъ то-же почти исключительное занятіе событіями внѣшней исторіи, то-же предпочтеніе событій церкви государственнымъ, тотъ-же порядокъ въ изложеніи, тѣ-же отступленія, наконецъ тѣ-же побужденія писать лѣтописи [3].

Мы остановились на сравненіи Русскихъ лѣтописей съ Византійскими, съ одной стороны чтобы показать не только отсутствіе

---

[1] Alexiad. I, p. 5-6.

[2] Ibd. I, p. 156.

[3] Замѣчательно, что при всей исключительности хронологическаго способа изложенія, Визант. историки иногда высказываютъ мысль о необходимости иного способа, основаннаго на внутренней связи событій: ту-же мысль находимъ и у нашихъ лѣтописцевъ. Нельзя не замѣтить сходства между слѣд. словами Пахимера, сказанными по поводу несчастной судьбы одного ритора: «*οὐκ ἐπὶ τούτου τοῦ καιροῦ γεγονὸς, ἀλλὰ πρότερον συναπτομεν τοῖς δεινοῖς τὰ δεινὰ εἰς τὴν τῆς τότε βίας παράσασιν*» (I, p. 392) и слѣд. словами Ипат. лѣтописи: «хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же возступати въ задняя: чьтый мудрый разумѣетъ». (П. С. Р. Л. II, 189).

въ первыхъ болѣе или менѣе подробныхъ извѣстій о состояніи первоначальнаго образованія въ древней Руси, но и естественность такого отсутствія, съ другой чтобы опредѣлить, на сколько Визант. историки способны восполнить недостатокъ домашнихъ извѣстій о нашемъ предметѣ, или содѣйствовать объясненію хотя существующихъ, но слишкомъ отрывочныхъ свидѣтельствъ, въ томъ случаѣ, когда бы оказалась потребность обратиться къ нимъ въ слѣдствіе историческихъ соображеній. Изъ представленнаго сравненія можно усмотрѣть невозможность раскрыть существенныя черты и характеръ первоначальнаго обученія, какъ средневѣковаго Византійскаго, такъ и древне-Русскаго, на основаніи цѣлаго ряда положительныхъ и подробныхъ современныхъ свидѣтельствъ.

Однако и то незначительное пособіе, какое могутъ доставить Визант. писатели, для насъ важно, при скудости и отрывочности извѣстій въ нашихъ памятникахъ. И если справедлива мысль, что еще съ начала X вѣка, и въ особенности со времени введенія Христіанства Владиміромъ, установилась тѣснѣйшая духовная связь между Византіею и Русью, что не только устройство церкви неизмѣнно было передано намъ первою, но и многія явленія общественной жизни подверглись ея вліянію, то, при разсмотрѣніи своего предмета, мы почитаемъ себя въ правѣ иногда пользоваться указаніями Визант. писателей на такія черты образованія вообще, посредствомъ которыхъ можно нѣсколько уяснить состояніе древне-Русскаго первоначальнаго образованія, и о которыхъ или молчатъ, или говорятъ неясно и кратко наши лѣтописцы.

Кромѣ того, для объясненія нѣкоторыхъ сторонъ своего вопроса, мы находимъ не менѣе полезнымъ обращаться и къ Западнымъ источникамъ, когда послѣдніе, заключая въ своихъ извѣстіяхъ объ устройствѣ школъ сходство съ нашими, представляютъ возможность сообщить большую полноту и ясность понятію о характерѣ древне-Русскихъ училищъ. Такое обращеніе намъ кажется тѣмъ болѣе позволительнымъ, что первый періодъ процвѣтанія Западныхъ школъ есть плодъ попеченій Карла Великаго о народномъ образованіи, слѣдоват. относится къ тому времени, когда еще не

было и мысли о раздѣленіи Церквей и когда Западная Европа, находясь въ постоянныхъ и дружественныхъ сношеніяхъ съ Византіею, могла многое заимствовать для устройства своего быта отъ страны, сохранившей въ себѣ лучшіе остатки Греко-Римскаго образованія. Мы согласны, что монастырскія, соборныя и городскія школы, возникшія на Западѣ въ XII и слѣд. вѣкахъ подъ исключительнымъ вліяніемъ односторонней Католической пропаганды, уже успѣли свой особый отпечатокъ, рѣзко отличавшій ихъ отъ Византійскихъ школъ, удержавшихъ неизмѣннымъ свой прежній характеръ: къ этимъ позднѣйшимъ школамъ мы позволимъ себѣ обращаться весьма рѣдко, только въ томъ случаѣ, когда извѣстія о нѣкоторыхъ частяхъ ихъ устройства, сходныхъ съ нашими, отличаются большею полнотою и опредѣленностію.

При пособіи такихъ источниковъ, увеличиваются и средства для рѣшенія нашего вопроса: однѣ его стороны могутъ найти удовлетворительное объясненіе въ однихъ отечественныхъ источникахъ, другія, при пособіи иноземныхъ, и наконецъ нѣкоторыя, объясняясь послѣдними и не подтверждаясь первыми, съ помощью историческихъ соображеній и по своей связи со всѣмъ вопросомъ, съ весьма значительною степенью достовѣрности, могутъ получить дѣйствительное значеніе и для древне-Русскихъ училищъ.

О ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ

УЧИЛИЩАХЪ.

Распространеніе и совершенствованіе познаній, и въ области жизни, и въ области науки, происходятъ по опредѣленнымъ и непзмѣннымъ законамъ, управляющимъ духовною природою человѣка. Одно изъ общихъ проявленій этихъ законовъ состоитъ въ томъ, что познанія распространяются по направленію отъ міра внѣшняго къ внутреннему, отъ міра предметнаго къ духовному. Въ развитіи отечественной Исторіи и Словесности указанный путь обозначается ясно.

Начальные опыты первой, заключенные въ лѣтописяхъ, представляютъ совокупность однихъ событій внѣшней исторіи, то, что непосредственно представлялось взорамъ бытописателя и не требовало памѣреннаго углубленія въ невидимыя причины, опредѣляющія ходъ исторической дѣятельности народа. Первые опыты систематическаго изложенія исторіи отличались болѣе внѣшнею, непосредственною связью. Въ слѣдъ за тѣмъ, религія и народный бытъ, законодательство и администрація, постепенно стали входить въ кругъ историческихъ изслѣдованій, которыя и не замедлили пролить новый свѣтъ на политическую, общественную и частную жизнь народа. Тѣ-же изслѣдованія естественно должны были вызвать

вопросъ о состояніи древне-Русскаго образованія. Здѣсь исторія соприкасается съ литературою [1].

Причины, почему послѣдній вопросъ позднѣе другихъ обратилъ на себя вниманіе изслѣдователей, не смотря на свою безотносительную важность, заключаются въ его характерѣ, наиболѣе предполагающемъ необходимость обращенія къ самому источнику всѣхъ литературныхъ явленій, къ творящему духу человѣка, вмѣстѣ съ обращеніемъ къ самой эпохѣ. Впрочемъ до убѣжденія въ этой необходимости должно было дойти путемъ многихъ слабыхъ опытовъ и заблужденій. Хронологическій, или даже систематическій, перечень произведеній Словесности съ жизнеописаніемъ авторовъ, съ указаніемъ содержанія произведеній, конечно, еще не составляетъ Исторіи Словесности. Первая и важнѣйшая задача послѣдней состоитъ въ объясненіи самаго происхожденія литературнаго произведенія изъ круга идей и событій данной эпохи, причинъ его появленія и его обратнаго вліянія на ту-же эпоху, въ показаніи его возможности и необходимости [2]. Рѣшеніе же такой задачи возможно единственно послѣ полнаго и вѣрнаго ознакомленія съ духомъ времени вообще и съ состояніемъ образованія въ данное время въ особенности. При такомъ характерѣ изслѣдованій въ области Исторіи Словесности, каждое литературное явленіе было бы понятно и опредѣленіе его значенія не нуждалось бы въ произвольныхъ предположеніяхъ и искусственныхъ умозаключеніяхъ; тогда и лѣтопись Нестора и Слово о полку Игоревѣ и другіе памятники древней Русской письменности не возбудили бы сомнѣній, основанныхъ большею частію на недос-

---

[1] «Таковъ обычный ходъ нашей науки, сказалъ недавно г. Соловьевъ,— начинать со внѣшняго, ближайшаго къ понятіямъ историка, и потомъ, вглядываясь все внимательнѣе и внимательнѣе въ глубь вѣковъ, объяснять неудобопонятныя для насъ явленія древности согласнѣе не съ нашими, но съ тогдашними понятіями и обычаями. «Н. М. Карамзинъ», ст. г. Соловьева. Отеч. Зап. 1854, Май, стр. 40.

[2] Gervinus: Geschichte der poët. National-Literatur. I, p. 11.

таточномъ пониманіи степени, характера и историческаго хода древне-Русскаго образованія. Конечно, мы теперь уже далеко отъ того времени,—не по числу лѣтъ, а по успѣхамъ науки въ послѣднія десятилѣтія,—когда могло имѣть значеніе мнѣніе извѣстныхъ скептиковъ, будто-бы предки наши, въ XI вѣкѣ, «были еще полудики, жили по-скотски, какъ звѣри въ лѣсахъ, не соблюдали цѣломудрія, убивали другъ друга, не знали никакого гражданскаго устройства, и въ этомъ состояніи коснѣли даже до XIV вѣка, до присоединенія удѣловъ къ Княжеству Московскому.» [1] направленіе, какое приняли въ настоящее время историко-литературныя изслѣдованія, при участіи къ нимъ образованнаго общества, можетъ служить ручательствомъ въ вѣрности избраннаго пути, ведущаго прямо къ цѣли. Только такое направленіе признаетъ пользу и важность рѣшенія частныхъ вопросовъ, имѣющихъ цѣлію объяснить степень и характеръ древне-Русскаго образованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и многія явленія въ Исторіи Русской Словесности.

Въ ряду этихъ частныхъ вопросовъ важное мѣсто занимаетъ и избранный нами для рѣшенія: о древне-Русскихъ училищахъ, устроенныхъ для первоначальнаго образованія. Подъ послѣднимъ мы разумѣемъ сообщеніе первоначальныхъ свѣдѣній, полагающихъ основаніе для дальнѣйшаго развитія умственныхъ способностей,—обученіе чтенію, письму и другимъ элементарнымъ знаніямъ. Но если черты древне-Русскаго образованія вообще, встрѣчающіяся повсюду въ памятникахъ древнѣйшей письменности, только въ недавнее время стали обращать на себя особенное вниманіе, то никто не удивится, когда мы скажемъ, что вопросъ о состояніи первоначальнаго образованія, совершавшагося въ древнихъ нашихъ училищахъ, почти не имѣетъ литературы. Все, что мы имѣемъ готоваго, заключается въ немногихъ словахъ, сказанныхъ по поводу немногихъ лѣтописныхъ указаній на существованіе школъ, устроенныхъ для обученія дѣтей.

---

[1] Бутковъ: Оборона лѣтописи Русской отъ навѣта скептиковъ. Спб. 1840. стр. 2, 9, 17 и др.

Пользуясь упомянутыми выше источниками, мы разсмотримъ состояніе древне-Русскихъ училищъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) представимъ обзоръ существующихъ о нихъ свидѣтельствъ и опредѣлимъ степень ихъ распространенія въ предѣлахъ тогдашней Руси; 2) укажемъ на условія, при которыхъ совершалось первоначальное обученіе въ училищахъ; сюда относятся сохранившіяся извѣстія, посредственныя или непосредственныя, о лицахъ, которыя принимали въ этомъ обученіи преимущественное образовательное участіе, о дисциплинѣ, о способахъ обученія и о возрастѣ, съ котораго начиналось обученіе; 3) разсмотримъ самые предметы первоначальнаго обученія или его содержаніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБОЗРѢНІЕ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ

И СТЕПЕНЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ УЧИЛИЩЪ.

Всѣмъ, знакомымъ съ отечественною исторіею даже по краткимъ руководствамъ, извѣстно, что Владиміръ, немедленно по введеніи Христіанства, повелѣлъ брать дѣтей у *нарочитой чади и отдавать ихъ на ученье книжное*, что сынъ его Ярославъ основалъ училище въ Новгородѣ для 300 отроковъ. Приведемъ собственными словами лѣтописи оба извѣстія, потому что на нихъ прежде всего основывается мысль о существованіи у насъ первоначальнаго школьнаго обученія. Въ Лаврент. спискѣ лѣтописи Нестора, подъ 988 годомъ, читаемъ: «и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Послав нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: во оны дни услышатъ глусіи словеса книжная, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по Божью строю и

по милости своей помилова Богъ» [1]. Извѣстіе о Новгородскомъ училищѣ находится въ Софійской первой лѣтописи, подъ 1030-мъ годомъ: «и прінде (Ярославъ) къ Новугороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ» [2].

Обращая вниманіе на самый характеръ обоихъ лѣтописныхъ извѣстій, съ перваго взгляда нельзя не замѣтить, что они отличаются не одинаковою степенью достовѣрности. Въ достовѣрности перваго извѣстія нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, потому что оно находится во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи Нестора, и въ лѣтописи Переяславльской, и въ Лаврент., и въ Ипат. спискахъ, тѣмъ болѣе въ спискахъ позднѣйшаго составленія. Притомъ какъ содержаніе, такъ и языкъ его носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ глубокой древности, устраняющій всякую попытку подозрѣнія. Относительно этого свидѣтельства можно только выразить удивленіе, почему столь важное и обильное своими послѣдствіями распоряженіе не нашло себѣ мѣста ни въ одномъ изъ произведеній другихъ писателей того-же, или нѣсколько позднѣйшаго, времени, хотя такое мѣсто, по видимому, часто открывалось. Сколько представлялось случаевъ Митрополиту Иларіону упомянуть о существованіи образованія новопросвѣщеннаго Христіанскаго юношества! какъ можно было не высказать своего живаго сочувствія къ этому распоряженію въ то время, когда онъ

---

[1] Лаврент. стр. 51. Нѣсколько иначе это извѣстіе записано въ Переяславльской лѣтописи. Такъ какъ послѣдняя, оканчивающаяся 1214 годомъ и сохранившаяся въ сборникѣ второй половины XV вѣка, списанномъ съ рукописи половины XIII вѣка, слишкомъ 150 годами старѣе Лаврент. списка, то я почитаю обязанностію привести здѣсь и ея выраженія: «иославъ по всѣмъ градомъ своего царства и по странамъ и повѣле дѣти отъимати оу нарочитыхъ людіи и оучити грамотѣ. Матери же плакаху по нихъ: еще бо ся бѣху не оутвърдили въ вѣру. Симъ же раздааномъ на оученіе книжное и навыкаху скоро по Божью строю. (Времен. № 9, стр. 31-32).

[2] П. С. Р. Л. т. V, стр. 136. Въ Никонов. лѣтописи это извѣстіе сохранилось въ слѣд. видѣ: «и приде къ Новугороду, и собравъ отъ старостъ и отъ прозвитеровъ дѣтей т, и повелѣ учити книгамъ» (т. I, стр. 132).

рисовалъ великолѣпную и исполненную высокихъ художественныхъ достоинствъ картину только-что утвердившагося на Руси Христіанства? Каждое его выраженіе вызывало мысль объ этомъ, тѣсно связанномъ со введеніемъ Христіанства, распоряженіи [1]. И между тѣмъ Иларіонъ, по справедливому замѣчанію г. Шевырева, вѣроятно, самъ былъ изъ этой школы [2]. Сколько также представлялось случаевъ упомянуть о той-же мѣрѣ Владиміра Кириллу Туровскому,— и также не находимъ ни одного указанія. Самъ Несторъ, обнаруживавшій, при каждомъ представлявшемся ему случаѣ, живѣйшее сочувствіе къ просвѣщенію своихъ соотечественниковъ, такъ краснорѣчиво высказавшій это сочувствіе даже по поводу установленнаго Владиміромъ начала книжнаго ученія, во всемъ послѣдующемъ своемъ повѣствованіи не упоминаетъ ни объ училищахъ, ни объ образованіи юношества вообще. Такое общее молчаніе о столь важномъ историческомъ явленіи могло бы набросить тѣнь на всякое другое свидѣтельство, кромѣ вышеприведеннаго Несторова, и при другомъ характерѣ, чѣмъ какимъ отличается древнѣйшая наша письменность. Несторъ упомянулъ о немъ, какъ о явленіи новомъ, тѣсно связанномъ съ драгоцѣннымъ для него Христіанствомъ и не менѣе драгоцѣннымъ просвѣщеніемъ, и притомъ какъ о мѣрѣ правительственной; онъ упомянулъ о немъ, какъ о совѣщаніи Владиміра съ духовенствомъ касательно усилившагося

---

[1] Пастуси словесныхъ овецъ Христовъ, сташа епископи и попове и діакони, бескровную жертву възносяще; и весь клиросъ украсиша влѣпоту и одѣяния святыя церкви. Апостольская труба и Евангельскый громъ грады огласи... монастыреве на горахъ сташа; черноризци явишася; мужи и жены, малии и велиции и вси людіе, исполньше святыа церкви, въславиша глаголюще» и т. д. (Прибавл. къ Тв. Св. От. 1844. Ч. II, стр. 241. Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1848. № 7. стр. 37). Или напр. когда онъ восхваляетъ своего Кагана, крестившаго Русскую землю: «ты же съ новыми отцы нашыми, Епископы, снимался чясто съ многымъ смиреніемъ съвѣщавашеся, *како въ человѣцѣхъ сихъ, новопознавшихъ Господа, законъ уставити*». (Прибавл. и проч. стр. 245. Чт. и проч. стр. 41.).

[2] Ист. Р. Словесн. преимущ. древней. Т. I, ч. II, стр. 17.

разбоя,—и почиталъ свое дѣло оконченнымъ. Занимаясь событіями внѣшней исторіи, при всемъ сочувствіи къ образовательной дѣятельности, онъ не видѣлъ связи между своимъ главнымъ предметомъ и продолжавшими свое существованіе училищами. Что же касается до нашихъ проповѣдниковъ, то они, заимствуя свои убѣжденія и доказательства изъ неизчерпаемаго источника догматическихъ истинъ и нравственныхъ положеній,—Св. писанія, и притомъ высказывая ихъ всенародно, весьма благоразумно устраняли себя отъ всякого сужденія о какихъ-бы то ни было правительственныхъ мѣрахъ. Такъ поступилъ и М. Иларіонъ: ему нельзя было не остановиться на введеніи Христіанства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на личности Владиміра,—и онъ дѣйствительно съ особеннымъ вниманіемъ разсматриваетъ первое, но только какъ событіе и слѣдствія, изъ него проистекшія для Россіи, избираетъ предметомъ особой похвалы вторую, но опять только какъ причину Христіанства на Руси, безъ всякого отношенія къ другимъ дѣйствіямъ той-же личности, по видимому, тѣсно соприкасающимся съ водвореніемъ новой истинной вѣры. Проповѣдь же Кирилла Туровскаго такъ мало касается современныхъ и предшествовавшихъ ей событій историческихъ, такъ чужда политическаго характера, что отъ нея, по самому ея характеру, всего менѣе можно ожидать указаній на разсматриваемое нами распоряженіе Владиміра. «На ней нѣтъ печати ничего временнаго, преходящаго, условнаго, говоритъ г. Шевыревъ: она, вѣщательница истины вѣчной, непзмѣняемой, принадлежитъ, можно сказать, всѣмъ вѣкамъ жизни Русскаго народа, а не одному только XII вѣку» [1].

Съ перваго взгляда, иную степень достовѣрности представляетъ извѣстіе о Новгородскомъ училищѣ. Оно находится въ трехъ спискахъ Софійской первой лѣтописи: въ спискѣ Карамзинной, писанномъ въ исходѣ XV или въ началѣ XVI вѣка, кн. Оболенскаго, писанномъ до 1481 года, и въ спискѣ Царскаго XVI

---

[1] Тамъ-же стр. 228.

вѣка [1]. Изъ этихъ списковъ оно занесено и въ Никонову лѣтопись ея составителемъ, почти въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ. На нихъ-то, безъ сомнѣнія, ссылается и Карамзинъ, говоря о Новгородскомъ училищѣ [2]. Отсюда видно, что наша увѣренность относительно заведенія Ярославомъ училища въ Новгородѣ основывается на трехъ спискахъ XV или XVI вѣковъ, изъ которыхъ въ двухъ извѣстіе помѣщено въ текстѣ, а въ одномъ—на полѣ. Въ остальныхъ спискахъ тѣхъ-же вѣковъ объ этомъ распоряженіи Ярослава не упоминается. Особенно замѣчательно то обстоятельство, что о немъ не упоминается ни въ одной изъ изданныхъ четырехъ Новгородскихъ и двухъ Псковскихъ лѣтописей; нельзя не пожалѣть, что въ Новгородской первой лѣтописи, глубокая древность которой не подлежитъ сомнѣнію, 6538 годъ оставленъ безъ всякой замѣтки. Замѣчательно также, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ находимъ указаніе и на предшествовавшія разсматриваемому извѣстію и на слѣдовавшія за нимъ событія, какъ оно представляется въ означенныхъ трехъ спискахъ Софійской первой лѣтописи. Такъ въ Лаврент. спискѣ упоминается о взятіи Ярославомъ Бельза, рожденіи Всеволода, четвертаго сына Ярослава, о походѣ послѣдняго на Чудь, основаніи Юрьева, о мятежѣ въ Польшѣ по смерти Болеслава, и притомъ упоминается въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ, какъ и въ Соф. первой лѣтописи,—и между тѣмъ нѣтъ двухъ извѣстій: объ основаніи Новгородскаго училища и о смерти Іоакима, Епископа Новгородскаго; въ другихъ лѣтописяхъ, напр.

---

[1] Предисл. къ Соф. перв. лѣтоп. П. С. Р. Л. т. V, стр. 77-78. Впрочемъ въ послѣднемъ спискѣ извѣстіе не помѣщено въ текстѣ, а вынесено на поле, и притомъ подъ 6540 годомъ.

[2] Ист. Госуд. Росс. II, примѣч. 54. Онъ ссылается на Никонову лѣтопись и на *рукописныя Новгородскія*. Должно однако замѣтить, что это извѣстіе въ приведенномъ примѣчаніи, а равно и въ текстѣ, заимствовано Карамзинымъ изъ Никон. лѣтописи, а не изъ рукописныхъ. Замѣтимъ также, что въ спискахъ Карамзиной и Кн. Оболенскаго извѣстіе сообщается въ слѣд. видѣ: «отъ старостъ. . . дѣтей», что и въ томъ и другомъ исправлено такъ: «отъ старосты и поповы(п) дѣтей».

въ Новг. второй, прибавленіи къ ней и въ Новг. третьей говорится о смерти Іоакима, объ ученикѣ его Ефремѣ,—и по слова объ училищѣ. Послѣ сказаннаго, можетъ быть, не лишнимъ покажется вопросъ: не подвергается ли сомнѣнію историческая достовѣрность разсматриваемаго лѣтописнаго свидѣтельства молчаніемъ большей части лѣтописей, и въ числѣ ихъ древнѣйшихъ?— Мы уже сказали, что степень его достовѣрности представляется иною только съ перваго взгляда, и мы нисколько въ ней не сомнѣваемся. Нѣтъ нужды доказывать, что составитель или переписчикъ Софійской первой лѣтописи, въ XV или XVI вѣкѣ, во-все не имѣлъ и не могъ имѣть побужденій выдумывать подобнаго событія и что онъ записалъ его, очевидно, заимствовавъ изъ какого-либо древнѣйшаго списка, до насъ не дошедшаго. Въ пользу дѣйствительности распоряженія Ярослава говоритъ и самый характеръ извѣстія: краткость, простота и неожиданность. Видно, что составитель самъ не находилъ въ этомъ событіи особенной важности, какъ бы случайно и тѣми-же словами переписалъ его изъ древнѣйшаго списка, помѣстивъ его, какъ то было, безъ сомнѣнія, и въ послѣднемъ, среди другихъ событій [1]. Если бы оно было вымышлено и слѣдоват. вымышлено съ опредѣленною цѣлію, то оно заняло бы болѣе мѣста, и притомъ заняло бы болѣе приличное мѣсто, было бы выставлено на видъ. Въ лѣтописной дѣятельности XVI вѣка мы уже имѣемъ примѣры искусственно-риторическаго распространенія краткихъ древнѣйшихъ извѣстій, когда хотѣли придать имъ большую важность. Такъ весьма

---

[1] Въ лѣто 6538. Великый Князь Ярославъ Бѣлзы взялъ. Того же лѣта родился Ярославу четвертый сынъ и нарече имя ему Всеволодъ. Того-же лѣта иде великый князь Ярославъ на Чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ; *и пріиде къ Новугороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ.* Того-же лѣта преставися архіепископъ Новгородскый Акимъ; бяше ученикъ его Ефремъ, же ны учаше. Въ се же время умре князь великый Болеславъ въ Лясѣхъ, и бысть мятежъ въ земли Лядьской; и въставше людіе, избиша епископы, и попове и бояры своя. Соф. I, П. С. Р. Л. т. V, стр. 136.

краткое извѣстіе о смерти Іоакима въ Новг. III является растянутымъ [1]. Древность языка, сохранившаяся неприкосновенною, еще болѣе подтверждаетъ тщательность, съ какою наше извѣстіе было переписано. Отсутствіе же его въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ лѣтописяхъ оправдывается тѣмъ, что въ древнѣйшую пору, въ Новгородѣ, въ одно и то-же время составлялось нѣсколько лѣтописей разными лицами, различно смотрѣвшими на историческія событія. Намъ извѣстно, что Новг. лѣтописцы иначе смотрѣли на одно и то-же событіе, чѣмъ Суздальскіе и Кіевскіе, что напр. личность Константина Всеволодовича первыми представляется въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ она изображается послѣдними. Могло то-же быть и въ одномъ Новгородѣ: разныя лица не одинаково записывали событія, и притомъ у одного лѣтописца могло быть записано такое событіе, по ближайшему къ нему отношенію послѣдняго, котораго нѣтъ у другаго. Составитель же сборной лѣтописи XV вѣка, имѣя подъ руками нѣсколько отдѣльныхъ древнѣйшихъ лѣтописей, сводилъ ихъ извѣстія въ одну общую лѣтопись, и между тѣмъ въ послѣднюю могли не войти нѣкоторыя событія, описанныя въ лѣтописяхъ, которыми составитель не пользовался. Вотъ почему въ упомянутыхъ сборныхъ лѣтописяхъ мы можемъ находить извѣстія, какъ по содержанію, такъ и по языку носящія на себѣ печать глубокой древности, но не находящіяся въ другихъ древнѣйшихъ и притомъ мѣстныхъ лѣтописяхъ. Такъ относительно разсматриваемаго распоряженія Ярослава можно насчитать по крайней мѣрѣ три рода списковъ лѣтописей Новгородскихъ: въ однихъ вовсе не упоминается ни о немъ, ни о смерти Іоакима, въ другихъ помѣщены оба событія и наконецъ въ третьихъ упоминается только о смерти Іоакима. Новгородская же первая лѣтопись, въ изложеніи событій XI и начала XII в., отличается поразительною краткостію, касается только важнѣйшихъ государственныхъ и церковныхъ событій, и то въ весьма не многихъ словахъ, такъ что отсутствіе въ ней нашего извѣстія

[1] П. С. Р. Л. т. III, стр. 210.

представляется совершенно естественнымъ [1]. Достовѣрность его подтверждается и тѣмъ, что Отцы Собора 1551 года упоминали именно о существованіи въ Новгородѣ училища въ древнѣйшее время. Наконецъ нисколько не удивительно, что о Новгородскомъ училищѣ не упоминаетъ Несторъ: послѣдній вносилъ въ свою лѣтопись Новгородскія событія, или только по ихъ отношенію къ Кіевскимъ, или по особенной ихъ важности.

Указавши на достовѣрность двухъ важнѣйшихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, положительно и несомнѣнно утверждающихъ существованіе у насъ первоначальнаго обученія въ XI вѣкѣ, мы должны коснуться и слѣд. вопроса: должно-ли разумѣть, что Владиміръ и Ярославъ положили основаніе *училищамъ*, принимая послѣднее слово въ собственномъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ, или разсматривать оба событія какъ слѣдствія частныхъ, временныхъ распоряженій, не предполагавшихъ никакихъ особыхъ условій, которыя бы ручались за ихъ прочность въ будущемъ?

Мы видѣли, что ни то, ни другое извѣстіе не употребляетъ этого выраженія. Г. Соловьевъ въ обоихъ случаяхъ остерегается

---

[1] Вообще разсмотрѣть составъ всѣхъ Новгород. лѣтописей, равно и лѣтописей южнаго отдѣла, сравнить описываемыя въ нихъ событія—трудъ чрезвычайной важности: онъ много поможетъ уясненію характера древнѣйшей нашей лѣтописной дѣятельности, покажетъ истинный ея объемъ и весь процессъ позднѣйшаго составленія лѣтописей болѣе общихъ. Отъ чего, напр. въ Новг. II, подъ 6536 годомъ, читаемъ: «знаменіе явися зміево на небесныхъ, яко видѣти всей земли», между тѣмъ какъ въ Новг. I, подъ тѣмъ-же годомъ, находимъ только: «знаменіе зміево на небеси явися», въ Новг. III этотъ годъ оставленъ безъ замѣчанія, въ Лаврент. опущено слово *зміево* и т. д.? Здѣсь невидно, чтобы одинъ лѣтописецъ списывалъ у другаго: ясно, что въ одно и то-же время въ разныхъ мѣстахъ ведены были лѣтописи, по тому самому различающіяся какъ по объему сообщаемыхъ извѣстій, такъ и по ихъ содержанію. Относительно Лаврент. и Ипат. списковъ такое сравненіе сдѣлано г. Бѣляевымъ, въ статьѣ: «Русскія лѣтописи по Лаврент. списку (Времен. № 2. 1849. стр. 1—26); сюда-же относится его статья: «о разныхъ видахъ Р. лѣтописей» (Времен. № 5. 1850. стр. 1–34). См. Соловьева Ист. Россіи. III, стр. 116—144. и др.

употреблять его, приводя собственныя слова лѣтописи [1]; онъ, вмѣстѣ съ авторомъ статьи, помѣщенной въ Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands [2], даже упрекаетъ Карамзина за то, что послѣдній говоритъ объ училищѣ, тогда какъ, по его мнѣнію, «училища заведено не было, а дѣтей роздали учиться по церквамъ у священниковъ; *это мнѣніе справедливо*, тѣмъ болѣе, что у Татищева читаемъ то-же самое: «Владиміръ повелѣлъ брать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священникамъ со причетники въ паученіе книжное» [3]. Едва-ли должно придавать такую важность слову—*училище*, которое употреблено и въ нашемъ изложеніи. Почему же нельзя назвать училищемъ мѣсто, въ которомъ, по распоряженію правительства, собрано весьма значительное количество учениковъ и которое тѣмъ-же правительствомъ снабжено достаточнымъ числомъ наставниковъ, получившихъ, безъ сомнѣнія, особыя правила касательно объема и содержанія обученія? Для насъ въ настоящемъ случаѣ безразлично, были-ли этими наставниками *священники со причетники*, какъ утверждаетъ Татищевъ, или лица другихъ сословій. Авторъ статьи, приводимой г. Соловьевымъ, съ особенною, имъ самимъ, независимо отъ прямыхъ историческихъ извѣстій, задуманною цѣлію, возстаетъ противъ училищъ, предполагая ограничить распоряженіе Владиміра, по самъ-же Авторъ Исторіи Россіи называетъ такое толкованіе историческаго событія *односторонним и противным всѣм извѣстіям лѣтописей;* слѣдовательно здѣсь рѣчь идетъ только объ одномъ названіи,—и мы повторимъ свое мнѣніе, что не можетъ быть приличнѣе названія мѣсту, въ которомъ собрано весьма значительное число дѣтей для обученія, назначеннаго правительствомъ, какъ названіе училища. Даже вышеприведенное одностороннее толкованіе распоряженія Владиміра,

---

[1] Ист. Россіи т. I. стр. 164. примѣч. 261.

[2] Стр. 89 и слѣд.

[3] Татищ. II. стр. 76.

ограничивающее его однимъ приготовленіемъ священниковъ [1], ничего не говоритъ противъ нашего мнѣнія. И въ настоящее время повсюду собираются дѣти духовнаго званія, для приготовленія себя къ будущимъ обязанностямъ священно-церковнослужителей, и мы нисколько не затрудняемся называть мѣста такихъ собраній училищами. Такъ, безъ сомнѣнія, полагалъ и почтенный Исторіографъ, употребившій это выраженіе. Мы не придаемъ важности свидѣтельству Никоновой лѣтописи, въ которой читаемъ: «и начаша отъ отцевъ и от матерей взимати младыя дѣти, и давати въ *училище*, учитись грамоте» [2], потому что составитель ея, по выраженію Миллера, *бралъ себѣ излишнюю смѣлость* и часто мѣнялъ обязанность списателя Нестора на право его истолкователя. Утверждая умѣстность разсматриваемаго выраженія для обозначенія мѣста собранія дѣтей и наставниковъ для первоначальнаго обученія во времена Владиміра и Ярослава, мы во-все не думаемъ придавать ему значенія устроеннаго въ современномъ видѣ заведенія, съ полнымъ составомъ начальствующихъ и учащихъ, съ строгимъ распредѣленіемъ предметовъ, съ точнымъ указаніемъ правилъ относительно способовъ ихъ преподаванія: въ первое время своего существованія древне-Русскія училища могли не отличаться правильнымъ устройствомъ и порядкомъ,—но только въ первое время. Не забудемъ, что распоряженіе о заведеніи училищъ приведено въ исполненіе подъ непосредственнымъ вліяніемъ Митрополита, родомъ Грека, вспомоществуемаго многими, вмѣстѣ съ нимъ прибывшими въ Россію, его соотечественниками: имѣя уже готовые образцы вполнѣ устроенныхъ учебныхъ заведеній разныхъ родовъ и видовъ въ своемъ образованномъ отечествѣ, могли-ли

---

[1] Что, впрочемъ, несправедливо: для Русской церкви, особенно въ первую пору ея существованія, столько-же необходимы были священники, сколько и причетники, чтецы, пѣвцы, а равно исполнители другихъ спеціальныхъ церковныхъ обязанностей.

[2] I, 94. Слово—*училище* напечатано курсивомъ, конечно, по причинѣ позднѣйшаго исправленія, или даже вставки.

опп затрудпяться быстрымъ устройствомъ по этимъ образцамъ училищъ для первопачальнаго обученія дѣтей въ своемъ новомъ отечествѣ? Много, кажется, потребуется искусственныхъ умозаключеній, чтобы опровергать полную возможность появленія у насъ, еще въ началѣ XI вѣка, училищъ въ Византійской папопліи; въ послѣдующемъ изложеніи эта возможность найдетъ себѣ еще болѣе подтвержденія. Впрочемъ и въ отечественныхъ историческихъ памятникахъ мы находимъ свидѣтельства о томъ, что М. Михапломъ преподаны были и общія правила для обученія дѣтей: сюда относятся свидѣтельства Никоновой лѣтописи и Степенной книги. «Тѣхъ-же всѣхъ учителей грамотныхъ, читаемъ въ первой, призываше къ себѣ Митрополитъ и наказываше, православие и благочестие крѣпко соблюдати, и безумныхъ рѣчей и неподобныхъ ошаятися» [1]. Замѣтимъ, наконецъ, и слѣд. важное обстоятельство: почему же въ XV вѣкѣ, какъ мы видѣли, нисколько не затруднялись употреблять то-же слово точно въ такомъ-же смыслѣ, въ смыслѣ мѣстъ для первоначальнаго обученія; средства и условія были почти тѣ-же: наше отечество, въ XV вѣкѣ, относительно умственнаго образованія, владычествомъ Монголовъ доведено была до состоянія, которое не было лучше того, въ какомъ оно находилось въ XI вѣкѣ; почему же въ XVI вѣкѣ образованнѣйшая часть Русскаго духовенства, занимаясь важнымъ дѣломъ, — возстановленіемъ народнаго образованія, называетъ именно *училищами* мѣста, назначенныя въ древнее время для обученія? «А преже сего въ Россійскомъ царствѣ на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ градомъ многія училища бывали» [2] и т. д.

---

[1] I, 94. Степен. кн. I, 143.

[2] Стоглав. гл. 25. Преосв. Макарій, въ своемъ сочиненіи: «Введеніе въ исторію Христіанства въ Россіи», говоритъ, что Владиміръ *основалъ училища*, въ которыхъ, навѣрно, обучались не одни только дѣти, *но и довольно взрослые*. Изъ этихъ училищъ чрезъ годъ, а тѣмъ болѣе чрезъ два, сколько могло выйти людей, довольно искусныхъ въ церковной грамотѣ, съ нема-

Изъ приведенныхъ выше словъ Переяславльской лѣтоп. и Лаврент. списка лѣтописи Нестора ясно видно, въ какомъ объемѣ должно понимать распоряженіе Владиміра касательно заведенія училищъ: изъ нихъ ясно видно, что оно имѣло силу не для одного только Кіева, а въ равной мѣрѣ и для другихъ городовъ тогдашней Руси. Сказавъ, что Владиміръ началъ строить церкви по всѣмъ городамъ и приводить людей ко крещенію также по всѣмъ городамъ и селамъ, лѣтописецъ тотчасъ-же и, безъ всякого сомнѣнія, въ томъ-же самомъ смыслѣ говоритъ, что В. Князь тогда-же отправилъ во всѣ города и во всѣ страны особыхъ лицъ, которыя бы брали у парочитыхъ людей дѣтей и отдавали ихъ на ученье книжное. При каждой церкви, въ каждомъ городѣ по крайней мѣрѣ, были уже священники, и Несторъ прямо говоритъ: «и нача ставити по градомъ церкви *и попы*»: эти священники и могли на первое время, въ слѣдствіе распоряженія В. Князя, принять на себя обязанность наставниковъ. А потому приведенное лѣтописное свидѣтельство должно понимать такъ, что въ одно и то-же время, непосредственно по введеніи Христіанства, парочитые люди каждаго города должны были отдавать дѣтей своихъ священникамъ того-же города для обученія грамотѣ, другими словами, что въ одно и то-же время въ городахъ Русскихъ возникли училища, конечно, не имѣвшія еще правильнаго устройства. Этотъ важнѣйшій фактъ въ исторіи Русскаго образованія, основывающійся на ясномъ свидѣтельствѣ двухъ древнѣйшихъ лѣтописей, вполнѣ подтверждается и извѣстіемъ о томъ-же предметѣ, находящимся въ Исторіи Татищева: «таже повелѣ ставить церкви и священникамъ людей

лыми понятіями объ истинахъ вѣры Христіанской и обрядахъ Богослуженія, чтобы сдѣлаться на первый разъ руководителями другихъ», стр. 330. Мы не можемъ ничего возражать противъ этого предположенія достопочтеннаго Автора. Дѣйствительно, для скорѣйшаго приготовленія людей грамотныхъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, чувствовали тогда крайнюю нужду, Правительство *могло* распространить свою мѣру и за предѣлы дѣтскаго возраста, хотя лѣтопись прямо упоминаетъ *только о дѣтяхъ* парочитой чади.

приводить на крещеніе, *по всѣмъ градомъ и по селамъ посылал попы ученые.* Митрополитъ же Михаилъ совѣтовалъ Владиміру *устроить училища* на утвержденіе вѣры и собрать дѣти въ ученіе; и тако Владиміръ повелѣлъ собрать дѣтей *знатныхъ, среднихъ и убогихъ*, раздавая по церквамъ священникамъ со причетники въ ученіе книжное. . . прежде бо невѣдущіе закона не слыхали словесъ книжныхъ, но Божью строеніе и милости явившейся, осѣни ихъ свѣтомъ благоразумія, устроены бо были многія училища» [2]. Нельзя ли заключить, что Татищевъ приводитъ здѣсь два отдѣльныя событія: первое то, о которомъ мы находимъ извѣстіе и въ другихъ древнѣйшихъ лѣтописяхъ и о которомъ мы уже говорили; второе свидѣтельствуетъ, что Владиміръ, по совѣту Митрополита, устроилъ многія училища на утвержденіе вѣры, что учившіеся въ этихъ послѣднихъ не были только дѣти нарочитыхъ людей, а и дѣти среднихъ и убогихъ. Мы не находимъ причинъ сомнѣваться въ справедливости извѣстій, приводимыхъ Татищевымъ, и событія, подтверждаемыя имъ, признаемъ совершенно возможными. Весьма естественно, что первое распоряженіе Владиміра, послѣ крещенія народа, относилось къ образованію послѣдняго и оно немедленно было приведено въ исполненіе на столько, на сколько позволяли средства: по настоятельной нуждѣ въ священникахъ, положено было, чтобы послѣдніе занялись обученіемъ дѣтей только знатныхъ лицъ. Это была мѣра, какую можно было придумать и привести въ исполненіе на первый разъ. Но въ скоромъ времени, когда съ одной стороны рѣшительныя и сильныя мѣры Владиміра относительно повсемѣстнаго водворенія Христіанства привели въ порядокъ дѣла церкви, установили правильныя отношенія между Правительствомъ и ея служителями, а равно и взаимныя отношенія послѣднихъ, съ другой, когда усмотрѣли, что принятыя мѣры въ пользу распространенія грамотности, не отличаясь точностію и опредѣлительностію, не могли вполнѣ соотвѣтствовать предположенной цѣли, должна была родиться мысль о правильномъ устройствѣ училищъ. Эти училища, по всей вѣроятности, устроены

[2] Татищ. II, 75—76.

были по образцу Византійскихъ, съ назначеніемъ наставниками тѣхъ-же священниковъ, при пособіи причетниковъ, но уже съ большею опредѣлительностію относительно назначенія обучавшихся, предметовъ и способовъ обученія, а равно и другихъ условій; только такія училища, при постоянномъ наблюденіи надъ ними Правительства и духовенства, могли установить на прочныхъ основаніяхъ народное образованіе, содѣйствовать возможно-быстрому его распространенію и обезпечить собою постоянно полный составъ духовенства. Должно однако полагать, что самое устройство училищъ выпало на долю преемника просвѣщеннаго М. Михаила, († 992), Леонтія; тогда оно совпадало бы съ другою важною мѣрою,—постановленіемъ по городамъ Епископовъ, совершившимся въ 992 году. Постановленіе Епископовъ должно было имѣть весьма важное вліяніе на состояніе училищъ, и нельзя сомнѣваться, что они преимущественно процвѣтали въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣли свое пребываніе Епископы. Мы увидимъ ниже, что учрежденіе епископій влекло за собою и учрежденіе училищъ. Вотъ что говоритъ Степен. Кн. о Ростовскомъ Епископѣ Леонтіи, поставленномъ въ 992 году: «святый же Леонтій прінде въ Ростовъ и видѣ люди состарѣвшіеся въ невѣріи, и остави старые люди, младенцы же ко церкви призываше и сладостно кутіею кормляше ихъ и благочестію учаше и крестяше ихъ» [1]. Такъ, вѣроятно, и въ другихъ городахъ начиналась дѣятельность нашихъ Епископовъ въ пользу распространенія Христіанства и образованія. Бутковъ, въ упомянутомъ сочиненіи, упомянувъ объ извѣстномъ распоряженіи Владиміра объ училищахъ Новгородскомъ и Курскомъ, заключаетъ: «слѣдственно нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что и въ прочихъ городахъ, *особливо въ Епископскихъ столицахъ*, устроены были школы народныя, управляемыя духовенствомъ», и приводитъ въ примѣч. 373 подобное-же распоряженіе Карла Великаго для Саксоніи [2].

---

[1] Степен. кн. стр. 153.

[2] Обор. Р. лѣт. стр. 165.

Въ порядкѣ нашего обозрѣнія, послѣ приведенныхъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ, мы почитаемъ необходимымъ обратить вниманіе на слѣд. извѣстіе Новгородскихъ лѣтописей объ образовательной дѣятельности Ефрема, ученика Іоакима, записанное подъ 1030 годомъ: «преставися Акимъ Новгородскій, и бяше ученикъ его Ефремъ, *иже ны учаше*» [1]. Вникнувъ въ смыслъ этого извѣстія, мы не сомнѣваемся, что оно указываетъ на обученіе, даже на обученіе школьное, а не на простыя поученія міряпамъ духовнаго лица. Въ нашихъ лѣтописяхъ весьма часто употребляется глаголъ *учити* въ значеніи: *поучать* посредствомъ проповѣдей; лица, отличавшіяся такими поученіями, у лѣтописцевъ называются *учительными*, а самыя поученія—*ученіемъ* [2]. Но такое ученіе Ефрема въ настоящемъ случаѣ едва-ли можно предполагать, какъ

[1] Новг. II, 121. Соф. I лѣт. т. V, 136. Къ этому извѣстію, въ *росписи Новгородскихъ владыкъ* (Прибавл. къ Новг. вт П. С. Р. Л. III, 179), уже прибавлено: «Русская земля вновѣ крестися, чтобы мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганскую бы вѣру забывали». Въ 3-й же Новг. лѣт. (ibd. стр. 210), кромѣ этого распространеннаго извѣстія, читаемъ: «сей поучивъ люди 5 лѣтъ, святительству же не сподобися».

[2] Такъ о Кириллѣ, Епископѣ Ростовскомъ: «и вся приходящія изъ окрестныхъ градъ въ святую соборную церковь Святыя Богородица, ово послушающе *ученья его, еже отъ святыхъ книгъ*» (Лавр. стр. 195). О Ѳеодосіи: «*учашеть* я̀ о милостыни къ убогимъ» и т. д. (Лавр. 91). Иногда же наоборотъ: поученіе употребляется въ смыслѣ *ученія;* такъ Константинъ Всеволодовичъ, отпуская своихъ дѣтей въ Ростовъ и Ярославль, говоритъ: «и *книжнаго* поученья слушайта» (Лавр. 187). О Кириллѣ, М. Кіевскомъ, посвященномъ въ 1224 г. «*учителенъ* зѣло и хытръ ученью божественныхъ книгъ» (Лавр. 190); о Симонѣ, Еп. Суздальскомъ и Владимірскомъ: «преставися. . . *учительный* Епископъ Симонъ» (ibd.) и т. д. Пастыри наши, по своей проповѣднической дѣятельности, иногда называются *учителями;* такъ Архіепископъ Кириллъ названъ «учителемъ всея Руси и свѣтильникомъ церквамъ богоспаснаго града Кіева.» (Опис. рукоп. Рум. муз. стр. 291). Церковныя поученія иногда назывались даже *наукою:* «Каллиста наука на Рождество Христово; его-же наука на крещеніе Господа нашего І. Христа; его-же наука на Стрѣтеніе Господа нашего Іисуса Христа (ibd. стр. 211).

потому, что оно составляетъ общую обязанность каждаго священника, о которой упоминается, и притомъ всегда кратко, только тогда, когда нужно указать на особенную способность въ этомъ отношеніи, такъ и потому, что съ нимъ сопоставлено слово *ученикъ*, которое никакъ не согласуется съ упомянутымъ общимъ значеніемъ. Видно, что лѣтописецъ здѣсь хотѣлъ указать на спеціальную, въ тѣсномъ смыслѣ образовательную, дѣятельность Ефрема. Подтвержденіемъ нашему мнѣнію служитъ и извѣстіе о томъ-же событіи въ сводѣ лѣтописей Татищева: «того-же году преставися Іоакимъ, Епископъ Новгородскій, и бѣ ученикъ его Ефремъ, *который насъ училъ Греческому языку*» [1]. Здѣсь для насъ не столько важно то обстоятельство, что Ефремъ училъ именно Греческому языку,— хотя и оно заслуживаетъ вниманіе,—сколько важенъ тотъ смыслъ, какой сообщаетъ лѣтопись Іоакима тому-же извѣстію, кратко записанному въ другихъ лѣтописяхъ. Татищевъ, приводя слова лѣтописи, также не думалъ принимать ученіе Ефрема въ смыслѣ поученія и, конечно, имѣлъ на то болѣе основаній, чѣмъ мы предполагаемъ и чѣмъ мы имѣемъ.—Если же мы допустимъ такой смыслъ въ приведенномъ свидѣтельствѣ, то оно получаетъ особенную важность: во первыхъ, оно ясно указываетъ на существованіе училища въ Новгородѣ до извѣстнаго распоряженія Ярослава, потому что оба событія помѣщены подъ однимъ и тѣмъ-же 1030 годомъ,—и это будетъ болѣе чѣмъ вѣроятно, когда мы вспомнимъ о свидѣтельствѣ лѣтописи относительно отправленія Митрополитомъ Епископовъ и священниковъ во всѣ города для ученія народа; Новгородъ, послѣ Кіева, прежде другихъ городовъ долженъ былъ обратить на себя вниманіе Владиміра, такъ что едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что когда Іоакимъ «прінде къ Новугороду, и требища разори, и Перуна посѣче и повелѣ вврещи въ Волховъ» [2], когда онъ крестилъ Новгородцевъ, тогда-же имъ и заведено было училище; въ такомъ случаѣ распоряженіе Ярослава

[1] Татищ. II, 105.

[2] Соф. перв. V, 121.

имѣло цѣлію только распространеніе уже существовавшаго училища, сообщеніе ему болѣе обширныхъ размѣровъ; во вторыхъ, въ самыхъ выраженіяхъ лѣтописца замѣтна какая-то преемственность въ переходѣ обязанности наставника отъ одного лица къ другому: «и бѣ ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше». Іоакимъ, безъ сомнѣнія, внимательно наблюдалъ надъ устроеннымъ имъ училищемъ, слѣдилъ за успѣхами учениковъ, между которыми, конечно, былъ и Ефремъ, а можетъ быть, по понятному недостатку въ наставникахъ, принималъ и болѣе близкое участіе въ дѣлѣ обученія [1].

Въ томъ-же смыслѣ, думаемъ, должно понимать и другое, болѣе общее, распоряженіе Ярослава относительно повсемѣстнаго обученія людей духовными лицами. Вотъ какъ это распоряженіе выражено въ Лаврент. спискѣ: «Ярославъ же се, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ [2] положи въ церкви святой Софьи, юже созда самъ. . . И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и *дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди*, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ» [3]. Здѣсь выраженіе: *учити люди* употреблено въ смыслѣ обучать людей, въ чемъ удостовѣряютъ слѣд. соображенія. 1) Въ приведенномъ извѣстіи нельзя не замѣтить отдѣленія, смѣшаннаго въ позднѣйшихъ спискахъ, двухъ обязанностей священниковъ: обучать свою новую паству и часто совершать богослуженіе въ церквахъ, при чемъ, конечно, подразумѣваются и поученія, также произносимыя въ церквахъ. 2) Замѣчательно назначеніе особаго оклада изъ собственнаго В. княжескаго имѣнія для вознагражденія за обученіе. Понятно, что

[1] Подъ мѣстоим. *ны* въ приведенномъ свидѣтельствѣ должно разумѣть лѣтописца и его сочениковъ.

[2] Въ др. сп. *списавъ*, *исписавъ*.

[3] Въ Ипат. и Хлѣбн. сп. послѣднія слова переставлены, и притомъ съ позднѣйшимъ прибавленіемъ, что придаетъ имъ нѣсколько иной характеръ: «и приходити часто къ церквамъ, попови бо часто достоитъ учити людій, понеже тому есть поручено Богомъ». Лавр. стр. 66.

общія средства для содержанія духовенства опредѣлены были еще Владиміромъ какимъ-либо общимъ правительственнымъ распоряженіемъ и, вѣроятно, положеніе духовенства въ Россіи установлено было въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ Визант. Имперіи. Къ этимъ средствамъ относились: недвижимая собственность, десятина и другіе источники доходовъ [1]. Въ настоящемъ же случаѣ разумѣется особенный урокъ, для особенной цѣли, которая и высказана въ лѣтописи,—для обученія людей. Заботливость Ярослава о распространеніи просвѣщенія простиралась до того, что для успѣховъ его онъ не щадилъ собственнаго своего имущества, стараясь возбудить тѣмъ образовательную дѣятельность духовенства, какъ единственно-способнаго въ то время сословія содѣйствовать его возвышеннымъ предначертаніямъ. 3) Въ справедливости нашего мнѣнія касательно упомянутаго спеціальнаго назначенія *урока*, предоставленнаго Ярославомъ духовенству, удостовѣряетъ и связь этого извѣстія съ предшествующимъ изложеніемъ Нестора, гдѣ онъ говоритъ о книголюбіи Ярослава, гдѣ онъ такъ наглядно, краснорѣчиво и простодушно высказываетъ свое живое сочувствіе къ просвѣщенію и высокое назначеніе книгъ, этихъ *рѣкъ, напаяющихъ вселенную, исходищъ мудрости, утѣшенія въ печали, узды воздержанія*, гдѣ онъ рѣзко и точно опредѣляетъ различіе въ значеніи той-же дѣятельности Владиміра и Ярослава, изъ которыхъ первый «взора и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ», а послѣдній «насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій». Въ слѣдъ за этимъ классическимъ мѣ-

[1] Такъ извѣстно, что Печерскій монастырь еще въ XI в. владѣлъ селами. Въ патерикѣ, л. 46: «случися имъ ити мимо единаго села Печерскаго монастыря». См. И. Г. Росс. II, прим. 138. Ист. Росс. Соловьева. III, 77. Въ началѣ XIII в. эти владѣнія получили уже обширные размѣры. Вотъ что пишетъ Еп. Симонъ къ Поликарпу: «и кто не вѣсть мене грѣшнаго Еп. Симона и сея Зборныя церкви красоты Володимерскія и другія Суздальскія, юже самъ создалъ! *Колико имѣета градовъ и селъ!* и десятину збираютъ по всей земли той; а тѣмъ всѣмъ владѣеть наша худость». Карамз. III. примѣч. 171. Памят. Р. Слов. XII в. стр. 257. Ист. Росс. Солов. III, 71.

стомъ и нераздѣльно отъ него, подъ тѣмъ-же годомъ, читаемъ и приведенное нами выше свидѣтельство. Можно ли сомнѣваться, что выраженіе Нестора: «веля учити люди» равносильно выраженію: «веля обучать книгамъ, грамотѣ»? Лѣтописецъ глубоко сознавалъ всю важность этого общаго распоряженія Ярослава для распространенія просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что онъ самъ уже успѣлъ воспользоваться его плодами; припомнимъ его выраженіе: Ярославъ «насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное». 4) Наконецъ съ той-же точки зрѣнія смотрятъ на приведенное распоряженіе Ярослава и другіе писатели. Такъ Карамзинъ говоритъ: «опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе Іереямъ, онъ умножилъ число ихъ во всѣхъ городахъ, и предписалъ имъ учить новыхъ христіанъ, образовать умъ и нравственность людей грубыхъ» [1]. Соловьевъ, высказавъ мнѣніе Нестора о высокомъ назначеніи книгъ, продолжаетъ: «при книгахъ нужны были особенно и грамотные священники, которые могли бы учить народъ неграмотный» и т. д. [2]. Бутковъ, приведя то-же мѣсто изъ лѣтописи Нестора, говоритъ: «дѣйствительно, самая необходимость требовала основать разсадникъ проповѣдниковъ вѣры изъ гражданъ своего государства, когда богослуженіе отправляемо было въ немъ на языкѣ Славянскомъ», и въ слѣдъ за тѣмъ, упомянувъ о Еп. Новг. Лукѣ Жидятѣ и М. Иларіонѣ, прибавляетъ: «оба образовались въ отечественныхъ училищахъ, тамъ, гдѣ получили начальное просвѣщеніе преподобные Антоній, Никонъ и тѣ иноки Печерскаго и прочихъ нашихъ монастырей, которые въ XI в. достигли въ Россіи степени Архіерейства» [3] и проч.

Извѣстіе о существованіи училища въ Курскѣ, въ которомъ обучался препод. Ѳеодосій [4], игуменъ Печерскаго монастыря,

[1] И. Г. Росс. II, 28.

[2] Ист. Росс. I, 208.

[3] Оборон. и проч. стр. 164.

[4] Ѳеодосій, какъ извѣстно, родился въ Васильевѣ, въ осьми поприщахъ отъ Курска (см. ст. Кубарева: о патерикѣ Печерскомъ въ Чт. Общ. Ист. и Древ.

находится въ рукописномъ Несторовомъ Житіи Св. Ѳеодосія и въ печатномъ Патерикѣ. «Въ томъ градѣ (Курскѣ), читаемъ въ послѣднемъ, растый отрокъ тѣломъ, растяше и духомъ, въ премудрости и любви Божіей. Ибо моляше самъ родителей своихъ, *да дадутъ его въ наученіе Божественныхъ книгъ*, якоже и сотвориша: и вскорѣ изучися всему Божественному писанію, яко всѣмъ чудитися о премудрости и разумѣ отрока и о скоромъ его ученіи» [1]. Изъ того-же Житія Ѳеодосія видно, что онъ обученъ былъ не только чтенію и разумѣнію Божественныхъ книгъ, но и письму, потому что въ послѣдствіи, будучи игуменомъ, онъ неоднократно посылалъ епистоліи къ Святославу и Изяславу, разрѣшая въ нихъ нерѣдко важные Богословскіе вопросы. То-же Житіе называетъ его наставникомъ и учителемъ иноковъ, *не только вѣрою, но и разумомъ просвѣщеннымъ* [2]. Выраженіе Житія: «да дадутъ его въ наученіе Божественныхъ книгъ» ясно указываетъ на существованіе въ Курскѣ особыхъ мѣстъ, въ которыхъ совершалось обученіе дѣтей.

Въ томъ-же, безъ сомнѣнія, смыслѣ должно понимать свидѣтельства Степен. Кн. и Татищева объ Аннѣ, дочери Всеволода Ярославича и св. Евфросиніи Полоцкой. Первая постриглась въ женскомъ монастырѣ при церкви св. Андрея, построенной В. К. Всеволодомъ, и, собравъ около себя многихъ инокинь, «пребывала въ немъ во всякомъ благоговѣніи, постѣ и цѣломудріи, храня жестоко законъ монашескій, и препровождая время въ чтеніи книгъ». Но этимъ не ограничивалась ея дѣятельность: «собравши же младыхъ дѣвицъ, говоритъ Татищевъ, *нѣколико обучала ихъ писанію*, такожъ ремесламъ, пѣнію, швенію и инымъ полезнымъ

Росс. 1847. № 9. стр. 36—37.). Этотъ городъ, по свидѣтельству Автора Синопсиса, въ 1159 году, отданъ былъ Андреемъ Юрьевичемъ во владѣніе Печерскому монастырю. И. Г. Р. III, прим. 27. Сравн. Прологъ конца XIII в. или начала XIV. Описс. рукоп. Рум. муз. № CCCXIX, стр. 447.

[1] Печат. Патер. л. 29 на об.

[2] Тамъ-же стр. 28.

ихъ ремесламъ» [1].—Объ обученіи Евфросиніи Полоцкой находимъ слѣд. свидѣтельство въ Степен. книгѣ: «случи же ся дѣвицѣ сей ученѣ быти книжному писанію, еще не достигше ей въ совершенъ возрастъ тѣлеснаго естества, еже молитвы плодъ, и толма бысть любящи ученіе, якоже чудитися отцу ея [2] о толицѣ любви ученію ея» [3]. Что слово *писаніе* должно принимать здѣсь въ буквальномъ смыслѣ, видно изъ слѣд. словъ той-же Степен. книги: «пача книги писати своима рукама» [4]. Будучи настоятельницею женскаго монастыря, она убѣдила своего отца отпустить къ ней сестру ея Гордиславу *учиться грамотѣ*. Видно, что въ устроенномъ Евфросиніею монастырѣ обученіе грамотѣ составляло одну изъ обязанностей инокинь. Понимая всѣ выгоды образованія, она тѣмъ менѣе могла оставлять въ невѣжествѣ собравшихся къ ней инокинь. Авторъ Степен. книги, по этому поводу, влагаетъ въ ея уста слѣд. слова: «азъ веселымъ сердцемъ подвизаюся учити васъ, *видящи плоды ваша трудныя*, и толикъ дождь проливаю къ вамъ ученіемъ» [5]. Вообще нельзя не замѣтить изъ многихъ мѣстъ лѣтописей и другихъ историческихъ памятниковъ, что монастырская жизнь въ Россіи въ древнѣйшее время нисколько не представляла отчужденія отъ свѣта, не ограничивала своей дѣятельности тѣснымъ кругомъ лицъ, ей себя посвятившихъ: напротивъ, она вмѣняла себѣ въ обязанность не только наставлять всѣхъ приходящихъ вѣрѣ, благочестію и добрымъ дѣламъ, но и распространять, по возможности, между ними грамотность, которая скорѣе всего могла открыть прямой путь къ истинному и точному позна-

[1] Татищ. II, 138. Въ Ипат. и Хлѣбн. спискахъ находится только слѣд. извѣстіе: «сія же Янка, совокупивши черноризици многи, пребываше съ ними *по монастырьскому чину*. (Лаврент. стр. 88.).

[2] Степен. кн. отцемъ Евфросиніи называетъ Георгія Всеславича, но между именами сыновей Всеслава нѣтъ такого имени: вѣроятно, это Христіанское имя Ростислава Всеславича. Соловьевъ. Ист. Росс. III. пр. 573.

[3] Степен. кн. стр. 270.

[4] Тамъ-же стр. 272.

[5] Тамъ-же стр. 277.

нію вѣры и къ истинно-Христіанской добродѣтели. Блистательный примѣръ такой образовательной дѣятельности нашимъ инокамъ подалъ тотъ, кто первый устроилъ правильное монастырское общежитіе, кто своею подвижническою жизнію, своимъ ученіемъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ установленію на цѣлые вѣка образовательнаго вліянія монастырей, кто въ предсмертной бесѣдѣ съ братіею такъ кратко и ясно высказалъ свое убѣжденіе о высокомъ назначеніи и обязанностяхъ послѣдней, — знаменитый игуменъ Кіево-печерскаго монастыря, Ѳеодосій. «Иноку, говорилъ онъ, надлежитъ быть *бодрымъ на пѣнье церковное, на преданія отеческія и на почитанье книжное, имѣть любовь и наказанье къ меньшимъ, повиновеніе къ старшимъ*» [1]. И вся жизнь святаго игумена была неопровержимымъ подтвержденіемъ этого убѣжденія. «Не точію же о черноризцѣхъ, но и о мірскихъ печашеся душахъ, говоритъ его не менѣе знаменитый жизнеописатель, какъ-бы спаслися, паче же о сынѣхъ своихъ духовныхъ, утѣшая и наказуя приходящихъ къ нему, иногда же и въ домы ихъ приходя, и благословеніе имъ подавая» [2]. Отъ того древне-Русскіе монастыри въ каждой области составляли собою средоточія, изъ которыхъ по всему ея пространству и по всѣмъ направленіямъ распространялись лучи религіозно-нравственнаго образованія. Тѣмъ-же характеромъ запечатлѣна была и дѣятельность монастыря, устроеннаго Св. Евфросиніею и служившаго для своей области и въ свое время важнымъ образовательнымъ центромъ.

Татищевъ, характеризуя въ своей Исторіи Романа Ростиславича, кн. Смоленскаго, скончавшагося въ 1180 году, говоритъ: «онъ былъ вельми ученъ всякихъ наукъ.... и къ ученію многихъ людей понуждалъ, *устроя на то училища и учителей*, Грековъ и Латинистовъ своею казною содержалъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ; и такъ на опое имѣніе свое истощалъ, что на погребеніе его принуждены были Смольяне

[1] Лаврент. стр. 79.

[2] Печат. Патер. стр. 64.

сребро и куны давать по изволенію каждаго»[1]. Свидѣтельство—для насъ чрезвычайно важное, опредѣлительно указывающее на существованіе многихъ училищъ въ княжествѣ Смоленскомъ, въ второй половинѣ XII вѣка, но мы нигдѣ не нашли ему подтвержденія, а потому необходимо оговорить внесеніе его въ текстъ, тѣмъ болѣе, что на сводъ лѣтописей Татищева доселѣ многіе смотрятъ подозрительно, основываясь главнымъ образомъ на строгомъ проговорѣ Карамзина, который, въ этомъ дѣлѣ, въ свою очередь, самъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ рѣзкаго и несправедливаго приговора Шлёцера. Безъ всякаго предубѣжденія въ пользу приведеннаго свидѣтельства должно сказать, что оно не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго: и безъ него, на основаніи другихъ положительныхъ лѣтописныхъ извѣстій, мы можемъ смѣло заключать о существованіи училищъ въ области Смоленской, какъ скоро въ ней учреждена была епископія, потому что попеченіе объ ихъ устройствѣ и поддержаніи составляло обязанность Епископа. Почему же о заведеніи училищъ въ епископіи Смоленской распоряжается только Романъ Ростиславичъ, тогда какъ въ другихъ епископіяхъ этимъ озаботились непосредственно послѣ водворенія Христіанства? Такое различіе во времени объясняется весьма просто: епископія Смоленская была окончательно учреждена только отцемъ Романа Ростиславича, Ростиславомъ Мстиславичемъ, въ 1150 году. До насъ дошли уставныя грамоты Смоленскаго князя и Епископа Мануила (въ спискѣ XVI вѣка), данныя епископіи Смоленской. Въ самомъ началѣ первой грамоты читаемъ:...«приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людми своими, по повелѣнію отца своего святаго, *еже хотѣвъ при животѣ своемъ сътворити; но есть здѣ первѣе сего не бывало епископьи, да азъ недостойный, грѣшный, се уставляю,*

[1] Татищ. II. 239.

епископью» [1] и т. д. Отсюда мы видимъ, что въ Смоленской области, непосредственно по установленіи епископіи, Князь и Епископъ озаботились устройствомъ училищъ, какъ то происходило и въ другихъ областяхъ. При томъ самый характеръ Романа Ростиславича, отличавшагося, по выраженію Карамзина, справедливостію и незлобіемъ [2], извѣстнаго болѣе мирными, кроткими свойствами, нежели воинскимъ духомъ [3], много говоритъ въ пользу достовѣрности свидѣтельства Татищева. Самая характеристика того-же Князя, приведенная въ Исторіи Россійской, своею подробностію относительно его погребенія, можетъ возбудить только довѣріе къ разсматриваемому свидѣтельству [4]. Не можемъ также не замѣтить, что изслѣдованія въ области отечественной исторіи болѣе и болѣе подтверждаютъ достовѣрность тѣхъ или другихъ извѣстій Татищева, не находящихся въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ, и тѣмъ оправдываютъ неосмѣянную его добросовѣстность, нелицемѣрную любовь къ своему предмету. Неужели должно отказаться отъ многихъ драгоцѣннѣйшихъ фактовъ для умственнаго образованія древнѣйшей Руси, сообщаемыхъ Россійскою Исторіею, но, къ нечастію, не записанныхъ въ дошедшія до насъ лѣ-

---

[1] Дополн. къ Акт. Ист. т. I, стр. 5. Впрочемъ въ Никонов. лѣт. и Степен. кн. учрежденіе епископіи въ Смоленскѣ относится еще ко Владиміру Мономаху. См. Повѣств. о Россіи Арцыбашева. I, 243.

[2] И. Г. Росс. III, 12.

[3] Тамъ-же III, 36.

[4] Ипатьевская лѣтопись, подробнѣе другихъ описывающая кончину Романа Ростиславича, не говоритъ ни слова о погребеніи его на сборныя деньги: «преставися же князь Романъ, сынъ Ростиславль, внукъ великаго князя Мьстислава, и спрятавше тѣло его епископъ Константинъ, игумены вси, съ благохвальными пѣсньми и съ кандѣлы благоуханными, положиша тѣло его въ святѣй Богородици. И плакашася по немъ вси Смоляне, понимающе добросердье его до себе, паче же и сынове его плакахуся, слезами обливающе лице свое; и послѣднюю службу створяше родителю своему, опрятавше тѣло его, вложиша въ гробъ». Стр. 123.

тописи, когда и здравый смыслъ и всѣ историческія соображенія говорятъ въ пользу ихъ достовѣрности? Неужели справедливо заключеніе: «ихъ заподозрили Шлёцеръ и Карамзинъ, слѣдовательно мы не должны на нихъ ссылаться»? Если такъ,—мы погрѣшили противъ исторической истины. Но, думаемъ, позволителенъ вопросъ: изслѣдовалъ-ли ученымъ образомъ во всякомъ случаѣ достойный уваженія трудъ Татищева нашъ почтенный Исторіографъ, провѣрилъ-ли онъ всѣ приводимыя имъ извѣстія по всѣмъ извѣстнымъ историческимъ источникамъ? Мы имѣемъ право отвѣчать отрицательно, потому что тѣ слабыя основанія, породившія безусловное подозрѣніе, дѣйствительныя для Карамзина, въ настоящее время уже не дѣйствительны. Безразсудно было-бы, конечно, утверждать безусловную вѣру ко всему, о чемъ ни говоритъ Татищевъ, но здравая и безпристрастная историческая критика, не ограничиваясь общими мѣстами, можетъ и должна отдѣлить въ этомъ трудѣ то, что составляетъ неотъемлемое достояніе исторіи, отъ вымысловъ, не принадлежащихъ лично Татищеву, а тѣмъ источникамъ позднѣйшаго и искусственнаго составленія, большею частію Польскимъ, которыми послѣдній пользовался. Казалось, уже одно то обстоятельство должно было удержать отъ столь строгаго приговора, что всѣ событія, описанныя Татищевымъ и находимыя въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ, оказываются съ величайшею тщательностію, почти слово въ слово списанными съ послѣднихъ. «Въ исторіи Татищева, говоритъ Лербергъ, есть многія извѣстія, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ другихъ. Мы увѣрены, что сочинитель ихъ не выдумалъ, ибо недоумѣнія свои часто показываетъ въ примѣчаніяхъ, и осторожность свою простираетъ до того, что вноситъ только въ примѣчанія извѣстія чужеземныхъ писателей, которыя и самъ онъ считаетъ за достовѣрныя» [1]. Мы почитали необходимымъ это небольшое отступленіе въ пользу уважаемаго нами свода лѣтописей Татищева, чтобы хотя нѣсколько оправдать

[1] Изслѣд. Лерберга, стр. 229.

свои заимствованія изъ него. Знаемъ, что оно не удовлетворитъ зараженныхъ сомнѣніемъ, и мы охотно распространились бы объ этомъ предметѣ, если бы не знали, что въ одно время съ нашимъ сочиненіемъ приготовлено другое, цѣль котораго состоитъ именно въ изслѣдованіи историческаго значенія одной части Россійской Исторіи, посредствомъ упомянутой выше повѣрки сообщаемыхъ ею извѣстій. Во всякомъ случаѣ, зная личность Татищева и характеръ его Исторіи, мы убѣждены, что его свидѣтельство о Смоленскихъ училищахъ не выдумано имъ самимъ, а заимствовано изъ какого-либо, неизвѣстнаго намъ, историческаго источника; можетъ быть, оно въ послѣдствіи и подтвердится, какъ подтвердились другія его извѣстія. Г. Соловьевъ совершенно справедливо утверждаетъ, что *въ подлинности лѣтописей, сводъ изъ которыхъ составленъ Татищевымъ, нѣтъ основанія сомнѣваться*, и, оставаясь вѣрнымъ своему убѣжденію, приводитъ мѣста изъ его исторіи, въ которыхъ упоминается объ училищахъ. «Если при Владимірѣ и Ярославѣ, говоритъ онъ, посылали дѣтей учиться къ священникамъ при церквахъ, то обычай этотъ долженъ былъ продолжаться и распространяться въ описываемое время (т. е. 1054–1228); имѣемъ полное право принять извѣстіе о существованіи училищъ при церквахъ, дворахъ Епископскихъ и заводимыхъ Князьями на свой счетъ [1].

Сюда-же относится свидѣтельство Татищева о заведеніи училищъ при монастыряхъ Королемъ Галицкимъ, Ярославомъ Владиміровичемъ. Вотъ подлинныя слова Татищева: «изученъ былъ (Ярославъ) языкамъ, многія книги читалъ, въ церковномъ чинѣ много исправлялъ и клиросъ устрояя и поставляя, зловѣріе искоренялъ, а мудрости и правой вѣрѣ наставлялъ, и учить понуждалъ, монаховъ же и съ ихъ доходы къ наученію дѣтей опредѣлилъ» [2]. Самый характеръ Ярослава, прозваннаго современниками Осмомысломъ, который, по словамъ Карамзина, не зналъ завоеваній, но, до-

[1] Ист. Росс. III, 88—89.

[2] Татищ. II, 280.

вольствуясь своею не малою областію, пекся о благоденствіи народа, почиталъ дѣла гражданскія важнѣе воинскихъ для Государя [1], который, по выраженію Кіевской лѣтописи, былъ «мудръ и рѣченъ языкомъ и богобоязливъ, разстроилъ (устроилъ) землю свою, любилъ черноризцевъ и самъ приходилъ къ церковному чину и строилъ добрѣ» [2],—самый характеръ его ручается въ возможности и дѣйствительности его распоряженія, упоминаемаго Татищевымъ. Устремивъ главную свою дѣятельность на устройство государства, онъ не могъ не обратить вниманія на одно изъ важнѣйшихъ условій его благосостоянія,—на образованіе народа. Дѣйствительность распоряженія Ярослава оправдывается и другими соображеніями. Такъ Кіевская лѣтопись подтверждаетъ то извѣстіе, что онъ, умирая, призывалъ къ себѣ между прочими лицами и монаховъ: «и ко преставленію своему въ болѣзни тяжьцѣ познася худъ, и созва мужи своя и всю Галичкую землю, позва же и сборы вся и *манастырь*, и нищая, и сильныя и худыя» [3]. Тоже распоряженіе подтверждается и отношеніями Ярослава къ Визант. Имперіи вообще и къ Императору Эммануилу въ особенности. Исторически извѣстно, что еще отецъ Ярослава, Владимірко, находился въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ послѣднимъ [4]. При сынѣ прежняя связь еще болѣе укрѣпилась. Такъ Ярославъ былъ въ союзѣ съ Императоромъ противъ Венгерскаго Короля Стефана III, и хотя послѣ дружески принялъ къ себѣ врага Эммануилова, Андроника Комнена, бѣжавшаго изъ Константинопольской темницы, однако дружескія отношенія между обоими Государями не прерывались [5]. Между тѣмъ этотъ Императоръ извѣстенъ въ Византійскихъ лѣтописяхъ своимъ пераспоженіемъ къ обширнымъ недвижимымъ имуществамъ монастырей, уступленнымъ имъ прежними Императорами:

---

[1] И. Г. Росс. III, 45.

[2] П. С. Р. Л. II, 135.

[3] Тамъ-же.

[4] И. Г. Росс. II, 156.

[5] И. Г. Росс. II, 184. III, 45.

«Addicta et attributa ipsis ædibus sacris ac monasteriis possessionum et prædiorum proprietate, rempublicam labefactarunt (Imperatores), говоритъ Дюканжъ, adeo ut Nicephorus Phocas sanctionem edere coactus fuerit de non augendis monasteriorum latifundiis, *quam etiam firmavit Manuel Comnenus*, ut refert Nicetas» [1]. Такое расположеніе впрочемъ не доказываетъ его отвращенія отъ монастырской жизни вообще, какъ тогда старались объяснять Греческіе монахи: онъ желалъ только сообщить болѣе дѣятельности этой жизни и, находя образовательную дѣятельность наиболѣе приличною ихъ званію, вмѣнилъ имъ ее въ обязанность. Онъ самъ даже построилъ монастырь и при немъ завелъ училище, какъ свидѣтельствуетъ и Татищевъ [2], котораго слова, подкрѣпляемыя Визант. лѣтописями, имѣютъ полную историческую достовѣрность. При такомъ отношеніи Ярослава къ Эммануилу и при такомъ взглядѣ послѣдняго на назначеніе монастырей, весьма естественно, что Ярославъ Владиміровичъ былъ проникнутъ тѣми-же убѣжденіями и старался осуществить ихъ въ своемъ государствѣ [3].

Еще болѣе достовѣрными представляются два извѣстія Татищева о существованіи училищъ во Владимірѣ, относящіяся къ княженію Константина Всеволодовича. Бо́льшая степень ихъ достовѣрности опредѣляется личностію самого Князя, который изображается въ нашихъ лѣтописяхъ мужемъ высокаго образованія,

---

[1] Constant. christ. lib. III, p. 3,

[2] Татищ. III, примѣч. 443.

[3] Князья Кіевскіе также находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Эммануиломъ (см. И. Г. Росс. II, 180—181, 184, прим. 251, III, прим. 153), и у Татищева сохранилось извѣстіе, будто-бы Императоръ писалъ къ Изяславу Мстиславичу, совѣтуя ему разорить монастыри, но будто-бы Изяславъ не принялъ совѣта царскаго (Татищ. III, 36. Сравн. Карамз. II, примѣч. 336.). Такое внушеніе со стороны Визант. Императора едва-ли вѣроятно; вѣроятнѣе то, что враждебный взглядъ Греческихъ монаховъ на его распоряженіе относительно монастырей могъ легко сообщиться и Русскимъ монахамъ, слѣдовательно проникнуть въ лѣтопись, а отсюда въ Исторію Россійскую.

съ истинно-просвѣщенною заботливостію о его распространеніи. «Такъ бѣ блаженый сь князь правдивъ, щедръ, кротокъ, смѣренъ, всѣхъ милуя, всѣхъ набдя, паче же всего дивную любя и славную милостыню и церковное строенье, и о томъ пекыся день и нощь; велми бо печашеся о созданіи прекрасныхъ Божіихъ церквей, исполняя книгами и всякыми украшеніи. . . *всьхъ умудряя тълесными и духовными бесѣдами; часто бо чтяще книгы, и творяше все по писаному*» [1]. Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же лѣтописецъ говоритъ о его *любви и желаньѣ до всего божественнаго, церковнаго строенья. . . и до всего душеполезнаго пути* [2]. Для насъ важно то обстоятельство, что въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ Константинъ Всеволодовичъ единогласно признается образованнѣйшимъ мужемъ своего времени и благочестивѣйшимъ, что онъ особенно заботился о церковномъ строеньѣ, о созданьѣ прекрасныхъ Божіихъ церквей. Оно нѣсколько объясняетъ и устройство одного училища при церкви Св. Михаила, сгорѣвшей 11 мая 1227 года, «*при ней-же трудились иноки Рускіе и Греки, учаще младенцевъ*. И погорѣли книги многіе, собранные симъ Константиномъ мудрымъ» [3]. Это извѣстіе заимствовано изъ неизвѣстной намъ лѣтописи Симона [4], который говоритъ даже о сочиненіяхъ Константина по Исторіи и Географіи. Должно полагать, что во Владимірѣ, въ началѣ XIII вѣка, было не одно и даже не два училища: лѣтописецъ, котораго переписывалъ Татищевъ, только по случаю пожара упоминаетъ о Михаиловскомъ: могли быть училища и при нѣкоторыхъ другихъ церквахъ. Въ завѣщаніи своемъ Константинъ отказалъ въ пользу училища и домъ и всѣ свои книги: «домъ же свой и книги вся *въ*

---

[1] Лаврент. стр. 187—188.

[2] Тамъ-же стр. 187. И. Г. Росс. III, прим. 179.

[3] Татищ. II, 446.

[4] Тамъ-же. II, примѣч. 625. Карамзинъ почитаетъ вымысломъ Татищева лѣтопись Симона, который никогда не бывалъ лѣтописцемъ. (Ист. Г. Росс. I, прим. 378), а потому, конечно, не вѣритъ существованію училища при церкви Св. Михаила. Тамъ-же III, пр. 369.

училище по себѣ опредѣлилъ, и къ тому па содержаніе немалыя волости далъ, о чемъ просплъ брата Юрія, дабы обѣщалъ непоколебимо завѣтъ его сохранить, которой съ великою жалостію и множествомъ слезъ оное утвердилъ» [1]. По нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ дѣйствительности этого завѣщанія. Что можетъ быть естественнѣе, болѣе въ духѣ того времени наставленія отца, письменно преподаннаго дѣтямъ? Не говоря уже о словесныхъ поученіяхъ, запесенныхъ въ лѣтописи, по очевидному сознанію ихъ важности, въ которыхъ рѣдкій князь отказывалъ своимъ дѣтямъ, мы имѣемъ такъ много примѣровъ предварительно отцами составленныхъ письменныхъ завѣщаній, начиная съ Поученія Владиміра Мономаха, особенно съ XIV вѣка, что сомнѣніе, основанное единственно на томъ, что завѣщанія Константина нѣтъ въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ, обнаружило бы только односторонность взгляда на историческія событія. Да и какъ предполагать вымыслъ такихъ событій въ первой половинѣ XVIII вѣка? Татищевъ, какъ бы предвидя сомнѣніе, подтверждаетъ заимствованное имъ извѣстіе слѣд. словами: «*сіе выписано точно* изъ лѣтописца Симонова, который сказуетъ, *что азъ былъ при концѣ его и насладился словесы мудрыми*» [2]. Будучи самъ представителемъ образованія своего времени [3], будучи самъ воспитанъ отцемъ своимъ *въ наказаньи, въ разумѣ свершенъ, даже и до мужьства* [4], Константинъ Всеволодовичъ, по словамъ Татищева, старался сообщить столь-же основательное образованіе

[1] Татищ. II, 416.

[2] Тамъ-же II, примѣч. 601 и 602.

[3] «Великій былъ охотникъ къ читанію книгъ, и наученъ быдъ многимъ наукамъ; того ради имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, многіе древніе книги Греческіе цѣною высокою купилъ, и велѣлъ переводить на Русскій языкъ, многія дѣла древнихъ князей собралъ и самъ писалъ, такожъ и другіе съ нимъ трудились. Онъ имѣлъ однихъ Греческихъ книгъ болѣе тысячи, которыя частію покупалъ, частію Патріархи, вѣдая его любомудріе, въ даръ присылали.» Татищ. III, 416.

[4] Лаврент. стр. 185.

и своимъ дѣтямъ. Такъ, отправивъ ихъ, по обычаю времени, въ Ростовъ и Ярославль на княженіе еще малолѣтними, «паипаче о нихъ печалился и по часту посылалъ бояръ *надзирать въ ихъ ученіи и содержаніи*. Эта заботливость В. Князя о дѣтяхъ, конечно, много говоритъ въ пользу дѣйствительности завѣщанія. Притомъ въ Лаврент. сп. лѣтописи находится словесное наставленіе Константина дѣтямъ его, Василько и Всеволоду, предъ отправленіемъ ихъ въ Ростовъ и Ярославль, высказанное имъ за три или четыре мѣсяца до смерти [1]. Мы почитаемъ необходимымъ представить здѣсь это поученіе, потому что оно, характеризуя личность Константина, можетъ служить отчасти оправданіемъ извѣстій, сообщаемыхъ Татищевымъ: «возлюбленѣи мои чадѣ! будита межи собою въ любви, Бога бойтася всею душею, заповѣди его во всемъ соблюдающа, и моя правы вся вспріимѣте, яже мя видѣста творяща: [2] нищихъ и вдовицъ не презрита, церкви не отлучайтася, іерейскый и мнишьскый чинъ любита, и *книжнаго поученья слушайта*, и будита въ любви межи собою, и Богъ мира буди съ вама; имѣйта послушанье къ старѣйшимъ ваю, иже васъ на добро учать, понеже еще еста въ младоденьствѣ; азъ бо вѣмъ, сына моя, яко отшествіе мое близь приближается отъ свѣта сего, и се поручаю васъ Богу и пречистѣй его Матери и господину Гюргію, да то вы будеть въ мене мѣсто» [3]. Этимъ поученіемъ, очевидно, подтверждается и завѣщаніе, приводимое Татищевымъ. Во всякомъ случаѣ несомнительно то, что Константинъ составилъ завѣщаніе дѣтямъ, изъ котораго, вѣроятно, сущность внесъ въ свою лѣтопись монахъ Лаврентій. Могло быть, что списокъ, которымъ пользовался Татищевъ, позднѣйшій, что въ немъ нравственныя наставленія успѣли получить распространеніе: если бы это

[1] Константинъ скончался 2 Февр. 1218 года, а дѣти его отправились въ означенные города между Сентябремъ и Февралемъ.

[2] Такъ и Владиміръ Мономахъ, во второй половинѣ своего завѣщанія, изображаетъ дѣтямъ собственную свою жизнь, какъ образецъ подражанія.

[3] Лаврент. стр. 187.

было и справедливо, то и тогда нѣтъ основанія заключать, что факты, приводимые въ немъ, выдуманы самимъ Татищевымъ [1].

Къ началу же XIII вѣка относится весьма важное извѣстіе, утверждающее, что въ то время были особые учители, обучавшіе *священной грамотѣ* приготовлявшихся къ духовному званію. Въ Кормчей книгѣ XVI вѣка, на 319 листѣ, помѣщено посланіе Константинопольскаго Патріарха Германа и съ нимъ шести Митрополитовъ къ Курлеонту, Митрополиту Русскому, о непосвященіи рабовъ въ духовный санъ. Это посланіе, какъ полагаетъ Востоковъ, писано было Патріархомъ Германомъ II (1221–1240) не къ М. Леонту, а Кириллу (1221–1240), въ 1228 году, потому что только этотъ годъ, во все время патріаршества Германа, былъ 1 индикта. Въ немъ мы читаемъ: «приспе во слухи нашего смиренія, яко нѣціи во рускои странѣ преже смѣющымъ мужи нѣкія купящимъ. и ко рабскому игу влекуще. аще и плѣнники нѣкія *потомъ оучителемъ ихъ предающе оучити сщ҃енныя грамоты и оученія сщ҃енныи возрастъ*. возводят по чину ихъ ко сщ҃еннодостоянію. ко ѥпомъ сих приводяще, непреже сихъ отпустивше работнаго ига» [2]. Извѣстіе для насъ чрезвычайно важное. Изъ него мы заключаемъ, что 1) въ училищахъ, назначенныхъ для приготовленія къ духовному званію, въ началѣ XIII вѣка, обучались не исключительно дѣти духовныхъ лицъ, какъ то видимъ въ настоящее время, но даже лица вовсе неизвѣстнаго званія, рабы и плѣнники [3]; 2) что въ нихъ находились не только дѣти, но и взрослые, хотя предметы обученія, вѣроятно, были одни и

[1] Г. Бѣляевъ, посвятившій особую статью жизнеописанію Константина Всеволодовича, принимая во вниманіе его *любомудріе и многое чтеніе книгъ*, также утверждаетъ, что «мы не можемъ голословно отвергать свидѣтельство Татищева только потому, что до сего времени не отыскалась лѣтопись, на которую онъ ссылается, и тѣмъ болѣе не можемъ этого сдѣлать, что наша древняя литература еще очень мало разработана». Времен. 1849. № 3. стр. 78.

[2] Описс. рукоп. Рум. муз. № CCXXXIII, стр. 304.

[3] Впрочемъ въ древнее время, кажется, вообще не было строгаго различія въ этомъ отношеніи, и духовенство принимало къ себѣ лицъ другихъ званій.

тѣже; 3) что рабы и плѣнники въ древнее время могли достигать сана священника, получивъ предварительно необходимое для того образованіе отъ лицъ, особо для того назначенныхъ. Трудно объяснить причину такого явленія—происходило-ли оно отъ недостатка образованныхъ священниковъ и отъ недостатка обучавшихся для этого званія, или его должно разсматривать какъ исключеніе, какъ злоупотребленіе, хотя нельзя не замѣтить, что соборное посланіе Патріарха и шести Митрополитовъ едва-ли могло быть вызвано частными злоупотребленіями.

Мы указали на всѣ извѣстныя намъ свидѣтельства о существованіи училищъ въ древней Руси до половины XIII вѣка. Съ этого времени извѣстія становятся еще скуднѣе, какъ по недостатку памятниковъ, объясняющихъ внутреннюю жизнь народа и доселѣ изданныхъ, такъ и по политическому состоянію Государства. Скудость памятниковъ, конечно, должно понимать относительно: по всей вѣроятности, можно бы было собрать несравненно болѣе фактовъ, касающихся народнаго образованія въ XIV и XV вѣкахъ, если бы изданы были всѣ творенія нашихъ пастырей церкви и особенно ихъ жизнеописанія, безъ сомнѣнія, обильныя чертами воспитанія и образованія того времени, хотя съ другой стороны едва-ли можно ожидать важныхъ улучшеній въ этомъ отношеніи. Бѣдствіе, постигшее наше отечество и тяготѣвшее надъ нимъ слишкомъ два съ половиною вѣка, могло только разрушительно дѣйствовать и на установившійся уже порядокъ образованія; оно способно было породить одно отчаяніе, способное въ свою очередь подавить всякую мысль даже о поддержаніи существовавшаго порядка, не только о его распространеніи и усовершенствованіи [1].

Въ одной грамотѣ XIV вѣка предѣлъ между духовными лицами и мірянами выраженъ такъ: «а поповичь, который живетъ у отца, а хлѣбъ ѣстъ отцовъ, ино той митрополичь: а который поповичь отдѣленъ и живетъ опричь отца, а хлѣбъ ѣстъ свой, а то мой Князя Великого». Уставн. грам. В. К. Василія Дим. и М. Кипріана. Акт. Арх. Экспед. I, стр. 5.

[1] Какъ глубоко было отчаяніе народа Русскаго въ XIII в., можно видѣть изъ проповѣдей Серапіона. Поѣздка Шевырева въ К. Бѣлоз. мон. II, 36-38.

Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ полное право и основаніе утверждать, что обученіе юношества продолжалось, хотя въ меньшихъ размѣрахъ и съ меньшею ревностію, въ XIV и XV вѣкахъ. Приведемъ здѣсь собранныя нами свидѣтельства.

Отъ конца XIII вѣка мы можемъ представить только одно свидѣтельство, заимствованное изъ Житія Петра Митрополита, написаннаго М. Кипріаномъ и помѣщеннаго въ Степен. книгѣ, хотя и оно не представляетъ прямаго указанія на училища, а только подтверждаетъ то обстоятельство, что обученіе дѣтей грамотѣ продолжало сохранять свое значеніе: «рождьшуюся отрочати и седьмаго лѣта возраста достигшу, вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися». Далѣе говорится, что у него былъ одинъ учитель, что ученіе шло *косно и всячески неприлѣжно*, о чемъ весьма безпокоились какъ родители Петра, такъ и учитель. Это извѣстіе важно и потому, что нѣсколько намекаетъ и на способъ, какимъ совершалось въ то время первоначальное обученіе [1].

---

[1] Не можемъ не сказать нѣсколько словъ о ярлыкѣ 1313 года, данномъ Ханомъ Узбекомъ Митрополиту Петру. Въ немъ Узбекъ обращается, между прочими лицами, *къ книжникамъ, уставодержальникомъ и учительнымъ людскимъ повѣстникамъ* (Собр. Госуд. гр. и догов. II, № 7. стр. 8). Хотя и возможна мысль, что перечисленіе должностныхъ лицъ въ началѣ ярлыковъ могло и не отличаться точностію, могло и не строго соотвѣтствовать дѣйствительно существовавшимъ тогда въ Россіи должностнымъ лицамъ, что ярлыки могли составляться по одной общепринятой формѣ: однако нельзя не замѣтить, что, во первыхъ, такая мысль не подтверждается сличеніемъ начала этого ярлыка съ началомъ напечатанныхъ въ Запискахъ Одесскаго Общ. Ист. и Древностей (т. I. стр. 337-346. т. II. отд. 2-е и 3-е, стр. 675-679) и въ Собр. Госуд. грам. и догов. (т. II), представляющимъ существенное различіе, при нѣкоторомъ сходствѣ (1); во вторыхъ, если не при самомъ Хант,

(1) Такъ *законовѣдцы* Сеадетъ-Гераева ярлыка (Зап. Од. общ. I., 341) и Тохтамышева (тамъ-же 339) и *верховные законовѣдцы* ярлыковъ Крымскихъ Хановъ могутъ соотвѣтствовать нашимъ *книжникамъ* (γραμματεῖς), а *учительные людскіе повѣстники* нашего ярлыка — *наставникамъ* наукъ Сеадетъ-Гераева и *учителямъ вѣры* ярлыковъ Крымскихъ Хановъ.

Въ Житіи Св. Евѳимія, Архіепископа Новгородскаго (1430–1458), родившагося и воспитавшагося въ Новгородѣ, находимъ слѣдующее извѣстіе: «отроку растущу и времени приспѣвшу, вданъ бываетъ родными его учитися божественнымъ книгамъ» [1]. Отсюда видно,

---

то при Митрополитѣ, должны были находиться люди, вполнѣ знакомые съ точнымъ и дѣйствительно существовавшимъ въ Россіи различіемъ между должностными лицами; эти люди, для собственной же пользы, постарались-бы внести въ ярлыки точность въ этомъ отношеніи, потому что отъ неточности происходила бы неопредѣлительность самыхъ правъ и привилегій духовенства, а слѣд. представлялось бы болѣе возможности ихъ нарушенія. Если-бы, наконецъ, и вкралась неточность въ ярлыкъ, то переводчикъ, понимая важность и практическое значеніе переводимаго имъ акта, непремѣнно устранилъ бы ее и выраженія ярлыка привелъ-бы въ соотвѣтствіе съ дѣйствительнымъ различіемъ должностныхъ лицъ. Такъ переводчикъ употребилъ слово *книжникъ:* значеніе его, какъ слова библейскаго, должно быть слишкомъ знакомо переводчику, и если онъ употребилъ его въ переводѣ, то, безъ сомнѣнія, не видѣлъ несходства между значеніемъ, какое оно имѣло тогда въ жизни, и его дѣйствительнымъ значеніемъ; въ противномъ случаѣ онъ имѣлъ въ распоряженіи слова: тіунъ, дѣтскій, судья и подоб., если бы слово *книжникъ* соотвѣтствовало *законовѣдцу* подлинника. То-же должно сказать и объ *учительныхъ людскихъ повѣстникахъ.* Если бы они соотвѣтствовали *учителямъ вѣры* подлинника, то переводчикъ, конечно, не затруднился бы употребленіемъ словъ: священникъ, проповѣдникъ, или даже учитель вѣры: къ чему было прибѣгать къ такому многословному описанію? Притомъ, Узбекъ вовсе и не имѣлъ нужды обращаться къ священникамъ и проповѣдникамъ, потому что ярлыкъ утверждалъ права и преимущества не только Митрополита, но и всего духовенства: «архимандриты и игумены и попы и вся причты церковные ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ». Да и изъ самаго начала ярлыка видно, что Ханъ обращается къ гражданскимъ чинамъ, какъ Русскимъ, такъ и Татарскимъ, *высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ,* которые безъ такого охраннаго листа, по различнымъ своимъ обязанностямъ, могли бы имѣть столкновеніе съ правами духовенства.— Если справедливы

[1] Въ рукописи. Сборникѣ С.-Петербургской Духовной Академіи. № 280. См. Христ. чт. 1853. стр. 392, въ статьѣ: «критическій очеркъ исторіи Русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества».

между прочимъ, что въ XV вѣкѣ съ опредѣленнаго времени начинали обученіе, и замѣчательно, что жизнеописатель говоритъ о немъ, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ; такъ что самый характеръ разсказа даетъ право предполагать значительную рас-

---

представленныя выше соображенія и если выраженія ярлыка: *книжники и учительные людскіе повѣстники* соотвѣтствуютъ дѣйствительно существовавшимъ тогда въ Россіи лицамъ этого рода, то начало ярлыка 1313 года можетъ имѣть значеніе и для нашего предмета. Мы приведемъ еще одно доказательство возможности такого значенія. Въ царской грамотѣ 1648 года, предписывающей исправленіе нравовъ и уничтоженіе суевѣрія въ Бѣлгородѣ, читаемъ: «и уклоняются православные крестьяне къ бѣсовскимъ прелестемъ и ко пьянству, а отцовъ духовныхъ и по приходомъ поповъ и *учительныхъ людей* наказанья не слушаютъ, и за наказаніе отцомъ своимъ духовнымъ, приходнымъ попомъ и учительнымъ людемъ нарѣганіе, и укоризны, и безчестья, и налогу дѣлаютъ»... (Опис. государств. архива старыхъ дѣлъ. 1850. Москва. стр. 297-298). Въ этой оффиціальной грамотѣ ясно и съ удивительнымъ постоянствомъ различаются *духовные отцы, приходскіе попы и учительные люди*, такъ что послѣднихъ нѣтъ никакого основанія признавать за священниковъ, принимая во вниманіе ихъ проповѣдническую дѣятельность. Нельзя также отрицать, что эти учительные люди были такія-же должностныя лица, какъ и духовные отцы и приходскіе попы, что они имѣли свое особенное назначеніе, свои особенныя обязанности. Мы позволяемъ себѣ думать, что это назначеніе и эти обязанности могли состоять въ обученіи народа грамотѣ, съ чѣмъ могло соединяться и наставленіе въ правилахъ вѣры и Христіанской нравственности. При томъ, если справедливо наше мнѣніе, обязанности учительныхъ людей, по смыслу грамоты, касались общаго народнаго образованія, безъ различія сословій и званій; а при такихъ обширныхъ размѣрахъ образовательной дѣятельности не могло не быть и нѣкотораго порядка въ обученіи и опредѣленной цѣли. Не будетъ-ли вѣроятно сравненіе назначенія и обязанностей *учительныхъ людей* царской грамоты 1648 года съ назначеніемъ и обязанностями учительскихъ людскихъ повѣстниковъ Узбекова ярлыка 1313 года?... Если такое сравненіе вѣроятно, то разсматриваемое выраженіе для насъ имѣетъ неоспоримую важность и оно много можетъ содѣйствовать уясненію общаго способа, какимъ въ древнее время совершалось народное образованіе. Такія лица, вѣроятно, существо-

пространенность первоначальнаго обученія въ XV вѣкѣ. Подобныя выраженія, встрѣчающіяся въ Житіяхъ святыхъ, къ сожалѣнію, большею частію не изданныхъ по древнимъ спискамъ, мы уже имѣли случай замѣтить.

Весьма важное извѣстіе для нашего предмета находится и въ Житіи преемника Евѳиміева, Св. Іоны (1458–1470), съ бо́льшею точностію указывающее на объемъ и характеръ первоначальнаго обученія въ Россіи въ XV вѣкѣ. Вотъ подлинныя слова Житія: «вдану бывшу ему нѣкоему діакону паказатися священнымъ книгамъ. . . аще когда отъ учителя отхождаше со множествомъ ученическимъ, улица града къ дому ему преходити бываше, и тогда всѣмъ, яко дѣтемъ, игранію радующимся, тоій (Іона) вдалѣ отъ нихъ стояти обычай имяше» [1]. Извѣстіе въ высочайшей степени драгоцѣнное. Оно, во первыхъ, утверждаетъ положительно, что въ XV вѣкѣ первоначальное образованіе совершалось именно такъ, какъ оно совершается доселѣ, особенно въ селахъ и погостахъ Великой Россіи [2]; во вторыхъ, оно-же свидѣтельствуетъ, что

вали и ранѣе XIV вѣка, по тому что въ ярлыкѣ о нихъ упомянуто въ ряду другихъ явленій общественной жизни, ведущихъ свое начало отъ глубокой древности. Нельзя также не замѣтить, что число такихъ лицъ должно быть очень велико, такъ что о нихъ почитали необходимымъ упомянуть на ряду съ другими должностными лицами. Причины же, почему о нихъ не говорится въ другихъ ярлыкахъ, заключаются, конечно, въ большей оффиціальности, а слѣдовательно и въ большей точности ярлыка, даннаго Митрополиту Петру. Читатель, надѣемся, извинитъ это, нѣсколько длинное, объясненіе желаніемъ автора открыть въ двухъ-трехъ словахъ, случайно вброшенныхъ въ одинъ изъ памятниковъ старины, черты древне-Русскаго образованія. Желаніе можетъ не достигнуть цѣли,—и мы согласимся, если намъ это докажутъ въ примѣненіи къ настоящему случаю.

1 Тамъ-же. Рукописн. сборн. № 271.

2 Доселѣ какой-либо членъ причта, безъ всякого свидѣтельства на званіе учителя, собираетъ къ себѣ малолѣтнихъ дѣтей своихъ прихожанъ и за вознагражденіе, назначенное послѣдними по предварительному соглашенію, или опредѣляемое добровольными приношеніями (деньгами или натураліями), обу-

собраніе учениковъ у того или другаго наставника было весьма многочисленно, потому что будущій Святитель Новгородскій возвращался отъ дьякона *со множествомъ ученическимъ*. Наконецъ, какъ понимать этотъ способъ первоначальнаго обученія—установившимся-ли въ бѣдственный періодъ ига Монгольскаго, или существовавшимъ еще въ XI и XII вѣкахъ? Мы должны повторить, что извѣстные памятники нашей письменности разсматриваемаго времени такъ бѣдны извѣстіями о характерѣ и послѣдовательномъ развитіи способовъ умственнаго образованія, что нѣтъ никакой возможности отвѣчать на этотъ любопытный и важный вопросъ, на основаніи ряда достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Принимая однако во вниманіе то обстоятельство, что Греки, по введеніи въ Россіи Христіанства, немедленно озаботились устройствомъ училищъ, гдѣ было можно, и, конечно, заведенныя ими училища отличались нѣкоторою стройностію, а равно правильностію и послѣдовательностію въ самомъ обученіи, принимая во вниманіе приведенныя выше свидѣтельства, а также послѣдующія соображенія по тому-же предмету, мы болѣе готовы склониться къ тому убѣжденію, что такое частное и опредѣляемое произволомъ родителей обученіе дѣтей возникло и развилось во время ига Монгольскаго, когда некому было поддерживать прежнія училища, когда послѣднія должны были пасть, особенно въ первое время послѣ страшной бури, разрушительно пронесшейся по нашему отечеству, когда некому было учить и некому учиться. Тогда духовенство, сохранившее еще свой первоначальный образовательный характеръ и успѣвшее, сколько было

чаетъ ихъ чтенію, письму, краткому катихизису, по способу, вѣками установленному, освященному преданіями и доселѣ сохраняющемуся неизмѣнно; иногда такое обученіе возвышается до первыхъ четырехъ дѣйствій Ариѳметики. Курсъ предметовъ, время обученія, возрастъ,—все опредѣляется волею и средствами родителей. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заведены народныя училища, этотъ обычай выходитъ изъ употребленія, хотя кое-гдѣ держится по привязанности къ старинѣ.

возможно, сохранить черты старинаго образованія, снова выступаетъ на свое поприще. Не находя никакихъ средствъ дать большіе размѣры и болѣе правильное устройство обученію, оно должно было ограничиться частными мѣрами, опредѣлявшимися однимъ соглашеніемъ съ родителями дѣтей. Съ другой стороны едва-ли можно безусловно отрицать существованіе частнаго обученія и въ періодъ до Монгольскаго ига: оно могло быть тамъ, куда не проникли правительственныя мѣры о заведеніи училищъ и гдѣ между тѣмъ сознавали необходимость начальнаго умственнаго образованія. Кромѣ того не подлежитъ сомнѣнію, что первоначальныя училища сосредоточивались въ городахъ, между тѣмъ какъ въ небольшихъ селеніяхъ, какъ скоро въ нихъ утверждалось Христіанское богослуженіе и водворялись духовныя лица, обученіе могло совершаться посредствомъ упомянутыхъ частныхъ мѣръ.

Таковы историческія свидѣтельства, утверждающія существованіе древне-Русскихъ училищъ. Изъ нихъ мы видѣли, что большая часть послѣднихъ получила свое начало непосредственно по введеніи Христіанства, нѣкоторыя же—въ послѣдствіи, при участіи Князей, отличавшихся образованіемъ; изъ нихъ мы видѣли также, что періодомъ процвѣтанія училищъ были XI и XII вѣка и начало XIII вѣка. Съ этого времени почти прекращаются о нихъ извѣстія, потому что, безъ сомнѣнія, прекратились и самыя мѣры къ ихъ распространенію и совершенствованію. Продолжало существовать то, что могло существовать, о новомъ нельзя было и думать, и многое изъ прежняго погибло въ развалинахъ городовъ и въ грудахъ труповъ. Въ заключеніе, для полноты нашего обозрѣнія, представимъ нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ о первоначальномъ обученіи, совершавшемся и не въ училищахъ.

Сюда прежде всего относится извѣстіе объ обученіи Св. Глѣба, сохранившееся въ древнѣйшемъ Несторовомъ Житіи Бориса и Глѣба: «пусти же бл҃говѣрныи кн҃зь сн҃ы своѧ когождо на свою область имъ самъ. а сн҃у сею бориса и глѣба оу себе держащю. занеже ѥдиначе дѣтеска бѣста. бѣ же глѣбъ велми дѣтескъ, а умъ старъ. а блж҃ныи борисъ въ разумъ съи исполнь бл҃годати бж҃ıѧ. взимаше

бо книгъ и чташе. бѧше бо и грамотѣ наоученъ. чташе же житіꙗ и оученꙗ ст҃хъ. и гл҃ше молѧсѧ со слезами. сице же ѥму молѧщася по вси часы а ст҃ы глѣбъ послушаше ѥго сѣдѧ и не ѿлучашесѧ ѿ бл҃жнаго бориса. но с нимъ д҃нь и нощь послушаше ѥго» [1]. Не только для нашего предмета, но и для исторіи умственнаго образованія въ Россіи вообще это мѣсто въ Житіи Бориса и Глѣба имѣетъ величайшую важность; оно принадлежитъ къ числу не многихъ свидѣтельствъ, которыя, раскрывая домашнюю жизнь нашихъ предковъ, даютъ возможность схватить нѣсколько чертъ домашняго воспитанія и образованія въ древнее время. Какъ ярко отразился въ немъ частный бытъ, какъ ясно обозначился весь процессъ домашней передачи образованія и какъ полно выразился въ немъ тотъ характеръ древне-Русскаго образованія, который, не утративъ ни своей полноты, ни свѣжести, проникъ во всѣ памятники древней письменности. Изъ него мы узнаемъ, что наши князья, еще въ самомъ началѣ XI вѣка, учились грамотѣ и читали *житія и мученія святыхъ;* узнаемъ также, что Глѣбъ, будучи еще *велми дѣтескъ* и, вѣроятно, не зная грамоты, неотлучно сидѣлъ подлѣ своего брата, слушалъ его чтеніе и съ ранняго дѣтства проникался тѣмъ благочестіемъ, которое не покидало его во всю жизнь и которое онъ запечатлѣлъ мученическою смертію. Впрочемъ, какъ видно, Глѣбъ не долго пользовался наставленіемъ брата, потому что послѣдній скоро отправленъ былъ отцемъ на княженіе въ Ростовъ [2]. — О супругѣ Андрея Константиновича, Кн. Нижегородскаго, Татищевъ, подъ 1331 годомъ, говоритъ: «еще сущей отроковицѣ, изучися грамотѣ, ветхій и новый завѣтъ изучи» [3] Въ Житіи Митрополита Алексѣя,

---

[1] Извѣст. II отд. Акад. Наукъ т. II, стр. 211.

[2] «Видя Бориса преспѣвша верстою въсхотѣ (Владиміръ) бракъ створити ѥму... блженыи оумоленъ бывъ ѿбоꙗръ... створи волю оц҃ю... таче посла и̂ на область... глѣба оу себе остави ѥдиначе бо бѣ оунъ тѣломъ». Изв. II отд. Акад. Наукъ. II. стр. 211.

[3] Татищ. III, 253. Степен. кн. I. стр. 486.

писанномъ Пахоміемъ Логоѳетомъ и находящемся въ Степен. книгѣ, объ обученіи отрока Елеѳерія (въ иночествѣ Алексѣя) узнаемъ слѣд.: «святому же отроку Елеуѳерію устрабившуся, и преспѣвающу въ благочиніе возрастѣ, таже времени приспѣвшу и книжному ученію вданъ бываетъ, и бысть яко лѣтомъ двоюнадесяте, еще дѣтское имуще ему» [1].—О Михаилѣ Александровичѣ, Кн. Тверскомъ, въ Новгородской первой лѣт., подъ 1341 годомъ, читаемъ: «той же зимы пріѣха Михаилъ княжичь Александровичь, съ Тфери въ Новгородъ, ко владыцѣ, сынъ крестъный, *грамоты учиться*» [2]. Свидѣтельство важное, доказывающее, что крестный отецъ, которымъ у княжескихъ дѣтей большею частію бывало лице высшаго духовенства, иногда принималъ на себя обязанность обучать своего крестника грамотѣ, подъ чѣмъ, конечно, разумѣлось не одно чтеніе и письмо. Видно также, что мѣстожительство крестнаго отца въ этомъ случаѣ не служило препятствіемъ.—Въ краткомъ житіи Архіепископа Новгородскаго Моисея (+1362), находящемся въ прибавленіи къ Новг. II лѣтоп., читаемъ: «изучися же грамотѣ, изъ млада Христа возлюбивъ, и часто хождаше къ церкви Божіи, а еже къ дѣтемъ играющимъ не приближашеся» [3]. Можно предполагать, что игравшіе дѣти обучались вмѣстѣ съ Моисеемъ. Этихъ примѣровъ мы почитаемъ достаточными для доказательства, что, независимо отъ обученія въ училищахъ, было обученіе домашнее, частное, особенно въ княжескихъ семействахъ.

Во всемъ нашемъ изложеніи мы имѣли въ виду только первоначальное обученіе, т. е. обученіе элементарнымъ, необходимымъ знаніямъ, что и составляетъ цѣль нашего разсужденія. Излишне было бы замѣчать, что образованіе того времени не ограничивалось этими знаніями, а усвоивало себѣ все, что представлялъ значительно развитый кругъ знаній, обращавшихся въ Визант.

---

[1] Степен. кн. I. стр. 447.

[2] Новг. перв. II. С. Л. т. III, стр. 81. Сравн. Новг. IV, 55.

[3] II. С. Р. Л. т. III, 179.

Имперіи и даже въ сопредѣльныхъ съ Русью государствахъ западныхъ, что оно переходило далеко за предѣлы дѣтскаго, даже юношескаго возраста, обнимая собою иногда всю жизнь. Это, естественное само по себѣ, заключеніе вполнѣ подтверждается и множествомъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, начиная отъ Владиміра, крестившаго Русскую землю, который самъ, по словамъ Нестора, «бѣ любя словеса книжная» [1], до конца разсматриваемаго періода; оно-же подтверждается появленіемъ такихъ просвѣщенныхъ писателей, каковы были: препод. Несторъ, М. Иларіонъ, Кириллъ Туровскій, появленіемъ такихъ образованныхъ мужей, каковы были: Владиміръ Мономахъ, Нифонтъ—поборникъ Русской земли, Климъ Смолятичь—книжникъ и философъ, Святославъ, Михаилъ и Всеволодъ Юрьевичи, Константинъ Всеволодовичь и другіе. Для лицъ же, поступавшихъ въ духовное званіе, была и оффиціальная повѣрка и дополненіе пріобрѣтенныхъ знаній, производившіяся при ихъ посвященіи. Приведемъ здѣсь одинъ весьма замѣчательный примѣръ такого испытанія въ XV вѣкѣ, доказывающій, какъ строго пастыри древне-Русской Церкви смотрѣли на достоинства посвящаемыхъ. Въ Степен. кн. о Новгородскомъ Архіепископѣ Геннадіѣ сказано: «и хиротонисаше презвитеры, и діаконы, иже довольно время у себе въ наученіи держаше, дондеже постигнутъ въ разумъ вѣданія священническаго исправленія, и толико наученіи быша тогда повопоставляемы пресвитеры и діаконы, яко видѣти ихъ иже быша яко свѣтила міру истинные пастыріе и учителіе порученной имъ паствѣ, и вси людіе многу пользу получаху отъ нихъ» [2]. Мы съ намѣреніемъ привели свидѣтельство объ испытаніи повопоставляемыхъ изъ XV вѣка, когда, при недостаткѣ средствъ для правильнаго и послѣдовательнаго сообщенія образованія, безъ сомнѣнія, явилась и настоятельная потребность обращать на это испытаніе строгое вниманіе; подъ руководствомъ умныхъ и рев-

---

[1] Лаврент. стр. 54. Сравн. Степен. кн. стр. 161.

[2] Степен. кн. I. стр. 475.

ностныхъ пастырей, оно приняло чисто-образовательный характеръ, сдѣлалось для того времени дѣйствительнымъ и важнымъ органомъ для распространенія образованія.

Къ числу приведенныхъ выше извѣстій о древне-Русскомъ первоначальномъ обученіи мы не можемъ не присовокупить еще одного, весьма важнаго, по нашему мнѣнію, и весьма близкаго къ нашему предмету. Это—извѣстіе о содержаніи на церковный счетъ и при церквахъ дѣтей бѣдныхъ родителей и сиротъ, для чего, по всей вѣроятности, при церквахъ были особыя зданія. Что такое содержаніе дѣтей было,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такъ авторъ Степен. книги, говоря объ утвержденіи Христіанства и объ устройствѣ церкви, прибавляетъ, что пожертвованія въ пользу церкви дѣлаются, между прочимъ, и *возраста ради сиротъ* [1]: ясное доказательство, что возращеніе, кормленіе безпріютныхъ дѣтей составляло даже нравственную обязанность духовенства, и что для этой цѣли были въ употребленіи особыя пожертвованія; въ Уставѣ Владиміра о церковныхъ десятинахъ и проч. упоминаются при церквахъ гостинницы, странноприимницы [2]; въ грамотахъ, отъ XIV вѣка, часто упоминается о сиротахъ, содержавшихся особенно при церквахъ монастырскихъ; въ уставной грамотѣ Митрополита Кипріана Константиновскому монастырю сказано: «ходите-жъ вси по моей грамотѣ; игуменъ *сироты держи*, а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте» [3]. Отсюда видно, что содержаніе сиротъ вмѣнялось въ опредѣленную, положительную обязанность монастырямъ; отсюда видно также, что вскормленные такимъ образомъ сироты составляли собственность монастырей, принадлежали къ людямъ монастырскимъ. Правда, вспомоществованіе сиротамъ, какъ общая Христіанская обязанность, внушается духовенствомъ и всѣмъ Христіанамъ. Такъ М. Алексѣй въ грамотѣ своей на Червленый Яръ,

---

1 Тамъ-же стр. 159.

2 Дополн. къ Акт. Истор. т. I. стр. 1.

3 Тамъ-же стр. 7. Сравн. Акты Археогр. Эксп. т. I, стр. 3. и др.

къ духовенству и мірянамъ, пишетъ: «вдовицъ, и сиротъ, и полоняниковъ, и странныхъ милуйте и призирайте» [1]. Попеченіе о сиротахъ вмѣняется въ добродѣтель и часто упоминается при перечисленіи различныхъ достоинствъ Князей и Епископовъ. Такъ въ Лаврент. о Пахомѣ, Епископѣ Ростовскомъ, сказано, что онъ «*бѣ сиротами добръ пекыйся*, милостивъ зѣло къ убогымъ» [2]; въ той-же лѣтописи о Всеволодѣ Юрьевичѣ: «судилъ судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица сильныхъ своихъ боляръ, обидящихъ меншихъ и *работящихъ сироты* и насилье творящимъ» [3] и т. д. Но всякій видитъ различіе между этою, чисто-нравственною, обязанностію и юридическою, лежавшею на монастыряхъ, при которыхъ сироты составляли особый разрядъ лицъ, имѣвшихъ свои права и обязанности. И какъ не быть этимъ пристанищамъ сиротъ тамъ, гдѣ Христіанство появилось вдругъ въ полномъ цвѣтѣ, гдѣ благотворительность, съ первыхъ годовъ его водворенія, еще въ лицѣ Владиміра, искала простора и сплилась обнять собою все новопросвѣщенное общество, куда всѣ Христіанскія учрежденія, въ полномъ своемъ составѣ, перенесены были изъ православной Византіи! Гдѣ, какъ не на почвѣ старой Руси, эти благотворительныя растенія могли лучше привиться, окрѣпнуть, раскинуть свои вѣтви по необозримому пространству, собрать подъ свою тѣнь и питать своими плодами все, что лишено было крова, тѣлесной и духовной пищи? Да, наши предки должны были имѣть благотворительныя учрежденія, какъ потому, что они были проникнуты истинно-Христіанскою любовію къ ближнимъ, такъ и потому, что эти учрежденія въ обширныхъ размѣрахъ и издавна существовали въ Визант. Имперіи. Мы должны удивляться тому, что до насъ не дошло отдѣльнаго и подробнаго письменнаго памятника, свидѣтельствующаго объ ихъ установленіи, кругѣ и характерѣ дѣйствій.

---

[1] Акты Историч. т. I, стр. 4.

[2] Лаврент. стр. 185.

[3] Тамъ-жс.

Для насъ-же, въ настоящемъ случаѣ, существованіе ихъ въ древней Руси имѣетъ особенную важность: мы имѣемъ положительныя доказательства, что упомянутыя пристанища имѣли цѣлію не только возвращеніе и кормленіе сиротъ, но и ихъ образованіе, конечно, элементарное. Припомнимъ, что въ духовномъ Уставѣ Владиміра упоминается о гостиницахъ, странноприимницахъ при церквахъ, какъ о необходимой принадлежности послѣднихъ. Не буквально-ли соотвѣтствуютъ эти *странноприимницы* Византійскимъ *ксенодохіямъ?* А вотъ что говоритъ о послѣднихъ жизнеописатель Св. Іоанна Акакія: «*ἐν ᾗ* (*ξενοδοχίᾳ*) *παίδων τροφαὶ καὶ παιδεία, κατὰ νόμον Χριστιανοῖς πάτριον, καὶ ξένων ὑποδοχαὶ καὶ θεραπείαι ἀνδρῶν εὐαγῶν κατὰ τὰς θαυμαστὰς μάλιστα διατάξεις τῶν ἱερῶν μαθητῶν, ἐν ᾗ παντοδαπαὶ δι' ἔτου τῶν ὡρῶν πρόσοδοι, ἑορταί τε καὶ πανηγύρεις καὶ θυμηδίαι Φέρουσαι τινα τοῖς πένυσι τὴν ψυχαγωγίαν*» [1], т. е. ксенодохія или странноприимница, въ которой, *по закону Христіанскому*, совершается воспитаніе и образованіе дѣтей и проч. [2]. Развѣ обязанность нашихъ монастырей кормить и содержать сиротъ не буквально соотвѣтствуетъ обязанности Визант. *орфанотрофій?* Между тѣмъ вотъ что говоритъ Дюканжъ о назначеніи орфанотрофіи, приводя свидѣтельства Іоанна Скилицы и Анны Комнены: «*ὀρφανοτρόφια*— loca venerabilia, in quibus parentibus orbati pueri pascuntur. . . A Romano Argyro instauratum, scribit Scylitzes, pag. 732, ac demum ab Alexio Comneno Anna filia lib. XV, p. 482, qui locum monachorum et monacharum cellulis auxit, *scholas Grammaticae, in quibus pupilli et pauperum liberi erudirentur, statuit*» [3]. Должность начальника такого сиротскаго учебно-воспитательнаго заведенія,

---

[1] Дюканжъ: Hist. Byzant. lib. III, p. 163. У Бандури въ его Imp. Orient. sive Antiquitt. Cptt. Parisiis. 1711.

[2] Почитаю излишнимъ объяснять, что *παιδεία* на Греч. языкѣ обнимала собою и образованіе. См. Krause: Gesch. d. Erz. d. Unterrichts u. d. Bildung bei den Griechen, Etruskern u. Römern. Halle. 1851. стр. 215. Allgem. Pädag. v. H. Gräfe. Leipzig. 1845. I, 364.

[3] Дюканжъ: Hist. Byzant. lib. III. p. 165.

или *орфанотрофа*, почиталась обыкновенно въ числѣ почетныхъ [1]. Такихъ учебно-воспитательныхъ заведеній для сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей было довольно много въ Константинополѣ, подъ разными названіями: *βρεφοτρόφια*, *πτωχοτρόφια*, *πανδοχεῖα* и др. [2]. Они существовали тамъ непрерывно съ отдаленныхъ временъ и ведутъ свое начало еще отъ временъ языческихъ, хотя, подъ вліяніемъ Христіанства, получили совершенно иной характеръ [3]. Мы ни мало не сомнѣваемся, что наши древнія странноприимницы, учрежденія въ пользу сиротъ, появившіяся немедленно по водвореніи Христіанства и, вѣроятно, въ послѣдствіи распространившіяся, устроены были по образцу Византійскихъ и слѣдовательно имѣли *учебно-воспитательный* характеръ [4]. Различіе въ обученіи между

[1] Constant. de Cerem. 195. 42.

[2] Сравн. Краузе привед. соч. стр. 185. Бернгарди: Grundriss der Griech. Liter. I, 504.

[3] Такъ они были еще у древнихъ Грековъ. Впрочемъ о языческихъ учрежденіяхъ этого рода справедливо говоритъ Краузе: «stehen die alten Völker in Betreff der Waisenpflege ohne Ausnahme weit hinter den neueren und können in dieser Beziehung mit ihnen gar nicht verglichen werden» p. 190. Римскіе Императоры, особенно Нерва, Траянъ, Антонины и Александръ Северъ, сообщили большее развитіе этимъ учрежденіямъ; но, какъ справедливо замѣчаетъ Нимейеръ, послѣднія или представляютъ слишкомъ отдѣльныя явленія, не вытекающія съ необходимостію изъ духа народа, или отличаются инымъ характеромъ, сколько можно судить по началу, ихъ вызвавшему, такъ что нельзя не признать основательнымъ мнѣнія Пауфлера (de pueris et puellis alimentariis. Dresden. 1809), который говоритъ, что Императоры заботились о нихъ ad captandam auram popularem. Grundsätze der Erz. und des Unterrichts. Halle. 1835. III, p. 437.

[4] Извѣстно, что еще Василій Великій въ своихъ правилахъ предписываетъ принимать сиротъ и тѣхъ дѣтей, которыхъ родители принесутъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей, помѣщать ихъ въ особыхъ, для того назначенныхъ, домахъ, давать имъ благочестивое воспитаніе, подъ надзоромъ пожилаго, опытнаго и испытаннаго терпѣнія мужа, немедленно знакомить ихъ съ Св. Писаніемъ и т. д. То-же предписываетъ и Григорій Великій. (Нимейеръ. III, 445). А извѣстно также, что правила Василія Великаго строго исполнялись въ древне-Русскихъ монастыряхъ.

ними и училищами, конечно, состояло въ числѣ предметовъ, объемѣ преподаванія, въ степени порядка и правильности послѣдняго. Въ Визант. заведеніяхъ для сиротъ, какъ мы видѣли выше, устроены были даже грамматическія школы. Нимало не сомнѣваемся также въ важности приведенныхъ нами фактовъ относительно характера безспорно существовавшихъ у насъ съ древнѣйшихъ временъ благотворительныхъ учрежденій, на которыя доселѣ, сколько намъ извѣстно, никто не смотрѣлъ съ этой точки зрѣнія: если справедливы наши соображенія, то для исторіи древне-Русскаго первоначальнаго образованія мы пріобрѣтаемъ весьма важный фактъ, который значительно расширяетъ и уясняетъ наши понятія о дѣйствовавшихъ въ разсматриваемое время образовательныхъ средствахъ.

Изъ представленнаго нами обозрѣнія легко можно составить понятіе о степени распространенія древне-Русскихъ училищъ и первоначальнаго обученія вообще. Такъ мы видѣли, что одни свидѣтельства даютъ полное право заключать, что училища заведены были преимущественно въ мѣстахъ пребыванія Епископовъ [1];

[1] Въ такомъ случаѣ, кромѣ упомянутыхъ городовъ, училища могли быть въ слѣдующихъ: въ Ростовѣ, Бѣлгородѣ и Черниговѣ, гдѣ епископіи учреждены въ 992 году, въ Переяславлѣ (Кіев. губ.), съ половины XI ст., гдѣ и нѣкоторые Митрополиты имѣли свое пребываніе до времени княженія Всеволода Ярославича, въ Хельмѣ, также съ половины XI вѣка, въ Тмутаракани, съ конца XI вѣка, въ Полоцкѣ, съ начала XII вѣка, также въ Туровѣ, въ Рязани, съ начала XIII вѣка, въ Перемышлѣ, съ XIII в., въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, съ начала XIII в., (1) въ Твери, съ половины XIII в., въ Луцкѣ, съ нач. XIV в., въ Галичѣ, гдѣ епископія учреждена около того-же времени, въ Перми, съ конца XIV в., епископы которой въ началѣ XVI в. переселились въ Вологду. Кромѣ поименованныхъ въ древнихъ памятникахъ, упоминается еще объ епископіяхъ: Юрьевской, существовавшей не болѣе вѣка, Звенигородской, учрежденной въ концѣ XIV в., но въ скоромъ времени прекратившей свое существованіе. Должно также замѣтить, что изъ поименован-

(1) Епископы Переяславльскіе до конца XIII в. имѣли свое пребываніе въ Сараѣ, а съ этого времени на Крутицахъ въ Москвѣ.

другія поименно указываютъ на города, въ которыхъ существовали училища, какъ-то: на Кіевъ, Новгородъ, Курскъ, Смоленскъ, Владиміръ Волынскій, Владиміръ на Клязмѣ, иныя просто утверждаютъ существованіе совокупнаго обученія; иныя, наконецъ, указываютъ вообще на распространеніе первопачальнаго обученія;— всѣ вмѣстѣ утверждаютъ, что умственное образованіе, съ первыхъ временъ Христіанства, успѣло получить довольно обширные размѣры, безъ сомнѣнія, увеличивавшіеся въ послѣдствіи.

Мы не думаемъ, чтобы такое явленіе кому-либо могло показаться невѣроятнымъ. Оно бы дѣйствительно было невѣроятнымъ въ томъ случаѣ, если бы или введеніе Христіанства было длиннымъ рядомъ частныхъ рѣшеній, а потому медленно дѣйствовало бы на измѣненіе характера общественной и частной жизни, или если бы Христіанство перешло къ намъ изъ страны, которая сама еще не успѣла развить въ себѣ до значительной степени умственнаго образованія, или если бы Русскій народъ даже до XIV вѣка былъ тѣмъ варварскимъ, чуждымъ всякой гражданственности народомъ, какимъ непремѣнно хотѣли его вообразить себѣ наши скептики. Ни то, ни другое, ни третье обстоятельство не можетъ быть отнесено къ нашему отечеству.

Христіанство было введено у насъ по волѣ единодержавнаго В. Князя Русскаго, по волѣ, которая была закономъ для всего его Государства, введено было по общему правительственному распоряженію, обнимавшему всю Русь. Припомнимъ ту дивную картину крещенія народа въ Кіевѣ, отъ которой, по выраженію лѣтописца, ликовали небо и земля,—и убѣдимся, что распоряженіе Владиміра не допускало исключеній. Припомнимъ здѣсь слова перваго Русскаго Митрополита, который говоритъ, что Владиміръ

ныхъ епархій—Бѣлгородская существовала не болѣе 60 лѣтъ, Тмутараканская уничтожилась при самомъ своемъ началѣ, отъ набѣговъ Печенѣговъ и Половцевъ. Наконецъ, съ 1328 года, Митрополитъ Петръ утвердилъ свое мѣстопребываніе въ Москвѣ, чему послѣдовали и его преемники. Ист. Росс. іерархіи. Москва. 1822. I, стр. 1—15.

«заповѣда по всей земли своей крестити во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ясно и велегласно въ всѣхъ градѣхъ славитись святый Троицѣ, и всѣмъ быти крестьяномъ, малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ и старымъ, богатымъ и убогимъ. И не бысть ни единого же противящеся благочестивому его повелѣнію; да аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣвшаго крещаахуся, понеже бѣ благовѣріе его съ властію съпряжено. И въ едино время вся земля наша въслави Христа съ Отцемъ и съ Св. Духомъ» [1]. Это свидѣтельство для насъ въ высочайшей степени драгоцѣнно: Иларіонъ могъ слышать о крещеніи народа въ Кіевѣ изъ устъ самихъ крестившихся; изъ него видно, что крещеніе Руси было слѣдствіемъ одного общаго правительственнаго акта, обнимавшаго всѣ сословія, званія, возрасты и полы, одно дѣло того, чье благовѣріе было съ властію сопряжено [2]. Если же таково было водвореніе Христіанства въ Россіи, то и все, что было тѣсно связано съ нимъ, что съ необходимостію вытекало изъ самаго духа Христіанства, всѣ учрежденія, которыя постоянно питаютъ и поддерживаютъ Христіанство, безъ которыхъ послѣднее было-бы непрочно и не обнаруживало бы во всей полнотѣ своего благотворнаго вліянія на общество, всѣ такія учрежденія должны были явиться плодомъ того-же общаго правительственнаго распоряженія, въ чемъ дѣйствительно и удостовѣряютъ насъ лѣтописныя свидѣтельства. Къ числу такихъ учрежденій, которыя прежде всего предполагаетъ Христіанство, безспорно относятся училища

---

[1] Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848. № 7. стр. 36.

[2] Понятно, что въ этомъ случаѣ мы не принимаемъ въ соображеніе частныхъ явленій, не соотвѣтствовавшихъ общему распоряженію, неизбѣжныхъ всегда и вездѣ, какъ не принималъ ихъ въ соображеніе и М. Иларіонъ. Не относятся сюда также и остатки язычества, такъ долго жившіе рядомъ съ Христіанствомъ и до сихъ поръ еще не совсѣмъ исчезнувшіе, съ которыми постоянно и ревностно боролась наша Церковь. Часть языческихъ идей въ послѣдствіи такъ сблизилась съ Христіанскими, что онѣ, нисколько не тревожа послѣднихъ и не возбуждая противоборства духовенства, безпрепятственно продолжали свое существованіе.

и благотворительныя заведенія въ пользу сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей. Первыя прежде всего, конечно, должны были явиться разсадниками нашихъ учителей-пастырей, столь необходимыхъ въ сильной борьбѣ съ свѣжимъ еще язычествомъ; успѣхъ этой борьбы болѣе всего могъ обезпечиваться превосходствомъ умственнаго образованія. Наши первые Митрополиты не могли не понимать, что послѣднее сильнѣе, вѣрнѣе и быстрѣе всѣхъ многорѣчивыхъ убѣжденій можетъ содѣйствовать ослабленію и искорененію грубыхъ языческихъ вѣрованій и утвержденію Христіанскихъ. Вотъ почему водвореніе Христіанства непосредственно сопровождалось устройствомъ училищъ,—и притомъ вездѣ, куда ни проникала Евангельская проповѣдь. Вторыя должны были явиться уже потому, что безусловная потребность ихъ вытекаетъ изъ примѣра и заповѣди Спасителя, что они представляютъ необходимую духовную пищу для истинныхъ Христіанъ, что безъ нихъ Христіанскія обязанности не заключали бы въ себѣ надлежащей полноты.

Еще менѣе имѣетъ отношенія къ нашему отечеству другое обстоятельство, касающееся степени умственнаго образованія въ странѣ, изъ которой мы заимствовали Христіанство. Византійская Имперія, наслѣдовавшая лучшіе плоды классическаго образованія, сохранила ихъ до послѣднихъ годовъ своего существованія, въ примѣненіи къ новому ученію, а когда она должна была уступить неотразимой силѣ Азіатскихъ ордъ, перенесла свое просвѣщеніе на западъ, который, принявъ этотъ драгоцѣнный плодъ вѣковой умственной дѣятельности, съ возрожденіемъ наукъ, началъ новую, лучшую эпоху своей исторической жизни. И Россія не оставалась посторонней зрительницею этого великаго, мироваго событія,— пересажденія просвѣщенія съ востока на западъ: и къ ней проникли лучи того-же свѣта, и на ея судьбу имѣло вліяніе паденіе Константинополя. Отсюда видно, какое высокое назначеніе дано было Провидѣніемъ Византійской Имперіи: быть посредницею между міромъ древнимъ и новымъ, принять отъ умиравшаго язычества его образованность, сродпить ее съ духомъ Христіанства

и положить основаніе ново-Европейскому образованію. Правда, много было грустныхъ годовъ въ Византійской исторіи, когда безпокойства извнѣ, смуты внутри поглощали всю дѣятельность и грозили подавить дряхлѣвшую уже гражданственность; но она отстояла свое бытіе, потому что оно было необходимо для поддержанія преемственности въ историческомъ развитіи.

Въ исторіи Византійскаго образованія самый мрачный періодъ представляютъ VII и VIII вѣка и половина IX-го. Оно укрылось въ Аѳинахъ, Константинополѣ, Едессѣ, Александріи и не многихъ другихъ городахъ, которые еще имѣли, и то не всегда, своихъ философовъ и въ которыхъ продолжали читать грамматику, риторику, правовѣдѣніе, философію и Богословіе. Только съ половины IX-го вѣка становится замѣтнымъ движеніе въ пользу поддержанія образованія. Первымъ виновникомъ этого движенія былъ тотъ самый Варда, о которомъ упоминаютъ наши лѣтописцы, при описаніи извѣстнаго событія въ первоначальной нашей исторіи, главный помощникъ Михаила III въ управленіи государственномъ, человѣкъ честолюбивый, весьма образованный, хотя и безнравственный. Пользуясь совѣтами философа Льва, онъ устроилъ школы, назначилъ учителей, съ окладомъ изъ государственныхъ суммъ, и ревностно старался о поддержаніи ихъ дѣятельности [1]. Василій Македонянинъ, преемникъ Михаила III, начавшій собою новую династію, отличавшуюся покровительствомъ наукамъ, врагъ Варды въ политическомъ отношеніи, призналъ полезными всѣ упомянутыя распоряженія послѣдняго, и назначе-

---

[1] Profanas quoque literas, говоритъ Кедринъ, quae imperatorum barbarie atque inscitia jam a multis annis prorsus obsoleverant et evanuerant, recreavit, *singulis scientiis certo loco suas scholas attribuens* (т. е. для каждой науки учредилъ особую школу), supremae autem omnium philosophiae in Magnaura. Cedr. Hist. II. 165. Здѣсь-же можно видѣть, въ чемъ состояло образованіе извѣстнаго тогда философа Льва.

ніемъ Фотія воспитателемъ своего сына Льва, извѣстнаго въ послѣдствіи подъ именемъ Философа, приготовилъ въ немъ просвѣщеннаго себѣ преемника [1]. Константинъ Багрянородный, наслѣдовавшій Льву, и по покровительству наукамъ въ своемъ Государствѣ, и по собственной умственной производительности, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ распространеніи наукъ въ своемъ государствѣ онъ въ точности слѣдовалъ наставленію Архіепископа Θеофилакта [2], который справедливо говорилъ, что любовь Государя къ наукамъ привлекаетъ къ нему ученыхъ со всѣхъ сторонъ [3]. Ограничимся въ этомъ послѣднемъ отношеніи только слѣд. мѣстомъ изъ Исторіи Кедрина: «scientias enim, arithmeticam, astronomiam, geometriam et omnium principem philosophiam... sua industria instauravit, conquisitis qui in quovis genere excellerent, ac constitutis doctoribus, studiosisque receptis et conductis. Quo factum est, ut exigui temporis decursu barbarie profligata urbs literis floruerit» [4]. Впрочемъ такая заботливость о

---

[1] Въ своемъ завѣщаніи сыну онъ изложилъ свои убѣжденія относительно управленія Государствомъ, нравственности и просвѣщенія. Оно помѣщено у Бандури въ указ. соч. стр. 171—192. Въ нѣкоторыхъ главахъ Императоръ указываетъ сыну на необходимость образованія, на пр. въ 1-й, 56-й и 91-й, а въ гл. 60-й говоритъ, что воспитаніемъ себѣ достойнаго преемника онъ сдѣлаетъ важную услугу Государству.

[2] Вотъ что говоритъ Θеофилактъ въ XIII главѣ своего наставленія: «quæ vero unquam mater sanctius severiusque lubricam et ancipitem filii aetatem excoluit? quæ plures nato moderatores ac magistros (σωφρονιςάς) imposuit? Quorum alii os fingerent linguamque formarent filii (τοὺς μεν ἐξευγενίζοντας γλῶτταν), alii subigerent disciplinarum praeceptis animum (τοὺς δε τον νοῦν καταρτίζοντας), historiae alii notitiam rudi adjicerent. I, p. 200.

[3] Banduri. Imp. Orient. I, 210.

[4] Cedr. II, 326.

распространенiи просвѣщенiя была непродолжительна: вторая половина X-го и первая половина XI-го вѣка, по причинѣ безпрерывныхъ безпокойствъ отъ внѣшнихъ враговъ и по причинѣ частой смѣны Императоровъ, представляютъ такъ мало утѣшительнаго, что Анна Комнена почитала необходимымъ указать на причины, почему науки до вступленiя на престолъ ея отца могли держаться въ Государствѣ. «И отъ воиновъ, и отъ нѣкоторыхъ престарѣлыхъ мужей я слышала, говоритъ она, что ни одинъ городъ отъ начала міра не доходилъ до такой степени бѣдствiя» [1]. Знакомые съ характеромъ Алексiады Анны Комнены, исполненной риторизма и проникнутой главною мыслiю автора возвысить личность своего отца, хотя-бы и въ ущербъ исторической истинѣ, конечно, примутъ ея слова въ смыслѣ извѣстной риторической фигуры и останутся въ справедливомъ убѣжденiи, что просвѣщенiе продолжало свое существованiе и въ означенное время, хотя и безъ особенныхъ возбужденiй. Тѣмъ не менѣе исторически вѣрно, что Алексѣй Комненъ сообщилъ много силы и живости современной ему образовательной дѣятельности. Его дочь, Евдокiя, супруга образованнѣйшаго мужа своего времени, Константина Дуки, ученика Михаила Пселла, особенно старалась о распространенiи просвѣщенiя. Извѣстному тогда ученому, Михаилу Пселлу, порученъ былъ главный надзоръ за школами. И должно сказать, что образованiе, основываясь на классической почвѣ, съ половины XI вѣка, стало отличаться большею прочностiю, что подтверждается и появленiемъ тогда такихъ ученыхъ, каковы были: Пселлъ, Iоаннъ Италъ, Супда и другiе. Въ этомъ новомъ перiодѣ для Византiйскаго образованiя упоминаются школы по всѣмъ, исчисленнымъ нами выше, предметамъ, которые, безъ сомнѣнiя, не потеряли своего значенiя и при слѣдующихъ Императорахъ изъ династiи Комненовъ. Возбужденная такимъ образомъ дѣятельность въ пользу распространенiя знанiй развилась съ новою силою, такъ что ее не могъ подавить и бѣдственный

[1] Alexiad. I, p. 169.

періодъ Латинскаго господства въ Константинополѣ. Со вступленіемъ на престолъ Палеологовъ, отличавшихся образованіемъ и иногда даже собственною умственною производительностію, она снова выступила съ прежнею силою и не покидала Византіи до послѣднихъ дней ея существованія. Вотъ прекрасная характеристика Константинополя въ половинѣ XV вѣка—Энея Сильвія: «manserat Constantinopolis ad nostrum usque tempus vetustae sapientiae monumentum, literarum domicilium et arx philosophiæ. Nemo Latinorum satis doctus haberi poterat, nisi Constantinopoli aliquamdiu in literis vixisset. Quod florente Roma doctrinarum nomen habuerunt Athenæ, id nostra tempestate Constantinopolis obtinebat. Inde multa veterum sapientum volumina nobis reddita, multa quoque in futurum reddenda sperabamus» [1].

Другой, конечно, вопросъ: въ чемъ состояла Византійская образованность вообще и въ X и XI вѣкахъ въ особенности? Постараемся дать, по возможности, краткій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мы видѣли, что были школы для Богословія, Философіи, риторики, правовѣдѣнія, ариѳметики, геометріи, т. е. школы высшаго разряда; о нихъ часто упоминаютъ Византійскіе писатели, вообще богатые фактами внѣшней исторіи и скудные фактами внутренней. Существованіе же и правильное устройство такихъ школъ освобождаетъ насъ отъ особыхъ указаній на элементарныя, потому что первыя уже предполагаютъ послѣднія; мы видѣли, что даже сироты и дѣти бѣдныхъ родителей подвергались методическому первоначальному обученію въ особо устроенныхъ для того учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ. А потому нельзя не сказать, что въ лучшую пору для Византійской Имперіи, при покровительствѣ наукамъ самихъ Императоровъ, не могли чувствовать недостатка въ средствахъ сообщать болѣе или менѣе правильное и послѣдовательное образованіе. Самый же характеръ Византійской образованности, которую старались передать въ этихъ школахъ, не заслуживаетъ подражанія. Творческій духъ Грековъ ослабѣ-

[1] Niemeyer. III, 512.

валъ постепенно и истинно-Христіанское начало стѣснялось односторонней догмой. Наука не имѣла жизненности, внутренней силы, свѣжести, не обращалась въ жизнь и сама не питалась жизнію; облеченная въ сухія отвлеченныя формы, она существовала отдѣльно, почти не касаясь живыхъ современныхъ интересовъ общества. Утонченная діалектика въ области Богословія, искусственныя и пустыя умозрѣнія въ философіи, декламація вмѣсто истиннаго краснорѣчія,—вотъ что болѣе всего составляло ученыя занятія Византійскихъ Грековъ, но, конечно, не науку въ ея истинномъ значеніи. Правда, среди лицъ, предавшихся этимъ знаніямъ, были и понимавшія истинное значеніе науки и сохранявшія ее отъ злоупотребленій: были просвѣщенные пастыри Церкви, охранявшіе чистоту и неприкосновенность ея догматовъ отъ злонамѣренныхъ покушеній; рѣже появлялись защитники интересовъ науки, потому что общее направленіе, общій духъ времени не могли не увлекать и самыхъ безкорыстныхъ ея приверженцевъ.

Такая выродившаяся наука, по самому существу своему, не могла утвердиться на древне-Русской почвѣ. Полные жизненной силы, свѣжей и юной, которая вся была направлена на общественную дѣятельность, наши предки не были способны понимать отвлеченныхъ ея умозрѣній; утонченная діалектика была недоступна ихъ простому и сильному краснорѣчію. Если такія знанія и могли быть перенесены къ намъ въ древнѣйшее время, то они могли существовать у насъ только какъ пустыя формы, какъ догмы, могли даже быть предметомъ изученія, но опять только въ видѣ отвлеченныхъ правилъ, догмъ: въ этихъ узкихъ, хитро придуманныхъ рамахъ не могла умѣститься наша жизнь, полная силъ и дѣятельности, стремившаяся къ саморазвитію безъ всякаго стѣсненія внѣшними формами. Мы не говоримъ уже о томъ общемъ историческомъ законѣ, что каждый народъ имѣетъ свою личность и самъ опредѣляетъ себѣ кругъ и формы дѣятельности, соотвѣтственно существу этой личности; все, что налагается извнѣ на опредѣленныя ею для себя формы, все, что насильственно вторгается въ опредѣленный ею для себя кругъ дѣятель-

ности, исчезаетъ незамѣтно и безъ слѣда. И такъ, и начальный періодъ нашего историческаго развитія, и наша народная личность служили неразрывно-крѣпкимъ оплотомъ противъ вторженій вредныхъ вліяній Визант. образованности. По крайней мѣрѣ вѣрно то, что ни древнѣйшая исторія, ни древнѣйшая словесность доселѣ не находитъ въ себѣ ни одного изъ указанныхъ выше недостатковъ послѣдней.

Я почиталъ необходимымъ, съ своей точки зрѣнія на предметъ, это не большое отступленіе для изображенія состоянія образованности въ Визант. Имперіи, съ IX в. до ея паденія: оно нѣсколько приближаетъ къ намъ страну, изъ которой мы приняли Христіанство и которая первая положила краеугольный камень нашей образованности; оно показываетъ, что могла сообщить намъ эта страна въ разсматриваемомъ отношеніи и уяснить нашъ взглядъ на тѣ лица, которыя принимали главное и живое участіе въ установленіи и распространеніи древне-Русскаго образованія; послѣ него становится болѣе понятною и естественною мысль о возможности существованія у насъ въ древнѣйшее время училищъ въ тѣхъ размѣрахъ, какіе мы уже имѣли случай замѣтить; для насъ показалось бы болѣе удивительнымъ совершенное отсутствіе извѣстій о нихъ въ нашихъ лѣтописяхъ; послѣ него даже то обстоятельство, что въ домашнихъ источникахъ мы не находимъ никакого положительнаго свидѣтельства о существованіи, по крайней мѣрѣ съ половины XI вѣка, школъ высшаго разряда, по образцу Византійскихъ, не можетъ не заставить задуматься, хотя мы и можемъ указать, именно въ XI вѣкѣ, на слѣды существованія предметовъ, которые должны составлять курсъ преподаванія въ школахъ этого рода; можетъ быть, послѣдующее время будетъ счастливѣе и овладѣетъ средствами, доказывающими справедливость предположенія и этихъ школъ. Могли-ли столь просвѣщенные пастыри, получившіе образованіе въ высшихъ школахъ образованнѣйшей страны того времени, вполнѣ устроенныхъ и состоявшихъ подъ бдительнымъ и покровительственнымъ надзоромъ Правительства, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи столь обширныя средства, при томъ

вліяніи на князей, какимъ они пользовались, при томъ уваженіи къ нимъ послѣднихъ, могли-ли эти пастыри довольствоваться устройствомъ школъ *только* для сообщенія первоначальныхъ знаній, могли-ли они довольствоваться частными мѣрами для сообщенія высшихъ знаній только лицамъ избраннымъ, уже заранѣе назначеннымъ для занятія высшихъ степеней въ церковной іерархіи, и до какой степени возможенъ этотъ преждевременный выборъ? Намъ кажется, что на всѣ предложенные вопросы можетъ дать отрицательный отвѣтъ только тотъ, кто, при отсутствіи непосредственныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, откажется отъ всякого пособія со стороны историческихъ соображеній, руководимыхъ здравымъ смысломъ и неопровержимымъ сходствомъ явленій. Впрочемъ въ наше время слышится нерѣдко голосъ истины, чувствуется сознаніе необходимости обратиться къ непосредственному разсмотрѣнію Визант. образованности, чтобы этимъ разсмотрѣніемъ уяснить себѣ состояніе нашей собственной въ древнѣйшую эпоху. «Можно-ли отказаться отъ убѣжденія, говоритъ одинъ изъ достопочтенныхъ изслѣдователей нашей старины, что, съ принятіемъ всѣхъ началъ Христіанской образованности отъ Грековъ, наши предки у Грековъ должны были искать образцовъ для произведеній искусства и науки, должны были искать и дѣйствительно находили»[1]? А чтобы такое убѣжденіе могло принести существенную пользу нашей наукѣ, прежде всего, кажется, необходимо отвѣтить на вопросъ: въ какомъ состояніи находилась Византійская образованность и въ чемъ состояли эти начала Христіанской образованности у Грековъ въ эпоху принятія нами отъ нихъ Христіанства? Этого вопроса въ своемъ изложеніи мы коснулись только въ общихъ чертахъ, и притомъ только съ одной, близкой къ намъ, точки зрѣнія.

Наконецъ послѣднее обстоятельство, касающееся образованности древней Руси, еще менѣе можетъ представить невѣроятными

---

[1] См. статью И. И. Срезневскаго: памятники X вѣка до Владиміра Святаго. Изв. II отд. Акад. Наукъ. т. III, стр. 57.

приведенные нами выводы о существованіи у насъ училищъ въ указанныхъ размѣрахъ. Мы не станемъ распространяться въ доказательствахъ справедливости этого положенія: ихъ можно найти въ современной наукѣ Русской Исторіи и особенно Русской Словесности; они послужили особымъ предметомъ для цѣлыхъ, заслуживающихъ уваженія, сочиненій, напр. для указаннаго выше сочиненія Буткова, который именно старался доказать, что древняя Русская образованность ни мало не противорѣчитъ такимъ явленіямъ, какова лѣтопись Нестора; понятно, что та-же образованность еще менѣе противорѣчитъ такимъ явленіямъ, каково устройство училищъ для первоначальнаго обученія во многихъ городахъ. Съ другой стороны мы не намѣрены впасть въ крайность относительно древне-Русской образованности, преувеличивать ея степень и объемъ, превозглашать оптимизмъ. Болѣе чѣмъ достовѣрно, что масса народа была чужда ей, что несомнѣнно подтверждается и памятниками письменности того времени, особенно законодательной, ясно показывающей, что эта масса находилась еще на низшей степени общественной жизни [1]. Мы живемъ не въ IX, а въ XIX вѣкѣ—и то не можемъ похвалиться образованностію всего народа, не смотря на обширныя средства, предоставляемыя къ тому просвѣщеннымъ Правительствомъ. Да и вообще всеобщность и равномѣрность народнаго просвѣщенія есть идеалъ, въ дѣйствительности недостижимый, не говоря уже о томъ, какъ могутъ согласоваться съ ними политико-экономическіе интересы. Мы хотѣли только сказать, что у насъ въ древнѣйшее время былъ особый классъ лицъ, преимущественно въ духовномъ сословіи, отличавшихся весьма замѣчательною для того времени

[1] Нельзя однако не сказать, что тѣ мѣста лѣтописи Нестора, въ которыхъ онъ изображаетъ невѣжество народа, указываетъ на его суевѣріе, грубыя убѣжденія, едва-ли могутъ быть принимаемы въ буквальномъ смыслѣ: лѣтописецъ, проникнутый глубокою религіозностію и мыслію о необходимости образованія, могъ употребить слишкомъ яркія и рѣзкія краски и притомъ смѣшать эпохи.

образованностію, обладавшихъ богатыми образовательными средствами, почти всѣми, какими обладала тогда Византія, и старавшихся, по возможности, распространять свои познанія, хотя также преимущественно въ духовномъ сословіи, между тѣмъ какъ остальное народонаселеніе могло и не принимать непосредственнаго участія въ этой дѣятельности. Успѣхъ же образовательной дѣятельности упомянутаго класса лицъ прежде всего и неизбѣжно требовалъ устройства возможно-большаго количества училищъ. Мы сказали, что наше образованное духовенство владѣло почти всѣми образовательными средствами, обращавшимся въ Византійской Имперіи,— и ни мало не сомнѣваемся въ справедливости высказанной мысли, потому что представители древнѣйшаго духовенства были просвѣщенные Греки, облеченные во всеоружіе Византійской науки и пріѣхавшіе въ Русь не только для распространенія Христіанства, но и для распространенія образованности: первое необходимо предполагаетъ послѣднюю. Если же справедлива наша мысль, то можно ли заключать, что духовенство могло ограничиваться распространеніемъ одного первоначальнаго образованія и скрывать только въ себѣ высшія знанія, или даже сообщать ихъ однимъ избраннымъ? Для перваго времени послѣ введенія Христіанства, для конца X и начала XI в., конечно, можно, потому что наша Церковь, вдругъ раскинувшаяся на обширное пространство, не могла наполнить себя и нуждалась въ людяхъ даже съ такимъ образованіемъ, а потому мы не сомнѣваемся, что первоначальныя наши училища именно имѣли назначеніемъ приготовленіе лицъ этого рода. Но могло ли духовенство долго ограничиваться этимъ тѣснымъ кругомъ? Не смотря на отсутствіе положительныхъ историческихъ указаній, мы позволяемъ себѣ сомнѣваться въ исключительной продолжительности послѣдняго, тѣмъ болѣе, что существованіе у насъ высшихъ знаній, и притомъ приспособленныхъ къ Русской почвѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Приведемъ здѣсь нѣкоторые факты: они для насъ важны, потому что также служатъ оправданіемъ нашей мысли о степени распространенія древне-Русскихъ училищъ.

Такъ *риторика* нашимъ предкамъ была извѣстна еще въ XI вѣкѣ: въ Изборникѣ 1073 года находится въ Славянскомъ переводѣ риторика Георгія Хуровскаго: «георьгиꙗ хоуровьска ѻ ѻбразѣхъ», т. е. о тропахъ и фигурахъ [1]. Была въ древнѣйшее время намъ извѣстна и *діалектика* Іоанна Дамаскина. По крайней мѣрѣ въ переводѣ книгъ Ветхаго Завѣта, переписанномъ въ XV вѣкѣ, находимъ вставленную особую статью, по окончаніи Второзаконія, и начинающуюся такъ: «раздѣляетжеся философія въ зрительное[ж] и дѣятельное. зрительное[ж] въ бг҃ословное и вьестьственое и внаучное. дѣятлене[ж] во ѡбычанное и вдомостроительное и градовное». Эти слова принадлежатъ діалектикѣ Іоанна Дамаскина, изъ гл. 4-й *о философіи* [2]. «Переводъ вообще древній, говоритъ Востоковъ, носящій на себѣ признаки Болгарскаго языка X и XI вѣка; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употреблены обороты и слова Русскіе XV в., по коимъ видно, что текстъ измѣненъ переписчи-

---

[1] Митроп. Московскій Филаретъ сообщилъ о ней извѣстіе Академіи Наукъ въ 1836 году. См. Журн. Минист. Народ. Просв. Февраль, стр. 233—235. Эта статья Изборника, и по своей древности, и по своему содержанію, и наконецъ потому, что она, по всей вѣроятности, служила предметомъ обученія для Русскаго юношества еще въ XI вѣкѣ, заключаетъ въ себѣ такой живой интересъ, что мы почитаемъ необходимымъ выписать здѣсь эти тропы и фигуры. «Творьчьстии образи сѫть к҃з. инословиѥ, прѣводъ (metaphora), напотребиѥ, приятиѥ, въименомѣстьство, отъимениѥ (metonymia), въспятословиѥ, округословиѥ, нестатъкъ, издрядиѥ, лихорѣчьѥ, притъча, прикладъ, отъданиѥ, лицетворьѥ, сълогъ, пороуганіе (ironia), видъ, послѣдословиѥ». Вотъ, для примѣра, опредѣленіе инословія: «инословиѥ оубо ѥсть ино нѣчто гл҃юшти, а инъ разоумъ оуказаѭшти, яко же ѥже речено отъ Ба҃ къ змии: проклята ты и отъ всѣхъ звѣрии». Слѣдуютъ подобныя-же опредѣленія и другихъ наименованій, не всегда понятныя, можетъ быть и потому, говоритъ Преосв. Митроп. Филаретъ, «что недовольно понимаемы были предметы составителемъ или переводчикомъ,—издателемъ Русской энциклопедіи XI вѣка». Сравн. Опис. рук. Рум. муз. № CCCLVI. стр. 503.

[2] Опис. рукоп. Рум. муз. № XXVII. стр. 31.

ками». [1]. Едва-ли можно сомнѣваться, что разсматриваемая статья была вставлена въ древнѣйшій переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Это доказываетъ, во первыхъ, крайняя неумѣстность вставки [2]: видно, что писецъ XV вѣка безъ всякого разсужденія переписалъ ее именно на томъ мѣстѣ, на которомъ нашелъ въ своемъ подлинникѣ, древнѣйшемъ переводѣ. Во вторыхъ, доказательствомъ служитъ и то, что на томъ-же самомъ мѣстѣ эта статья помѣщена и въ переводѣ ветхозавѣтныхъ книгъ по списку XVI вѣка [3]. О языкѣ этого послѣдняго перевода Востоковъ отзывается также какъ о древнѣйшемъ Болгарскомъ, находя его вообще сходнымъ съ языкомъ предъидущаго перевода, хотя первый не служилъ копіею для послѣдняго. Въ третьихъ, доказательствомъ того, что дѣйствительно былъ древнѣйшій переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ съ упомянутою вставленною статьею изъ діалектики Іоанна Дамаскина, служитъ хронографъ XVI вѣка [4], гдѣ также, въ концѣ 27-й главы, послѣ статьи: «о преставленіи Моусеовѣ» помѣщена статья *о философіи* съ тѣмъ-же началомъ, а потомъ продолжается о Іисусѣ Навинѣ, гл. 28. «Изъ сего видно, говоритъ Востоковъ, что собиратель пользовался однимъ изъ тѣхъ списковъ пятокнижія Моисеева, въ коихъ находилась сія странная прибавка». — Были также въ обращеніи у насъ съ древнѣйшаго времени и замѣчательныя *психологическія свѣдѣнія*. Нельзя сомнѣваться, что сочиненія Іоанна Екзарха Болгарскаго [5] еще въ XI вѣкѣ были извѣстны въ Россіи, хотя древнѣйшій сохранившійся списокъ

---

[1] Тамъ-же стр. 30.

[2] По окончаніи ея, неизвѣстно для чего, повторено окончаніе XXX главы Второзаконія, отъ половины 16 стиха.

[3] Опис. рукоп. Рум. муз. № XXVIII. стр. 32.

[4] Тамъ-же. № CCCCLIV. стр. 737.

[5] Говоря о сочиненіяхъ Іоанна Екз. Болг., по списку XVI в., находящемуся въ Рум. муз., Востоковъ замѣчаетъ: «въ Словенскомъ переводѣ сохранились, не смотря на измѣненія, сдѣланныя позднѣйшими Русскими переписчиками, многіе слѣды древняго Болгарскаго языка, по коимъ заключать можно, что переводъ сей есть современный Шестодневу Екзархову.

перевода Шестоднева, какъ извѣстно, относится къ 1263 году. Между тѣмъ въ этомъ сочиненіи мы уже находимъ статьи: «ѡ оумѣ, ѡ дшѝ» и др. Въ Сборникѣ XV вѣка [1]: «ѡ главныхъ знаменіихъ», т. е. о составахъ тѣла человѣческаго, и изъ Шестоднева Екзархова двѣ упомянутыя статьи [2]. Въ Кормчей конца XV вѣка или начала XVI в., [3] на л. 331, находимъ статью: «сказаніе хытро о чювьства^{х} телесны^{х} и ѡ дшевнѣ^{м} своемъ и иже въ снѣ изроп. по вещи и чре^{с} вещь». Въ Кормчей XVI в., на л. 364, [4] также находится статья: «ѡ чювьствѣ^{х} чл҃чкѣ^{х}» и т. д. Мы ничего не можемъ говорить о достоинствѣ этихъ статей психологическаго содержанія, тѣмъ болѣе, что всѣ приведенные Сборники доселѣ сохраняются въ рукописяхъ. Но уже чрезвычайно важно то обстоятельство, что эти статьи находили себѣ столь усердныхъ читателей, что потребны были ихъ переводы и многочисленные списки, что онѣ могли занимать значительное количество людей образованныхъ. Это обстоятельство, между прочимъ, вполнѣ объясняетъ возможность у насъ такихъ произведеній, каковы напр. произведенія препод. Нила Сорскаго, въ XV вѣкѣ, исполненныя глубокихъ психологическихъ свѣдѣній [5].—Что древней Руси не чужды были познанія по предмету *логики и философіи*, и притомъ еще въ XI вѣкѣ, видно изъ оглавленія статей этого содержанія, перечисленныхъ Востоковымъ, при описаніи Изборника 1073 года [6]; въ нихъ строго различаются столь отвлеченныя понятія, каковы: *соущиѥ, ѥстьство, собьство* и т. д. и опредѣляются логическія отношенія. Понятно, что подобныя статьи могли быть переписываемы только для тѣхъ, кто въ состояніи былъ понимать такія отвлеченныя логическія опредѣленія; не менѣе понятно

---

[1] Опис. рукоп. Рум. муз. № CCCLVIII, стр. 510.

[2] Сравн. Хронографъ 1494 года. Тамъ-же № CCCCLIII, стр. 725.

[3] Тамъ-же. № CCXXXI, стр. 286.

[4] Тамъ-же. стр. 308.

[5] Поѣздка въ Кирил. Бѣлоз. мон. I, 96—101.

[6] Опис. рукоп. Рум. муз. № CCCLXI, стр. 503.

также и то, что тотъ, кто могъ ихъ понимать, долженъ былъ имѣть достаточное предварительное приготовленіе. Состояніе Византійской образованности въ это время, обращенной преимущественно на риторику, логику, діалектику и философію, изъ которыхъ послѣдняя называлась princeps omnium disciplinarum, конечно, много поможетъ объясненію подобныхъ явленій въ древней Руси, съ перваго взгляда непонятныхъ.—Менѣе всего, кажется, можно сомнѣваться въ томъ, что не только географія Россіи, но и другихъ болѣе замѣчательныхъ тогда странъ, была извѣстна тѣмъ изъ нашихъ предковъ, которые дорожили образованіемъ,— и мы готовы вѣрить, что этотъ предметъ могъ даже входить въ составъ предметовъ существовавшаго тогда обученія. Касательно того, въ какой мѣрѣ обширны были у насъ географическія свѣдѣнія въ древнее время, мы почитаемъ излишнимъ распространяться, потому что о нихъ легко составить понятіе на основаніи изслѣдованій о древне-Русской географіи, представленныхъ въ послѣднее время; изъ нихъ можно видѣть, какою точностію и подробностію отличались въ древнее время свѣдѣнія о Россіи въ географическомъ отношеніи [1]. Кромѣ того съ древнѣйшаго времени были въ обращеніи географическія свѣдѣнія и о другихъ странахъ. Такъ въ Изборникѣ 1073 года, въ дошедшемъ до насъ его спискѣ, по причинѣ утраты листовъ, недостаетъ статей съ слѣд. заглавіями: «имена великихъ рѣкъ» и «имена великихъ горъ»; но онѣ, очевидно, были, потому что находятся въ Греческомъ Сборникѣ, служившемъ подлинникомъ для нашего [2]; онѣ сохранились также въ рукописи XV вѣка, содержащей въ себѣ Богословскіе вопросы

---

[1] Здѣсь мы укажемъ на довольно обширную статью г. Бѣляева, подъ заглавіемъ: «о географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи», въ которой представленъ объемъ географическихъ свѣдѣній и постепенное ихъ распространеніе, на основаніи лѣтописей, путешествій и другихъ памятниковъ письменности. Записки Русск. Географич. Общества. Кн. VI, стр. 1 — 264. Изложеніе оканчивается XV вѣкомъ.

[2] Опис. рукоп. Рум. Муз. № CCCLVI, стр. 500.

Анастасія Синаита, и притомъ того-же самаго перевода, какъ говоритъ Востоковъ, который помѣщенъ въ Изборникѣ 1073 года [1]. Въ Сборникѣ XV вѣка [2] находимъ слѣдующія, относящіяся сюда, статьи: о широтѣ и долготѣ земли, о землетрясеніяхъ, о стихіяхъ, о четырехъ моряхъ, *о акіанстеи рѣце*, о перемѣнахъ воздушныхъ, дождѣ, громѣ и проч.; отсюда видно, что и свѣдѣнія изъ физической географіи были также въ употребленіи. Въ Сборникѣ XVI вѣка [3], списанномъ съ древнѣйшей рукописи, находятся еще статьи: «о четырехъ моряхъ, и топлыхъ водъ, в двнадесяте вѣтров, о молніах и и громѣх»; эти статьи, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ отдаленной древности, потому что одна изъ нихъ—*о четырехъ великихъ моряхъ* (о рап, о рекахъ и о моряхъ, о древѣ разумнѣмъ и о рѣкахъ; о четырехъ великихъ моряхъ) помѣщена и въ хронографѣ XVI вѣка [4], о достоинствѣ котораго мы уже упомянули, когда говорили о діалектикѣ. Изъ сказаннаго можно сдѣлать заключеніе, что предки наши съ древнѣйшаго времени любопытствовали знать географію и имѣли нѣкоторыя сочиненія географическаго содержанія въ переводѣ.—Есть слѣды знанія и Еврейскаго языка. При описаніи одной рукописи, заключающей въ себѣ книги В. Завѣта [5], Востоковъ говоритъ: «замѣчательно, что книга Есѳирь переведена съ Еврейскаго, *и по видимому въ Россіи, однакоже въ весьма давнее время.* Здѣсь встрѣчаются слова *тивунъ* и *староста* вм. ѕупухъ; *боляромъ земнымъ* вм. начальнымъ сатрапомъ; *росполонъ* вм. разграбленіе; *охвота* вм. веселіе» [6] и проч. Въ рукописи того-же содержанія XV вѣка, въ плачахъ Іереміиныхъ, къ названіямъ буквъ Еврейскихъ приложенъ

---

[1] Тамъ-же. № VI, стр. 9.

[2] Тамъ-же. № CCCLVIII, стр. 510.

[3] Тамъ же. № CCCLX, стр. 516.

[4] Тамъ-же. № CCCCLIV, стр. 736.

[5] Текстъ которыхъ согласенъ съ находящимся въ рукоп. XV в. въ Имп. Пуб. Библ.

[6] Опис. рукоп. Рум. Муз. № XXX, стр. 35.

Славянскій переводъ ихъ: «*алфа*, обоученіе или скопчаніе; *вить*, домоу въ немъ; *гимел*, окопчаніе вышнему и т. д. О древности этой рукописи Востоковъ говоритъ: «хотя настоящій списокъ пророческихъ книгъ В. З. принадлежитъ XV вѣку, но въ немъ сохранились слѣды древнѣйшаго Болгарскаго языка: правописаніе въ семъ спискѣ Русское, съ употребленіемъ кое-гдѣ ѫ-совъ» [1]. При разсмотрѣніи книгъ того-же содержанія, тотъ-же ученый замѣчаетъ: «древнему–ли прелагателю, или позднѣйшему переправщику его, извѣстенъ былъ, по видимому, Еврейскій текстъ; ибо нѣкоторыя имена собственныя писаны сходно съ Еврейскимъ произношеніемъ (*елицуръ* вм. елисуръ, *шелумиель* вм. саламіилъ и т. д.) [2].—Я не говорю объ историческихъ и Богословскихъ познаніяхъ, которыя, особенно послѣднія, нерѣдко представляютъ чрезвычайно замѣчательную степень развитія. Первыя обогащались многими, обращавшимися у насъ, Византійскими историческими сочиненіями въ Славянскомъ переводѣ, извѣстными съ древнѣйшаго времени; на послѣднія духовенство, конечно, обращало все свое вниманіе, чѣмъ и объясняется возможность еще въ XI вѣкѣ такихъ глубокихъ Богословскихъ познаній, какія имѣли Митроп. Иларіонъ, Несторъ, Кириллъ Туровскій и другіе [3]. Для насъ попятна обширная начитанность Никиты Затворника (XI в.), о которомъ Поликарпъ говоритъ: «не можаше никто стязатися съ нимъ книгами Ветхаго Завѣта: весь бо изъ устъ умѣаше—*Бытіе*,

---

[1] Тамъ-же. № XXXI, стр. 36.

[2] Тамъ-же. № XXVII, стр. 30.

[3] Какія Богослужебныя и другія книги Св. Писанія были въ употребленіи у насъ въ первые вѣка по введеніи Христіанства, можно видѣть въ статьѣ нашего ученаго Епископа Филарета: «Богослуженіе Русской Церкви до Монгольскаго времени». Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848. № 7. стр. 1—42. И его-же: «Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе просвѣтители». Тамъ-же. 1846. № 4. стр. 1—28. Здѣсь можно видѣть перечисленіе В. завѣтныхъ книгъ, на которыя ссылались Кириллъ Туровскій и прп. Несторъ. стр. 24—25. прим. 45.

Исходъ, Левити, Числа, Судіи, Царства и вся пророчества по чину и вся книги Жидовскіа» [1]. Припомнимъ здѣсь и извѣстныя слова въ Посланіи Симона къ Поликарпу: «вѣси-ли, брате, яко благодатію Божіею *могу отъ вельхъ книгъ сказати тебѣ полезная*, по упе ми есть мало отъ многихъ въ томъ-же блаженномъ и святомъ монастырѣ Печерскомъ содѣянныхъ воспомянути тебѣ» [2].— Нельзя не упомянуть и о томъ, что у насъ, также съ древнѣйшаго времени, были средства пріобрѣтать познанія и о произведеніяхъ иноземныхъ литературъ: къ такимъ средствамъ главнымъ образомъ относятся сборники, извѣстные подъ названіемъ *Пчелъ* [3], въ которыхъ помѣщались отрывки изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, съ краткимъ обозрѣніемъ жизни писателей. Какъ любили наши предки эти сборники, исполненные правилъ житейской мудрости, остроумія, доказываетъ Даніилъ Заточникъ, который, какъ можно полагать, зналъ на память лучшія и болѣе правившіяся ему мѣста Пчелы, потому что приводимыя имъ въ Посланіи иногда буквально сходны съ тѣми-же мѣстами въ сборникѣ, иногда заключаютъ въ себѣ измѣненія, выпуски и дополненія. Нельзя сомнѣваться, что *Пчелы* были извѣстны у насъ гораздо ранѣе XIV вѣка, отъ котораго дошелъ древнѣйшій ихъ списокъ. Г. Сухомлиновъ замѣтилъ, что послѣдній переписанъ съ древнѣйшаго списка, по крайней мѣрѣ XIII вѣка, а выписки Даніила Заточника вполнѣ ручаются за ихъ существованіе и въ XII вѣкѣ. Распространяя кругъ зрѣнія на литературныя произведенія, *Пчелы* въ то-же время служили прекрасною школою нравственности, потому что большая часть статей, въ нихъ заключающихся, нравственнаго содержанія; въ нихъ также находятся статьи психологическаго со-

---

[1] Статья: Кириллъ и Меѳодій и проч. Еп. Филарета, стр. 25.

[2] Патерикъ печат. 194. об.

[3] См. о нихъ, кромѣ статьи г. Сухомлинова въ Изв. II отд. Акад. Наукъ, въ Москвит. 1843 ч. V, стр. 149—155, въ Описаніи рукописей Славяно-русской литературы, хранящихся въ публ. библіотекахъ Германіи и Франціи. С. Строева. Москва. 1841. № 61. стр. 123—124.

держанія, напр: о ярости и о гнѣвѣ, о памяти, о душѣ, о зависти и т. д. Однимъ словомъ *Пчелы* съ древнѣйшаго времени составляли у насъ одно изъ важнѣйшихъ образовательныхъ средствъ и имѣютъ величайшую важность въ педагогическомъ отношеніи.— Изъ представленнаго обозрѣнія различныхъ отраслей знаній, обращавшихся въ древнее время въ нашемъ отечествѣ, можно видѣть, въ какой мѣрѣ естественно существованіе у насъ училищъ и какъ мы должны смотрѣть на приведенныя выше свидѣтельства.

И такъ, ни способъ введенія у насъ Христіанства, ни степень образованія въ той странѣ, изъ которой мы приняли православную вѣру, ни степень древне-Русскаго образованія не противорѣчатъ тому заключенію касательно степени распространенія училищъ, до котораго мы дошли путемъ разсмотрѣнія историческихъ свидѣтельствъ.

Наконецъ особенно важнымъ доказательствомъ возможности устройства у насъ училищъ въ показанныхъ выше размѣрахъ служитъ исторія водворенія Христіанства въ другихъ Славянскихъ земляхъ, и именно: въ Болгаріи, Моравіи, Чехіи и Польшѣ. Какъ въ этихъ странахъ, такъ и у насъ, Христіанство утвердилось при однихъ и тѣхъ-же условіяхъ, а потому и самый способъ его утвержденія отличается однимъ и тѣмъ-же характеромъ: вызвано оно было по непремѣнному желанію Князей, утвердилось по общему правительственному распоряженію; тѣ-же образованные Греческіе пастыри, по распоряженію Византійскаго Патріарха, были орудіями насажденія Христіанства; тѣ-же препятствія должны были они преодолѣвать и тѣ-же мѣры предпринимать для распространенія и утвержденія новаго ученія. Кто же усомнится въ томъ, что мѣры, предпринятыя Греками у другихъ Славянъ для распространенія между ними Христіанскаго образованія, должны были повториться и въ нашемъ отечествѣ? А эти мѣры и состояли именно въ устройствѣ училищъ въ значительныхъ размѣрахъ.

Въ Прологѣ XIII вѣка находимъ извѣстіе, что къ Борису, непосредственно послѣ принятія имъ Христіанства, присланъ былъ изъ Византіи Архіепископъ Іосифъ, что тогда-же были постро-

ны церкви и монастыри и поставлены Епископы, попы, игумены— *да учатъ* [1]. Въ слѣдъ за тѣмъ устроены были училища по всей Болгаріи. Сохранилось свидѣтельство, что Борисъ даже отдѣлилъ отъ своей державы всю юго-западную часть, область Кутмичивицу [2], и, поставивъ правителемъ ея Добету, отправилъ туда св. Климента въ званіи наставника народа въ вѣрѣ; для пребыванія его назначены были пріятныя и удобныя мѣста въ Деволѣ, Охридѣ и Главиницѣ. Въ короткое время число учениковъ Климента возросло до 3,500, изъ которыхъ онъ поставилъ въ этомъ краѣ чтецовъ, иподіаконовъ, діаконовъ и священниковъ. Въ послѣдствіи, преемникъ Бориса, знаменитый Симеонъ, возвелъ Климента въ санъ Епископа Велицкаго [3]. По свидѣтельству жизнеописателя Св. Климента, Борисъ, немедленно послѣ крещенія, учредилъ въ Болгаріи *семь епископій*, число которыхъ, въ XII и XIII вѣкахъ, чрезвычайно умножилось [4]. Симеонъ, принадлежавшій къ числу образованнѣйшихъ мужей своего времени и называвшійся полугрекомъ за свою ученость, конечно, могъ только поддерживать училища, заведенныя его отцемъ и устроивать новыя. «Славяне, говоритъ Преосв. Макарій, почувствовали нужду въ наукахъ и просвѣщеніи вдругъ, какъ только услышали изъ устъ своихъ Первоучителей Слово Божіе на своемъ родномъ языкѣ. *Въ Болгаріи и Моравіи основаны училища еще Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ* и, сколько позволяли обстоятельства, были поддерживаемы въ послѣдствіи» [5].—Болгарскія училища должны были производить сильное вліяніе на устройство нашихъ, и мы

---

[1] Вѣкъ Болг. ц. Симеона. Палаузова. стр. 23.

[2] Между р. Вардаромъ, Скоплемъ до Акрокеравнскихъ горъ, а отсюда до Костура и Водянъ. Тамъ-же стр. 31.

[3] Въ передней части Македоніи, гдѣ течетъ р. Велица, впадающая въ Струмицу.

[4] Разцвѣтъ Слав. письм. въ Болг. Шафарика, переводъ съ Чешскаго О. М. Бодянскаго, въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1848. № 7. стр. 45-46.

[5] Введ. въ Ист. Христ. стр. 253.

въ этомъ отношеніи имѣли весьма важныя преимущества: первыя исключительно заимствовали отъ Грековъ относительно наставниковъ, руководствъ, вообще всего, что было необходимо для ихъ первоначальнаго установленія; наши училища могли пользоваться тѣмъ, что уже пріобрѣтено было Болгарами и получать отъ нихъ какъ наставниковъ, такъ и руководства на языкѣ понятномъ и требовавшемъ весьма незначительнаго приспособленія. Все это такъ естественно, что едва-ли можно недовѣрять извѣстію Іоакимовой лѣтописи, что Болгарскій царь Симеонъ прислалъ къ намъ *іереи учены и книги довольны*, что самъ Митрополитъ былъ родомъ *Болгаринъ*, равно и четыре Епископа, іереи, діаконы и демественники *отъ Славянъ*[1]. А что въ Болгаріи, ко времени водворенія у насъ Христіанства, дѣйствительно уже были руководства для училищъ, въ этомъ насъ удостовѣряютъ несомнѣнные историческіе факты. Довольно упомянуть о грамматикѣ, философіи и Богословіи, переведенныхъ Іоанномъ Екзархомъ Болгарскимъ. Справедливость этой мысли утверждаетъ и авторъ Введенія въ исторію Христіанства: «въ Болгаріи, послѣ великаго труда Славянскихъ Апостоловъ, въ заведенныхъ ими училищахъ науки принялись очень быстро, и въ продолженіе всего X вѣка, и особенно при покровительствѣ царя книголюбца, разцвѣли-было полнымъ цвѣтомъ. Такъ переведены въ то время на Славянскій языкъ многія писанія древнихъ учителей церкви, явились многія оригинальныя благочестивыя сочиненія, приготовлены нѣкоторыя руководства для училищъ въ переводѣ съ Греческаго, каковы—грамматика, философія и Богословіе Іоанна Дамаскина, церковно-граж-

---

[1] Царь-же Болгарскій Симіонъ присла іереи учены и книги доволны, и посла Владиміръ въ Царьградъ къ Царю и Патріарху просити Митрополита, онъ-же вельми возрадовавшеся, и прислаша М. Михаила, мужа весьма ученаго и богобоязненнаго, *Болгарина суща*, съ нимъ четыре Епископы, и многи іереи, діаконы и демественники *отъ Славянъ*. I, 38. Сравн. прим. 190. Во II, 79 Татищевъ перечисляетъ Епископовъ, поставленныхъ въ 992 году Митрополитомъ Леонтіемъ—*Болгарянъ сущихъ Славянъ*.

данская исторія и, можетъ быть, нѣкоторыя другія, такъ что, когда Просвѣтитель Россіи, просвѣтивши ее вѣрою, вздумалъ насадить въ ней и науки, всѣ необходимыя къ тому пособія на первый разъ были уже готовы на языкѣ Славянскомъ: обстоятельство чрезвычайной важности! И оно-то одно можетъ объяснить намъ, отъ чего такъ быстро и удачно привилось - было просвѣщеніе на нашей отечественной почвѣ, и какимъ образомъ, чрезъ 40 или 50 лѣтъ, по крещеніи Владиміра, могъ явиться у насъ Иларіонъ, мужъ глубокой Богословской учености, а чрезъ столѣтіе—даже краснорѣчивый и высокопросвѣщенный Несторъ лѣтописецъ и златословесный Кириллъ Туровскій» [1]. Тотъ-же авторъ передаетъ намъ извѣстіе Польскаго историка Стредовскаго [2], что Св. Кириллъ и Меѳодій, еще занимаясь обращеніемъ Болгаръ и Моравовъ, *посылали отъ себя къ другимъ окрестнымъ Славянамъ миссіоперовъ*, и что при этомъ въ Россію отправленъ былъ нѣкто Наврокъ. «Сказаніе, говоритъ Преосвященный Макарій, совершенно правдоподобное само по себѣ, и вмѣстѣ потому, что истинность его начинаютъ подкрѣплять нѣкоторыя новѣйшія изслѣдованія» [3]. И такъ нельзя не согласиться, что Болгарія, слишкомъ за сто лѣтъ устроившая у себя училища, при исключительномъ руководствѣ Грековъ, имѣла величайшую важность для насъ въ дѣлѣ первоначальнаго установленія, утвержденія и распространенія образовательной дѣятельности. Правда, почти въ слѣдъ за водвореніемъ у насъ Христіанства, начинается бѣдственный періодъ въ Болгарской исторіи, начинается рядъ страшныхъ пораженій Болгаръ и наконецъ совершенное покореніе Болгаріи Византійскимъ Императоромъ Василіемъ, прозваннымъ Булгароктономъ. Слѣдовавшія за тѣмъ попытки возстановить прежнюю независимость влекли за собою новыя войны, новое опустошеніе страны, которой въ это время некогда было и думать о народ-

---

[1] Введ. въ ист. Христ. стр. 401.

[2] Тамъ-же. Кириллъ и Меѳодій Добровскаго. стр 2.

[3] Введ. въ ист. Христ. стр. 287.

номъ образованіи [1]. Но и самое паденіе Болгарскаго царства, безъ сомнѣнія, было благодѣтельно для Руси. Тогда былъ В. Княземъ Ярославъ, собиравшій повсюду рукописи и, по выраженію Нестора, *насыпавшій книжными словесы сердца вѣрныхъ людей:* онъ не могъ не воспользоваться несчастнымъ положеніемъ Болгаръ и не спасти многія драгоцѣнныя ихъ рукописи отъ истребленія. Притомъ, вѣроятно, еще прежде Русскій монастырь основанъ былъ на Аѳонской горѣ, гдѣ уже было нѣсколько Болгарскихъ монастырей, что еще болѣе облегчало переходъ Болгарскихъ рукописей въ Россію [2].

Введеніе Христіанства въ Моравію Кирилломъ и Меѳодіемъ также непосредственно сопровождалось заведеніемъ училищъ. Въ Италіянской легендѣ о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ сказано: coeperunt itaque id, ad quod venerunt, peragendum, *studiose instituere et parvulos eorum litteras edocere*» [3]. Съ тѣмъ-же явленіемъ встрѣчаемся и въ Чехіи, гдѣ училища явились въ числѣ первыхъ и главныхъ памятниковъ православія. Въ статьѣ: «православіе у

---

[1] Хотя Кедринъ и говоритъ, что Имп. Василій «quo tempore subegit Bulgaros, nihil prorsus immutaverat, sed omnia pristina conditione manere permiserat, neque a Samueli exactionem aliam instituit». II, 527.

[2] Разцвѣтъ Слав. письм. въ Болгаріи, стр. 58. Предположеніе г. Бѣляева, будто-бы Россія при Ярославѣ *шагнула далѣе Дунайской Болгаріи*, основанное единственно на томъ, что Ярославъ, не довольствуясь Болгарскими рукописями, велѣлъ переводить на Славянскій языкъ даже тѣ Греческія книги, съ которыми не были знакомы и Болгары, *наши учители*, намъ кажется излишнимъ: во первыхъ, количество книгъ, собранныхъ В. Княземъ, само по себѣ, еще не есть ручательство превосходства нашего образованія предъ тогдашнимъ Болгарскимъ, во-вторыхъ, отсутствіе переводовъ какихъ-либо сочиненій въ Болгаріи еще не доказываетъ незнакомства съ ними послѣдней. О Несст. лѣт. Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1847. № 5. стр. 46.

[3] Кириллъ и Меѳодій, Слав. просвѣтители, стр. 6. прим. 11.

Чеховъ»[1] находится слѣдующее извѣстіе: «Странскій, на основаніи Гайка, приписываетъ это великое дѣло Кириллу, Меѳодіеву брату, который будто-бы въ новопостроенномъ храмѣ Пресв. Богородицы Тынской, ежедневными проповѣдями, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, просвѣщалъ Чешскихъ язычниковъ *и устроилъ училища, имѣвшія неоцѣнимое вліяніе на убѣжденіе народа.* Важнѣйшіе училище устроено въ Будучѣ и уже при Спитигнѣвѣ (894–912) преобразовано въ Латинскую школу». Такъ еще знаменитый внукъ Боривоя, Вячеславъ, съ котораго начинается рѣшительное обращеніе Чеховъ къ латинству, сначала, по распоряженію своей бабки Людмиллы, обучался Славянской грамотѣ: «и въда ѝ баба своя Людмила научити книгамъ Словеньскимъ по слѣду попову, и навыче разумъ добрѣ», какъ читаемъ въ Кирилловскомъ сказаніи, отысканномъ Востоковымъ въ 1830-мъ году. Это послѣднее извѣстіе имѣетъ для насъ еще ту важность, что показываетъ сходство съ нашимъ первоначальнымъ обученіемъ и относительно наставниковъ: въ Чехіи, такъ-же какъ и у насъ, обученіемъ завѣдывали духовныя лица. Впрочемъ отецъ Вячеслава, по смерти Людмиллы, «отсади его въ Будучь, гдѣ онъ началъ учиться *книгамъ Латыньскимъ*, и научися добрѣ»[2]. Славянскія училища продолжали, кажется, существовать до конца X-го вѣка; по крайней мѣрѣ Житіе св. Кирилла Философа, писанное на Церковно-Славянскомъ языкѣ, вмѣняетъ въ особую заслугу Войтѣху, знаменитому поборнику католичества, Епископу Пражскому, то, что онъ отвергнулъ *науку Русскую и письмо*[3]: «потомъ-же, многимъ лѣтомъ минувшимъ, пришедъ Войтѣхъ у Мораву, и въ Чехи, и Ляхи, науку Рускую и писмо отверже, Ла-

---

[1] Въ Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848. № 9. Смѣсь, стр. 16.

[2] Тамъ-же. стр. 18. Мацѣевск: Очеркъ ист. письменности и просвѣщенія Славянскихъ народовъ до XIV ст. въ Чт. Общ. и Древн. Росс. 1846. № 2. стр. 62. Gesch. v. Röhmen, v. F. Palacky. I, 138, прим. 102 и стр. 202, прим. 5.

[3] Православіе у Чеховъ, стр. 22.

тынскую-же вѣру устави и грамоту, и правовѣрныя Епископы и попы изсѣче, а иныхъ разогна». Но и послѣ Войтѣха Славянское Богослуженіе въ Чехіи, въ XI вѣкѣ, укрылось въ Сазавскомъ монастырѣ, а въ Вышеградскомъ училищѣ еще продолжали обучать Славянской грамотѣ; такъ св. Прокопій обучался въ этомъ училищѣ, въ которомъ, по словамъ Чешскаго стихотворенія XIII вѣка, «slawné učenie bĕše, w Slowenském jazyce ktwĕše» [1]. Наконецъ, при Брячиславѣ II (1092–1100), изгнано Славянское Богослуженіе, а съ нимъ и Славянская грамотность и изъ Сазавскаго монастыря: онѣ были замѣнены католичествомъ и Латинскимъ схоластическимъ обученіемъ, хотя народъ надолго сохранилъ свои воспоминанія о драгоцѣнномъ ему православномъ Богослуженіи. Какіе именно были предметы обученія въ этихъ древнѣйшихъ Славянскихъ училищахъ, мы не знаемъ, потому что не сохранилось о томъ никакихъ извѣстій; перечисленіе главныхъ учебныхъ предметовъ, находящееся въ древней Чешской пѣснѣ XIII или XIV вѣка, относится къ Латинскимъ школамъ и объемлетъ собою trivium и quadrivium [2]. И такъ въ Чехіи, какъ и въ Болгаріи, какъ и у насъ, введеніе Христіанства непосредственно сопровождалось заведеніемъ училищъ.—Имѣли-ли Чешскія училища вліяніе на наши,—это другой вопросъ, для насъ въ настоящемъ случаѣ не имѣющій особенной важности, потому что самое вліяніе ихъ, при непосредственныхъ сношеніяхъ нашихъ съ Византіею и Болгаріею, не могло быть сильно, тѣмъ болѣе, что они видимо падали въ неравной борьбѣ съ сильнымъ латинствомъ. Доказывать же возможность этого вліянія знающимъ родственныя и государственныя отношенія древней Руси къ другимъ державамъ, почитаю излишнимъ; извѣстно, что Владиміръ былъ женатъ на Чехинѣ, отъ которой имѣлъ сына Вышеслава, что границы Чехіи и Руси

---

[1] Slavonicis literis, a sanctissimo Quirillo quondam inventis et statutis, canonice admodum imbutus, какъ говоритъ лѣтопись Сазавскаго черноризца. Тамъ-же. стр. 30.

[2] Мацѣевск. Очеркъ исторіи письмен. и проч. стр. 70.

въ древнее время соприкасались на многихъ точкахъ; припомнимъ, что Несторъ, подъ 996 годомъ, говоритъ: «Владиміръ бѣ жива съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядьскымъ и съ Стефаномъ Угрьскымъ и съ Андрихомъ Чешьскымъ, и бѣ миръ межю ими и любы» [1]; припомнимъ также извѣстіе Никоновской лѣтописи, подъ 992 годомъ, что послы Андриха Чешскаго гостили у Князя Владиміра [2].

Въ настоящее время едва-ли можно сомнѣваться, что въ Польшѣ первоначально была вѣра православная, проникшая туда еще во времена Апостольской дѣятельности Славянскихъ Просвѣтителей [3], а потому нельзя сомнѣваться и въ томъ, что первыя сѣмена православія и тамъ укрѣплялись при посредствѣ училищъ. Но еще болѣе извѣстно, что еще въ половинѣ X вѣка проникло въ Польшу латинство, ослпило православіе и, конечно, не замедлило обратить въ свою пользу существовавшія опоры послѣдняго, такъ что древнѣйшія извѣстія о правительственныхъ распоряженіяхъ въ пользу народнаго обученія относятся къ Латинскимъ школамъ. Такъ мы знаемъ, что еще въ 1005 году основано было училище въ Смогоржевѣ, въ Силезіи, назначенное преимущественно для приготовленія учившихся къ духовному званію. Впрочемъ древнѣйшія Польскія свидѣтельства объ этихъ училищахъ, какъ и наши отечественныя, такъ отрывочны, что изъ нихъ нельзя сдѣлать никакого заключенія не только о способахъ преподаванія, но и о самыхъ предметахъ обученія; знаемъ только, что въ нихъ обращали особенное вниманіе на обученіе Латинскому языку [4], который обыкновенно составлялъ главный предметъ занятій. «Хотя одно только духовенство основательно знало свѣтскія науки, говоритъ Мацѣевскій, и хотя, безъ сомнѣнія, наставники должны были знать Польскій языкъ, однакоже трудно допустить, чтобы

[1] Лаврент. стр. 54.

[2] Никонов. лѣт. I, стр. 105.

[3] См. статью: о началѣ Христіанства въ Польшѣ. Журн. Мин Народ. Просв. 1842. № 1. Введеніе въ ист. Христ. стр. 417.

[4] Мацѣевск. Очеркъ ист. письмен. и проч. стр. 71.

тамъ, кромѣ Латыни и наукъ, необходимыхъ въ то время для духовнаго званія, учили чему-нибудь другому, потому что *старались искоренять и истреблять все народное*, изъ опасенія, чтобы Польскій народъ не склонился на сторону язычества» [1]. Въ послѣдствіи однимъ изъ употребительныхъ способовъ образованія дѣтей знатнѣйшихъ лицъ въ государствѣ было пребываніе ихъ при дворѣ Нѣмецкихъ Императоровъ, гдѣ они обучались языкамъ и усвоивали себѣ необходимыя для того времени искусства. Изъ того, что мы почитали необходимымъ сказать о Польскихъ училищахъ въ древнѣйшее время, видно, что и тогда уже они имѣли западно-Латинскій характеръ, хотя вообще должно замѣтить, что, по составу предметовъ обученія, этотъ послѣдній мало отличался отъ Византійскаго: тѣ-же предметы, составлявшіе неизмѣнныя trivium и quadrivium, были отличительною чертою того и другаго. Различіе главнымъ образомъ могло состоять въ преимуществѣ предъ другими предметами Латинскаго языка въ западныхъ школахъ и въ особомъ общемъ направленіи, какое сообщала имъ Римская пропаганда. Для насъ господство этого характера въ Польскихъ и Чешскихъ училищахъ весьма важно, потому что онъ не могъ не обнаруживать вліянія на наши училища, при тогдашнихъ отношеніяхъ Руси къ Польшѣ и Чехіи. Нѣтъ нужды напоминать здѣсь, что мы находились въ постоянныхъ, почти непрерывныхъ сношеніяхъ съ Польшею во все продолженіе XI и XII вѣковъ, при столь-же постоянныхъ родственныхъ связяхъ [2]. Подъ 1031 годомъ Несторъ говоритъ даже о поселеніи Ляховъ въ Русской землѣ: «Ярославъ и Мьстиславъ собраста вой многъ, идоста на Ляхы, и заяста грады Червеньскыя опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы Ляхы приведоста и раздѣлиста имъ; и посади Ярославъ своя по Руси, и суть до сего дне» [3]. Этими непрерывными сношеніями и, безъ сомнѣнія, чувствомъ племеннаго родства объясняются частыя извѣстія, находящіяся въ нашихъ

[1] Тамъ-же. стр. 72.

[2] См. Лаврент. стр. 64, 65. 67, 85 и проч.

[3] Лаврент. стр. 65. Татищ. II, 105.

лѣтописяхъ, о событіяхъ, совершавшихся въ самомъ Польскомъ Королевствѣ, а равно и то, что образованные предки наши были знакомы съ лѣтописцами Польскими и иногда на нихъ ссылались [1]. Правда, наше постоянное отчужденіе отъ всего, что носило на себѣ отпечатокъ латинства, ручается за незначительность упомянутаго вліянія; отрицать же его безусловно едва-ли было бы основательно, хотя мы и не знаемъ, на какія части училищнаго устройства оно преимущественно обнаруживалось. Не должно также забывать, что Папа, со времени введенія Христіанства и въ теченіе разсматриваемаго періода, не упускалъ изъ вида нашего отечества, смотрѣлъ на него, какъ на свою добычу, и пользовался каждымъ случаемъ, чтобы утвердить въ немъ свою власть; еще въ XI вѣкѣ католическое духовенство дѣйствовало такъ ревностно, особенно пользуясь несчастіемъ Изяслава Ярославича, что, кажется, успѣло проникнуть ко двору В. Князя [2]. Наши пастыри почитали своимъ долгомъ писать особыя сочиненія, въ которыхъ указывали на заблужденія католичества и предохраняли отъ нихъ Князей и народъ; видно, что вопросъ о Варяжской вѣрѣ имѣлъ живой интересъ въ XI вѣкѣ, когда самъ В. Князь предлагалъ его знаменитому игумену Печерскаго монастыря. Притомъ примѣры изъ позднѣйшаго времени (XVI и XVII вѣковъ) ясно указываютъ на тотъ путь, какой избрала себѣ католическая пропаганда и какой она почитала благонадежнѣйшимъ: этотъ путь начинался у пороговъ школъ и велъ прежде всего къ этимъ средоточіямъ возраставшаго поколѣнія. Такъ, по всей вѣроятности,

---

[1] Послѣднее обстоятельство замѣчено г. Шевыревымъ въ его послѣдней (XI) лекціи. «Повѣствуя о дѣлахъ, происходившихъ у Ляховъ, говоритъ г. Шевыревъ, Поликарпъ (въ патерикѣ) ссылается на лѣтописца, вѣроятно, Польскаго» и т. д. Изв. II отд. Акад. Наукъ, т. III, стр. 73.

[2] Слѣдующія слова Папы Григорія VII, въ извѣстномъ его посланіи, весьма замѣчательны: «preterea ut hæc, et alia multa, quæ literis non continentur, cordibus vestris arctius infigantur, missimus hos nuncios nostros, quorum unus vester notus est et fidus amicus» etc. Historica Russiæ monum. Спб. 1841 т. I, p 1

и наши училища XI и XII в. обратили на себя особенное вниманіе католическихъ миссіонеровъ, и могло случиться, что они тѣмъ или другимъ способомъ успѣли провести въ нихъ свое вліяніе.

Представленное обозрѣніе Болгарскихъ, Чешскихъ и Польскихъ училищъ служитъ сильнымъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія касательно существованія и степени распространенія древне-Русскихъ училищъ; послѣ него становятся также понятными тѣ отношенія, въ какихъ находились послѣднія къ училищамъ Византійскимъ и Болгарскимъ, Чешскимъ и Польскимъ: первыя, послужившія образцемъ для нашихъ, постоянно поддерживали, питали и возбуждали нашу образовательную дѣятельность, относительно вторыхъ мы постоянно держались предохранительной системы, предотвращая насильственное вторженіе западнаго вліянія, которое однако, по причинѣ тѣсныхъ государственныхъ и родственныхъ связей нашихъ съ Польшею и Чехіею, не могло, хотя и весьма не значительно, не обнаруживаться на господствовавшій Греко-православный характеръ древне-Русскихъ училищъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ ОБУЧЕНІЯ.

1) О ЛИЦАХЪ, ЗАНИМАВШИХСЯ ОБУЧЕНІЕМЪ.

На основаніи всего предшествующаго изложенія можно сдѣлать вѣрное заключеніе, что обученіемъ, по крайней мѣрѣ преимущественно, завѣдывало духовенство. Хотя такое заключеніе не опирается на многихъ непосредственныхъ свидѣтельствахъ древнѣйшихъ лѣтописей и оффиціальныхъ актовъ, однако оно вполнѣ оправдывается слѣдующими соображеніями: 1) Не только въ Византійской Имперіи, но и во всей Европѣ, въ разсматриваемое время, образованіе юношества находилось въ вѣдѣніи духовенства; въ Болгаріи, Чехіи и Польшѣ, какъ мы видѣли, устройствомъ училищъ и образованіемъ дѣтей распоряжалось исключительно духовенство. 2) Первоначальное устройство училищъ непосредственно слѣдовало за введеніемъ Христіанства. Какъ бы ни было велико число духовныхъ лицъ, сопровождавшихъ Владиміра изъ Корсуня въ Кіевъ, все-же размѣщеніе священниковъ и причетниковъ *по городамъ и селамъ*, въ первую пору, безъ сомнѣнія, должно было встрѣтить величайшія затрудненія, если даже допустить, какъ допускаетъ Преосв. Макарій, что у насъ, еще со времени Аскольда и Дира, или по крайней мѣрѣ со времени Игоря,

могли мало по малу возникать храмы, а вмѣстѣ съ ними появляться священники, для рукоположенія которыхъ должны быть и свои Епископы [1]. Не должны-ли были наши пастыри прежде всего озаботиться пріисканіемъ средствъ для сохраненія полнаго состава духовенства и на будущее время, тѣмъ, чтобы духовенство и впредь могло наполнять себя лицами, достойными своего званія? Такимъ образомъ, независимо отъ интересовъ народнаго образованія вообще, была настоятельная потребность въ училищахъ для образованія лицъ, приготовлявшихъ себя къ духовному званію; послѣдняя цѣль, если бы и не подтверждалась приведеннымъ выше свидѣтельствомъ Іоакимовой лѣтописи, съ необходимостію вытекаетъ изъ положенія Русской Церкви въ эпоху ея первоначальнаго утвержденія; если же училища имѣли такую преимущественную цѣль, то и наставники въ нихъ естественно должны быть лица духовныя. 3) Духовенство само смотрѣло на себя какъ на главное орудіе распространенія образованія; оно почитало первою и священною своею обязанностію внушать истинныя понятія о Христіанской вѣрѣ и нравственности, а выполненіе этой обязанности не могло обойтись безъ распространенія грамотности, такъ что послѣдняя является какъ необходимое слѣдствіе назначенія духовенства. Оно понимало, что одни поученія, повѣряемыя одной памяти, не могли быть вполнѣ дѣйствительны, что впечатлѣнія, производимыя ими на сердца необразованныхъ слушателей, не могли быть продолжительны, что прежде всего необходимо дать имъ средства самимъ читать Св. Писаніе и понимать, подъ его руководствомъ, истинный смыслъ Евангельскаго ученія, что тогда только народное образованіе могло получить прочное основаніе и правильное дальнѣйшее развитіе. И духовенство дѣйствовало по этимъ естественнымъ побужденіямъ, неутомимо стремилось къ предположенной цѣли и достигало ея съ блистательнымъ успѣхомъ, сообщивъ древне-Русской образованности тотъ религіозно-нравственный характеръ, который необходимо вытекалъ изъ ея

[1] Введ. въ Ист. Христ. стр. 298.

основанія. 4) Доселѣ сохраняющійся способъ первоначальнаго обученія, сообщаемаго священниками и причетниками, также доказываетъ, что образованіе въ древнюю пору находилось въ вѣдѣніи духовенства.—Накопецъ высказанное нами заключеніе оправдывается и общественнымъ положеніемъ духовенства, и нравственнымъ его вліяніемъ, и превосходствомъ образованія.

По своему назначенію и по характеру всей своей дѣятельности, оно имѣло ближайшее отношеніе къ занятіямъ этого рода, сравнительно съ другими сословіями. Его непосредственному вѣдѣнію ввѣрена была вся нравственная сторона жизни народа, служащая основаніемъ для всѣхъ остальныхъ явленій жизни; а истинное народное образованіе есть краеугольный камень народной нравственности, потому что послѣдняя не слагается изъ положеній, законовъ, извнѣ данныхъ, а восходитъ на степень истинно-человѣческой нравственности, только подъ условіемъ признанія необходимости этихъ положеній разумомъ; а такое признаніе есть уже прекрасный плодъ образованія. Въ этомъ состоитъ неразрывная связь нравственности съ образованіемъ, а потому если область первой ввѣрена была преимущественному вѣдѣнію духовенства, то и область втораго, съ необходимостію логическаго слѣдствія, принадлежала вѣдѣнію того-же духовенства. Остальныя сословія древней Руси имѣли строго-опредѣленный кругъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлію или внѣшнюю безопасность страны, или охраненіе внутренняго порядка и спокойствія на основаніи существовавшаго законодательства, или матеріальное благосостояніе: и воины, и судебные и административные чины, и торговые люди, и земледѣльцы,—всѣ, вращаясь въ однажды очерченномъ для нихъ Правительствомъ кругѣ, имѣли только посредственное отношеніе къ той высшей, нравственной области, или возбуждая своею дѣятельностію ея развитіе, или предотвращая всѣ возмущенія, которыя могли бы остановить или задержать послѣднее.

Такое непосредственное дѣйствіе духовенства на высшіе интересы общества служитъ вмѣстѣ и объясненіемъ его нравственнаго вліянія. Если всѣ явленія жизни вытекаютъ изъ нравствен-

ныхъ побужденій, а эти послѣднія, при посредствѣ вѣры и образованія, возникали, укрѣплялись и развивались подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ духовенства, то, очевидно, его вліяніе должно было проникать во всѣ стихіи общественной и частной жизни. И духовенство не могло не сознавать, а Правительство и народъ не могли не признавать за нимъ этого обширнаго и могущественнаго вліянія. Въ этомъ сознаніи и въ этомъ признаніи кроются причины, почему наши пастыри Церкви, какъ власть имѣвшіе, являлись и на политическомъ, и на военномъ, и на гражданскомъ поприщахъ. Проникнутый этимъ сознаніемъ, Митрополитъ Никифоръ, убѣждая Всеволода Юрьевича на миръ съ Княземъ Кіевскимъ, такъ положительно высказалъ свое назначеніе: «княже, *мы есмы приставлены въ Руской земли отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитья*» [1]; въ томъ-же смыслѣ говорилъ Епископъ Евѳимій Изяславу Мстиславичу во время его вражды съ Юріемъ Владиміровичемъ: «княже, смирися съ строемъ своимъ; много спасенья пріимеши отъ Бога, и землю свою избавиши отъ великыя бѣды» [2]. Такихъ мѣстъ въ лѣтописяхъ очень много. Духовенство, въ интересахъ мира, иногда даже убѣждало нарушить крестное цѣлованье, когда оно влекло за собою кровопролитіе. Когда въ 1127 году Ярославъ, Князь Муромскій, изгнанный изъ Чернигова Всеволодомъ Ольговичемъ, просилъ помощи у Мстислава Владиміровича, *іерейскій соборъ* объявилъ послѣднему: «на ны буди то грѣхъ; створи миръ»; а игуменъ Григорій сказалъ: «то есть лыжѣе, неже прольяти кровь хрестьяньску»,—и Мстиславъ *преступилъ хрестъ къ Ярославу, хотя и плакася того вся дни живота своего* [3].

Столь важное и преимущественное значеніе духовенства, возможное и благотворительное для того времени, вполнѣ опредѣ-

---

[1] Ипат. стр. 145.

[2] Тамъ-же. стр. 139.

[3] Тамъ-же. стр. 130. Сравн. стр. 81. Лаврент. стр. 190 и 194. Новг. I, 7. 62. Новг. IV, 5, 131. и др.

лается превосходствомъ его образованія предъ всѣми другими сословіями. Весьма естественно, что лица, усвоившія себѣ цвѣтъ Византійской образованности, появившись въ странѣ, еще только начинавшей свою гражданскую жизнь, должны были смотрѣть на себя, какъ на орудіе распространенія образованія, а потому обязанность наставниковъ прежде всего должна была занять ихъ дѣятельность. Кому же было и принять на себя эту обязанность, какъ не тѣмъ, кого уже самое назначеніе опредѣлило къ ней, назначеніе поучать народъ вѣрѣ и нравственности, съ чѣмъ неразлучно и умственное образованіе. Въ особенности духовенство имѣло важное образовательное значеніе въ періодъ Монгольскаго ига, когда прежнія училища падали, а о новыхъ нельзя было и думать. «Приходскимъ священникамъ, говоритъ Епископъ Филаретъ, поставлялось въ обязанность почерпать знаніе вѣры и обязанностей изъ полезныхъ книгъ и изъ бесѣдъ съ опытными, учить малыхъ дѣтей въ домѣ, а всѣхъ — въ храмѣ» [1]. Тотъ-же авторъ приводитъ замѣчательныя слова изъ извѣстнаго *поученія къ попомъ* Митрополита Кирилла: «блюдите-же и родимыхъ дѣтей» и слова Св. Петра: «упражняйтеся дѣти въ чтеніи книгъ и въ ученіи день и ночь» [2]. Въ одномъ Сборникѣ XVII вѣка недостатокъ обученія прямо приписывается уклоненію священниковъ отъ своего назначенія: «пишетъ учитель нѣкій в наказаніі учительномъ: *отъиде законъ отъ священниковъ*, наказаніе отъ учащихся» [3]. Въ Правилѣ-же Митрополита Кирилла, на соборѣ 1274 года, между прочими условіями поставленія священниковъ, сказано: «аще грамотоу добрѣ свѣдять» [4]. Впрочемъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ въ то время, какъ мы замѣтили выше, духовенство, выполняя повелѣніе Апостола передавать другимъ то, что слышало

---

[1] Истор. Р. церкви. II, 52.

[2] Тамъ-же. стр. 53.

[3] Опис. рукоп. Рум. Муз. № CCCLXVII, стр. 537.

[4] Русск. Достоп. ч. I, стр. 111.

отъ Него, съ первыхъ временъ Христіанства, приняло на себя священную обязанность образованія юношества. Черноризецъ Дуксъ говорилъ Іоанну Екзарху Болгарскому, «веля и моля его преложити учительская сказанія: «*попови чьто есть ино дѣло, развѣ ученья?* да ельма-же еси службу ту пріялъ, то и се ми нужда есть дѣлати» [1]. Изъ этого видно, что черноризецъ Дуксъ не понималъ другаго занятія для духовнаго лица, кромѣ ученія [2]. На Западѣ эта обязанность скрѣплена была даже Церковнымъ постановленіемъ, опредѣленнымъ на соборѣ: «ut omnes presbyteri, qui sunt in parochiis constituti, *secundum consuetudinem, quam per totam Italiam satis salubriter teneri cognovimus*, juniores lectores secum in domo recipiant: et eos psalmos parare, divinis lectionibus insistere et in lege domini erudire contendant: ut sibi dignos successores provideant» [3]. Почитаемъ излишнимъ распространяться объ этомъ предметѣ, понятномъ для каждаго, тѣмъ болѣе, что ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ историческихъ источникахъ мы не находимъ указаній на занятія того-же рода лицъ, принадлежавшихъ къ другимъ сословіямъ.

2) О ДИСЦИПЛИНѢ.

Весьма мало сохранилось извѣстій о дисциплинѣ, господствовавшей въ древне-Русскихъ училищахъ. Почти все, что намъ извѣстно въ этомъ отношеніи, заключается въ замѣчательномъ наставленіи, даннымъ Митрополитомъ Михаиломъ наставникамъ первоустроенныхъ школъ. Приведемъ здѣсь это наставленіе, какъ оно выражено въ Степенной книгѣ: «Богодухновенный-же учитель, преосвященный Митрополитъ Михаилъ, призываше къ себѣ всѣхъ

---

[1] Іоаннъ Екз. Болг. стр. 129.

[2] См. статью г. Соловьева: «взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси до половины XIII вѣка». Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1847. № 6. стр. 1—15.

[3] Niemeyer. III, p. 451.

тѣхъ учителей грамотныхъ и наказываше ихъ правѣ и благочинѣ учити юныя дѣти, якоже словесемъ книжнаго разума, такожде и благонравію, и въ правдѣ и любви, и зачялу премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію; *учити жъ ихъ не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ проученіемъ, и ласковымъ разсужденіемъ, противу коегождо силы, и со ослабленіемъ, да не унываютъ*, наипаче всегда прилагати имъ ученіе отъ закона Господня на пользу души же и тѣлу; отъ безумныхъ же и неподобныхъ словесъ всячески ошаятися» [1]. Въ Никоновой лѣтописи сокращенно упоминается о томъ-же наставленіи Митрополита [2]; въ Переяславльской лѣтописи сказано только: «симъ же раздааномъ на оученіе книжное и *навыкаху скоро по Божію строю*» [3]. Въ дѣйствительности разсказа Степенной книги, по крайней мѣрѣ въ его главныхъ чертахъ, нѣтъ основанія сомнѣваться, то есть въ томъ, что Митрополитъ призывалъ къ себѣ учителей, чтобы указать имъ на ихъ обязанность и на общія правила, которыми они должны руководствоваться въ своемъ дѣлѣ: въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго; а наоборотъ, выдумать такое событіе было бы крайнею и во-все невѣроятною смѣлостію въ обращеніи съ историческими фактами. Что авторъ Степенной книги могъ нѣсколько распространить его, это возможно; къ такому распространенію могутъ относиться повторенія о кротости обращенія, о внушеніи нравственныхъ правилъ, между тѣмъ какъ самый фактъ, по нашему мнѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Изъ него мы позволяемъ себѣ извлечь слѣд. соображенія: 1) Вся училищная дисциплина была основана на Евангельской кротости и любви, съ положительнымъ запрещеніемъ дѣйствовать строгими мѣрами, *яростію*. Это обстоятельство для насъ имѣетъ важность не только потому, что показываетъ духъ, господствовавшій въ

[1] Степен. кн. I, стр. 143.

[2] Никонов. лѣт. I, 94.

[3] Переясл. лѣт. Времен. № 9. стр. 32.

древнихъ Русскихъ училищахъ, но и потому, что оно рѣзко отличаетъ послѣднія отъ школъ монастырскихъ, существовавшихъ въ то-же время на Западѣ, гдѣ самое слово дисциплина у монаховъ называлась flagellatio, interdum virgæ ipsæ, quibus flagellantur [1], гдѣ virga и scutica, перешедшія по преданію изъ Римскихъ школъ, были непзмѣннымъ условіемъ обученія. Сколь важнымъ почиталъ Митрополитъ такое обращеніе съ дѣтьми, видно изъ того, что онъ съ особенною силою останавливается на необходимости любви и кротости, для чего Степен. книга употребляетъ нѣсколько синонимическихъ выраженій; онъ понималъ, какъ тяжела должна быть строгая дисциплина для дѣтей, въ первый разъ подвергавшихся болѣе или менѣе методическому процессу школьнаго обученія, воспитывавшихся въ патріархальныхъ правахъ, не допускавшихъ никакого стѣсненія свободы; онъ понималъ, что кротость и любовь въ обращеніи могли скорѣе всего ослабить тягостное впечатлѣніе, неизбѣжно испытываемое при началѣ обученія дѣтьми, не понимающими ни его значенія, ни цѣли, могли облегчить самый трудъ обученія и сообщить болѣе благопріятное понятіе о школахъ. Вотъ почему Митрополитъ Михаилъ въ своихъ наставленіяхъ учителямъ всѣми силами старается облегчить учащихся, велитъ учить ихъ *съ ослабленіемъ* и два раза повторяетъ, чтобы они *не унывали;* вотъ почему Ростовскій Епископъ Леонтій также кротко обращался съ дѣтьми: «младенцы ко церкви призываше и сладостно кутіею кормляше» [2]. Наконецъ Митрополитъ понималъ, что такая дисциплина, вполнѣ согласная съ Евангельскимъ ученіемъ, могла примирить самихъ родителей со школами и побудить ихъ охотнѣе отдавать дѣтей въ обученіе. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что родители столь-же мало, по видимому, понимали значеніе и цѣль учащихъ, какъ и ихъ дѣти: «матере же чадъ своихъ плакахуся по нихъ, говоритъ лѣтописецъ, еще бо не бяху

[1] Дюканжъ: Gloss. lat. I, 834.

[2] Степен. кн. I. стр. 153.

ся утвердили вѣрою, *на акы по мертвеци плакахуся»* [1]; а въ Ростовѣ даже жизнь Епископа Леонтія находилась въ опасности отъ родителей тѣхъ дѣтей, которыхъ, по его распоряженію, собирали къ церквамъ для обученія: «родителіе же ихъ, вземше различная оружія и устремишася не токмо изгнати св. Леонтія, но и убити хотяху» [2]. И безъ сомнѣнія, не скоро уничтожилось это предубѣжденіе противъ школъ у родителей, преимущественно въ низшемъ сословіи; безъ сомнѣнія, много нужно было времени и усилій со стороны духовенства, чтобы родители сами начали отдавать дѣтей въ обученіе, чтобы они считали послѣднее непремѣнною потребностію для своихъ дѣтей; по крайней мѣрѣ много нужно было времени, чтобы въ историческихъ памятникахъ могли найти себѣ мѣсто выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «седьмаго лѣта возраста достигшу, вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися» [3], или: «таже времени приспѣвшу, и книжному ученію вданъ бываетъ» [4] и проч. Впрочемъ должно полагать, что такой благопріятный оборотъ совершился гораздо ранѣе, особенно въ высшемъ сословіи, не говоря уже о княжескихъ семействахъ, гдѣ мы видѣли прекрасные примѣры добровольнаго и ревностнаго обученія грамотѣ еще въ XI вѣкѣ и гдѣ въ томъ-же вѣкѣ являлись люди съ весьма замѣчательнымъ образованіемъ для своего времени. 2) Изъ приведеннаго мѣста Степенной книги видно также, что первоначальныя наши училища, а по всей вѣроятности, и возникавшія въ послѣдствіи, не имѣли исключительною цѣлію образованіе умственныхъ способностей, обученіе одной грамотѣ, но вмѣстѣ внушеніе и установленіе началъ нравственности, на основаніи ученія вѣры: Митрополитъ Михаилъ повелѣвалъ учить не только *словесемъ книжнаго ученія*, а и *благонравію, правдѣ и любви, и началу премудрости, страху Божію, чистотѣ и сми-*

[1] Лаврент. стр. 51.

[2] Степен. кн. I, 153.

[3] О Петрѣ Митрополитѣ. Степен. кн. I. стр. 411.

[4] Объ Алексѣѣ Митрополитѣ. Тамъ-же. стр. 447.

ренномудрію, повелѣвалъ предлагать имъ *ученіе отъ закона Господня на пользу души и тѣлу*. Отсюда, кажется, можно заключить, что училища наши имѣли не просто учебный, но *учебно-воспитательный* характеръ. Такая цѣль совершенно согласна съ высокою цѣлію духовенства—приготовить не столько людей, образованныхъ мірскими знаніями, сколько *образованныхъ Христіанъ*, готовыхъ на служеніе Церкви и на дальнѣйшее распространеніе образованія въ томъ-же духѣ; училища были устроены не столько въ видахъ свѣтскаго образованія, сколько въ видахъ Христіанскаго просвѣщенія, такъ что они разсматривались какъ непосредственныя опоры Церкви; потому-то Митрополитъ указываетъ болѣе на необходимость внушенія нравственныхъ убѣжденій, чѣмъ на словеса книжнаго ученія. Эта мысль объ учебно-воспитательномъ характерѣ первоначальныхъ Русскихъ училищъ могла-бы, по нашему мнѣнію, вести къ другой мысли: не содержались-ли дѣти во все время обученія неотлучно въ самыхъ зданіяхъ училищъ, устроенныхъ при церквахъ? Такая мысль намъ кажется весьма достойною вѣроятія. Въ ея пользу говоритъ а) то обстоятельство, что только при такомъ содержаніи возможно выполненіе условій, какія предписывалъ учителямъ Митрополитъ Михаилъ. Если въ настоящее время, съ цѣлію предохранить отъ искушеній, къ которымъ такъ часто представляетъ поводъ обыкновенное домашнее воспитаніе и къ которымъ такъ склоненъ дѣтскій возрастъ, отдѣляютъ дѣтей отъ остальнаго общества на продолжительное время, конечно, не столько для образованія ума, сколько для сохраненія нравственной чистоты [1]: то

---

[1] Не могу не напомнить здѣсь читателямъ слѣдующихъ достопамятныхъ словъ И. И. Бецкаго, высказанныхъ имъ въ извѣстномъ Докладѣ Императрицѣ Екатеринѣ II: «и такъ о воспитаніи юношества печися должно неусыпными трудами, начиная отъ пятаго и шестаго до осмнатцати и дватцати лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія. Во все-же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ, что и самые ближніе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не инако, какъ въ самомъ учи-

какъ необходимо должно быть такое распоряженіе въ эпоху первоначальнаго утвержденія Христіанства. Какъ можно было поручиться за дѣйствительность и прочность внушеній и убѣжденій наставниковъ, когда дѣти, по окончаніи ученія, возвращались-бы къ своимъ родителямъ, изъ которыхъ большая часть, вѣроятно, была предана еще язычеству, крещена только по формѣ и враждебно смотрѣла на школы: изъ двухъ враждебныхъ другъ другу и противоположныхъ вліяній можно было ожидать только перевѣса домашняго вліянія, что, конечно, не составляло цѣли нашего духовенства и что такъ прямо и рѣшительно противорѣчитъ быстрымъ успѣхамъ училищнаго образованія, засвидѣтельствованнымъ историческими памятниками: «и тако благодатію Божіею елицы научишася грамотѣ, *отъ нихъ же бысть множество премудрыхъ философъ*» [1]. Да, если когда, то именно въ эпоху первоначальнаго утвержденія Христіанства, необходимо было «произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, *новую породу*, или *новыхъ отцовъ и матерей*, которые бъ дѣтямъ своимъ тѣ-же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали-бъ паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки» [2]. b) Въ пользу той-же мысли говоритъ и сильное сопротивленіе родителей, не совсѣмъ естественное въ томъ случаѣ, когда-бы они разлучались съ своими дѣтьми на нѣсколько часовъ: но они плакали по нихъ *аки по мертвеци*, безъ сомнѣнія, потому, что разлучались съ ними на долгое, неопредѣленное время, можетъ быть, безъ надежды на безпрепятственное свида-

---

лищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбора обхожденіе внѣ и внутрь онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей». Русск. Вѣстн. 1842. т. V. стр. 373-374.

[1] Степен. кн. I. стр. 143.

[2] Докладъ Бецкаго. Русск. Вѣстн. стр. 373.

ніе, потому, что они почитали ихъ оторванными отъ себя, погибшими, *умершими* для себя. c) То-же подтверждаютъ и выраженія лѣтописи: «*поимати* у нарочитое чади дѣти [1]; дѣти *отъимати* оу нарочитыхъ людей [2]; *взимати* младыя дѣти» [3],—выраженія сильныя, указывающія на рѣшительное отдѣленіе дѣтей отъ родителей. d) Наконецъ въ пользу той-же мысли говоритъ и способъ, какимъ производилъ обученіе Леонтій, Епископъ Ростовскій, который собиралъ дѣтей къ церквамъ и сладостно кормилъ ихъ кутьею. Такое распоряженіе особенно необходимо было на первое время, и притомъ могло относиться только къ училищамъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, такъ что совершавшееся, по всей вѣроятности, въ то-же время частное обученіе, также при церквахъ и также подъ руководствомъ *священниковъ со причетники*, могло ограничиваться посѣщеніемъ дѣтей мѣстъ обученія въ опредѣленное время. Въ послѣдствіи же, когда Христіанство пустило уже глубоко корни на почвѣ Русской и когда нравственность дѣтей въ семействахъ менѣе подвергалась опасности, и училищное обученіе могло ограничиваться тѣми-же мѣрами. Если справедлива наша мысль, то мы пріобрѣтаемъ новый важный фактъ въ исторіи древне-Русскаго школьнаго образованія. 3) Наконецъ замѣтимъ, что Степенная книга упоминаетъ только о *юныхъ дѣтяхъ*, которыхъ отбирали отъ родителей въ училища, а потому подтверждаетъ мысль, что послѣднія были устроены именно *для первоначальнаго обученія*, хотя та-же мысль достаточно подтверждается и однимъ словомъ—*дѣти*, употребленнымъ лѣтописцемъ.

При всей справедливости заключенія, на основаніи приведеннаго мѣста Степенной книги, что дисциплина въ древне-Русскихъ училищахъ основана была на началѣ любви и кротости, нельзя однако безусловно отрицать и употребленіе мѣръ строгихъ, когда и *любовный обычай*, и *сладкое поученіе*, и *ласковое утѣшеніе* не достигали своей

---

[1] Лаврент. стр. 51.

[2] Переясл. лѣт. Времен. № 9. стр. 31.

[3] Никонов. лѣт. I. 94. Степен. кн. I, 143.

цѣли, что всегда возможно и понятно каждому, знакомому съ труднымъ дѣломъ первоначальнаго обученія. Безусловное и исключительное примѣненіе началъ кротости не возможно и по рѣзкому различію способностей, прилежанія и нравственности учениковъ, и по различію въ характерѣ самихъ наставниковъ, и по духу того времени, не отличавшемуся господствомъ кротости, какъ въ жизни, такъ и въ школѣ. Византійскія школы, въ эпоху водворенія у насъ Христіанства, еще мало отличались въ дисциплинарномъ отношеніи отъ западныхъ, въ которыхъ вполнѣ одобрялись и примѣнялись къ дѣлу строгія мѣры, а изъ нихъ употребленіе послѣднихъ легко могло проникнуть и въ наши, хотя это обстоятельство, по существу своему, не нуждается въ такомъ посредствѣ Византійскихъ школъ. Понятно, что въ первое время наставники въ точности слѣдовали правиламъ, предписаннымъ Митрополитомъ, и общее значеніе этихъ правилъ, конечно, оставалось въ послѣдствіи, но они не могли исключать строгости въ необходимыхъ случаяхъ, строгости, которая со временемъ могла усилиться, по мѣрѣ возрастанія числа учениковъ и предметовъ обученія. Не забудемъ, что и въ наставленіи Митрополита упоминается *о страхѣ*, хотя онъ и сопровождается эпитетомъ *радостовидный;* не забудемъ и характеристики самого Митрополита Михаила, сообщаемой Никоновою лѣтописью: «бысть же сей Митрополитъ учителенъ зело, и премудръ премного, и житіемъ великъ и крѣпокъ зело, родомъ Спринъ: [1] тихъ убо бѣ, и кротокъ, и смиренъ, и милостивъ премного; *иногда же страшенъ и сверѣпъ, егда время требоваше*» [2]. Приведемъ здѣсь понятіе Максима Грека о грамматикѣ: «начало входа въ философію—учиться долго со многимъ трудомъ *и бѣсніемъ*» [3]. А что въ Византійскихъ школахъ учительскій жезлъ не оставался въ бездѣйствіи, между прочимъ, видно и изъ слѣд. выраженія Стослова или Стоглава Геннадіева: «боится ученикъ оучителева

[1] Замѣчательно, что Татищевъ называетъ его *Болгариномъ*. I, 38.

[2] Никонов. лѣт. I, 92.

[3] Описс. рукоп. Рум. Муз. № CCLIV. стр. 370.

жезла паче самого оучителя» [1]; безъ сомнѣнія, тотъ-же *учителевъ жезлъ* не замедлилъ предъявить свои права и въ нашихъ училищахъ,—и это тѣмъ естественнѣе, что способъ первоначальнаго обученія простаго народа у священниковъ или у причетниковъ, общеупотребительный доселѣ и удержавшій въ себѣ черты глубокой древности, вовсе не исключаетъ *многаго труда и біенія*, по выраженію Максима Грека; даже въ современныхъ намъ училищахъ этого рода только весьма недавнія мѣры стали вытѣснять господство учителева жезла, подъ грознымъ вліяніемъ котораго получило первоначальное обученіе даже наше поколѣніе. Учитель тѣмъ болѣе долженъ былъ употреблять съ своей стороны всевозможныя мѣры для успѣха обученія, что вина безуспѣшности падала, кажется, и на него. Митрополитъ Кипріанъ, въ Житіи св. Петра Митрополита, говоритъ: «учителеви съ прилѣжаніемъ ему прилежащу, отроку же неспѣшно ученіе творящеся, по косно и всячески не прилѣжно. И о семъ убо не мала печаль бяше родителемъ его, *и не малу тщету совмѣняше себѣ и учитель его*» [2].

3) О СПОСОБѢ ОБУЧЕНІЯ.

Не много сохранилось извѣстій, объясняющихъ и способъ древняго первоначальнаго обученія. Въ разсмотрѣнномъ выше со стороны дисциплины мѣстѣ Степен. книги въ настоящемъ случаѣ важно слѣд. выраженіе: «прилѣжно и часто послушивати и наказывати ихъ; предавати же комуждо ихъ урокъ ученія съ разсужденіемъ, противу коегождо силы со ослаблѣніемъ». Изъ него видно, что Митрополитъ предписывалъ a) частыя повторенія и b) умѣренные уроки, соотвѣтственно силамъ каждаго ученика. Первое обстоятельство не требуетъ поясненія, потому что частыя повторенія всегда и вездѣ составляли одно изъ главнѣйшихъ

---

[1] Въ Сборникѣ, подъ названіемъ *Измарагдъ*, заключающемъ въ себѣ большею частію поученія Іоанна Златоуста, писанномъ уставомъ XIV вѣка. Описс. рук. Рум. Муз. № CLXXXVI, стр. 233.

[2] Степен. кн. I. стр. 411.

условій первоначальнаго обученія. Изъ втораго же правила можно, кажется, заключить, что въ устроенныхъ въ концѣ X вѣка училищахъ не былъ назначаемъ одинъ общій урокъ для всѣхъ учениковъ безъ изъятія, по для каждаго отдѣльно, согласно съ его силами и способностями. Это извѣстіе для насъ важно какъ потому, что указываетъ хотя на одну черту, нѣсколько объясняющую самый процессъ обученія, чѣмъ такъ скудны всѣ наши историческіе памятники, такъ и потому, что оно, думаемъ, даетъ намъ право сдѣлать слѣдующія предположенія: или въ древнѣйшихъ Русскихъ училищахъ вообще не было правильнаго раздѣленія на классы: въ противномъ случаѣ не могло-бы быть препятствія уравнять учениковъ такъ, чтобы возможны были общіе уроки, что составляетъ необходимую потребность и для облегченія наставниковъ, и для скорѣйшаго и правильнѣйшаго сообщенія знаній; или причина такого правила заключается въ весьма незначительномъ числѣ учениковъ, при которомъ возможно было такое вникапіе въ силы и способности каждаго ученика, что впрочемъ невѣроятно, потому что одно Новгородское училище, при самомъ началѣ его устройства, имѣло 300 учениковъ; или, наконецъ, это правило относилось только къ первому времени, когда всѣ собранныя дѣти составляли одно только отдѣленіе. Чтобы не показалось кому-либо страннымъ, что мы говоримъ о раздѣленіи на классы въ нашихъ школахъ, мы напомнимъ, что есть положительныя свидѣтельства о существованіи такого раздѣленія на Западѣ и въ Византіи. Приведемъ здѣсь одно только мѣсто: «in literario ludo, ubi pueri prima articulatæ vocis elementa suscipiunt, alii quidem *Abecedarii*, alii *Syllabarii*, quidam vero *Nominarii*, nonnulli etiam *calculatores* appellantur: et hæc nomina cum audimus, ex ipsis continuo, qui sit in pueris profectus, agnoscimus» [1]. Отсюда ясно видно, что въ элементарныхъ школахъ ученики раздѣлялись на классы, смотря по успѣхамъ; самые классы имѣли такія названія, которыя опредѣляли занятія ученика и

[1] Petri Damiani. lib. 6. Ep. 17. Ducange. Gloss. lat. I, 19.

слѣдовательно его успѣхъ: въ одномъ изъ нихъ, конечно, обучали азбукѣ, то есть отдѣльнымъ буквамъ, въ другомъ—слогамъ, въ третьемъ—названіямъ предметовъ, и наконецъ нѣкоторые обучались счисленію; видно также, что дѣленіе было довольно мелкое, такъ что первый классъ нынѣшнихъ элементарныхъ школъ обнимаетъ по крайней мѣрѣ три первые отдѣла. Вообще распредѣленіе учащихся по успѣхамъ на отдѣлы такъ естественно, такъ необходимо въ каждой школѣ, что, безъ особыхъ доказательствъ, нельзя не допустить того-же и въ древне-Русскихъ училищахъ, по крайней мѣрѣ въ то время, когда они, послѣ продолжительнаго существованія, получили болѣе правильное устройство.—Въ Житіи Петра Митрополита находимъ извѣстіе, указывающее, по видимому, на способъ обученія письму, сходный съ нынѣшнимъ и состоявшій въ томъ, что учитель писалъ буквы, а ученикъ копировалъ ихъ: «отъ того убо часа *елика написоваше ему учитель его, малымъ проученіемъ изучеваше*» [1]. Впрочемъ это мѣсто можетъ имѣть и другой смыслъ и тогда оно заключало-бы въ себѣ еще большую важность: оно можетъ означать употребительный тогда способъ сообщенія знаній ученику и состоявшій въ томъ, что учитель предварительно записывалъ назначаемый урокъ и по этимъ запискамъ ученикъ его заучивалъ; при отсутствіи книгъ, такой способъ былъ единственно-возможнымъ и онъ употреблялся во всей Европѣ не только въ первоначальномъ обученіи, но и въ дѣлѣ высшаго образованія. Все видоизмѣненіе его могло состоять въ томъ, что въ общественномъ обученіи, въ школахъ, наставникъ обыкновенно диктовалъ, а ученики записывали, въ частномъ обученіи учитель иногда могъ принимать на себя и обязанность записывать предварительно, оставляя ученику одинъ трудъ заучиванья, что, кажется, и должно разумѣть въ приведенномъ мѣстѣ Житія; при этомъ, конечно, объяснялось учителемъ содержаніе урока. Такъ наставникъ Константина Багрянороднаго, Архіепископъ Болгарскій Ѳеофилактъ, говоритъ о своемъ ученикѣ:

---

[1] Степен. кн. I. стр. 411.

«cum tu videlicet recitata e libro actione sententiave memorabili cujuspiam veterum, præcurreres me magistrum discipulus, *nec exspectata enarratione mea*, facinoris aut apophtegmatis vim intimam volatu mentis prævertens rapieres» [1]. Вотъ все, что мы могли извлечь замѣчательнаго изъ всѣхъ извѣстій историческихъ касательно способа первоначальнаго обученія въ древней Руси.

4) О ВОЗРАСТѢ, СЪ КОТОРАГО НАЧИНАЛОСЬ ОБУЧЕНІЕ.

Разсмотрѣвъ историческія свидѣтельства, относящіяся къ этому предмету, мы можемъ признать несомнѣнными слѣдующія два положенія: во-первыхъ, что обученіе начиналось въ дѣтскомъ возрастѣ, и во-вторыхъ, что оно начиналось въ опредѣленное время, хотя это послѣднее не строго опредѣлялось однимъ какимъ-либо годомъ, а относилось къ извѣстному періоду тѣлеснаго и духовнаго развитія ребенка, отъ 7 до 9 года включительно. Впрочемъ должно замѣтить, что дѣтскій возрастъ, по названію, въ старину простирался довольно далеко. Такъ въ Житіи М. Алексѣя читаемъ: «и бысть яко лѣтомъ двоюпадесяте, еще *дѣтское* имуще ему» [2]; въ Ипат. лѣт: «Даніилу же тогда (1211 г.) *дѣтьску сущю*, якоже можяше на конѣ ѣздити» [3], между тѣмъ какъ ему въ 1211 году было 15 лѣтъ, и еще въ 1208 году, будучи 12 лѣтъ, «извлекъ мечь тя его (тіуна) и потя конь его подъ нимъ» [4]. Такихъ свидѣтельствъ въ лѣтописяхъ много. Вѣроятно, эта продолжительность дѣтскаго возраста происходила отъ того, что не полагали строгаго различія между дѣтствомъ и отрочествомъ, такъ что первое заключало въ себѣ и второе. Какъ далеко простиралось дѣтство, по понятіямъ древнихъ предковъ нашихъ, мы положительно сказать не можемъ, хотя и можемъ предполагать, что оно

---

[1] Instit. reg. c. V, p. 195. ap. Banduri. T. I.

[2] Степен. кн. I. стр. 447.

[3] Ипат. лѣтоп. стр. 160.

[4] Тамъ-же. стр. 159.

продолжалось до самаго брака, который въ древнѣйшее время, какъ извѣстно, совершался весьма рано [1]. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что первоначальное обученіе и основаніе дальнѣйшаго образованія полагалось въ дѣтскомъ возрастѣ, и если г. Погодинъ говоритъ, что «любознательность Князей получала удовлетвореніе, *разумѣется, не въ опредѣленные годы отрочества, а во всю жизнь*» [2], то его слова должно принимать въ обширномъ смыслѣ. Въ тѣснѣйшемъ же смыслѣ дѣтскій возрастъ иногда могъ быть предѣломъ, которымъ заканчивалось образованіе, потому что не всѣ же князья, а тѣмъ болѣе лица другихъ сословій, продолжали такое образованіе во всю жизнь, а между тѣмъ положительно можно утверждать, что всѣ Князья XI–XIII вѣковъ были обучены грамотѣ; лѣтописцы всегда указываютъ на Князей съ такою любознательностію и ихъ не трудно перечислить.—Но если дѣтскій возрастъ былъ такъ продолжителенъ, то любопытно и важно было-бы знать, не имѣли-ли преимущества нѣкоторые его года относительно начала обученія. Изъ представленныхъ выше свидѣтельствъ можно видѣть, что дѣйствительно существовалъ какой-то срокъ, съ котораго обыкновенно почитали необходимымъ начинать обученіе, что слѣдовательно наши предки руководились какими-то соображеніями для опредѣленія этого срока: въ противномъ случаѣ, какъ понимать выраженія: «приспѣвшу времени, и книжному ученію вдаетъ бываетъ» и многія, тому подобныя?

Весьма естественно, что этотъ срокъ прежде всего опредѣлялся состояніемъ здоровья, достаточнымъ образованіемъ органа слова

---

[1] Изъ фактовъ, приведенныхъ г. Погодинымъ, въ статьѣ: «о частной жизни Князей въ древности» (Москвит. 1853 г. № 2. стр. 65—96), видно, что сыновья Княжескіе, Святославъ Игоревичъ и Константинъ Всеволодовичъ, женились 10-ти лѣтъ; за тѣмъ слѣдуютъ браки 14, 15, 17 и 19 лѣтъ (стр. 74—75). Такимъ образомъ предположеніе, что дѣтскій возрастъ продолжался до брака, имѣетъ весьма значительную степень вѣроятія, при соображеніи, что о 15-лѣтнемъ Даніилѣ упоминается какъ *о дѣтьскѣ*.

[2] О частной жизни Князей въ древности. стр. 70.

и другими частными условіями, а потому онъ и не могъ точно относиться къ одному какому-либо году. Тѣмъ не менѣе пельзя отрицать существованія срока, обнимавшаго собою отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ, и такой срокъ, намъ кажется, приблизительно можно опредѣлить. Въ Житіи Петра Митрополита сказано: «рождшужеся отрочати, и *седьмаго лѣта возраста достигшу*, вдапъ бываетъ родителема книгамъ учитися»[1]. Приведемъ также извѣстіе, сообщаемое Татищевымъ, о дѣтяхъ Константина Всеволодовича, Васплькѣ и Всеволодѣ: «дѣтей его Георгій до полгода держалъ при себѣ, а потомъ отпустилъ въ Ростовъ, наппаче о нихъ печалился, и по часту посылалъ бояръ *надзирать въ ихъ ученіи и содержаніи*»[2]. Въ Лаврент. лѣтописи также упомпнается, хотя нѣсколько отлично, объ этомъ событіи: по ея свпдѣтельству, Константинъ Всеволодовичъ самъ распорядился отправленіемъ своихъ дѣтей, Василька въ Ростовъ, а Всеволода въ Ярославль. Если предположить, что обученіе этихъ князей началось только въ Ростовѣ и Ярославѣ, то первому, при началѣ ученія, было не многимъ болѣе 9-ти лѣтъ, а второму 8 лѣтъ[3]. Слова предсмертной рѣчи Константина Всеволодовича: «книжнаго поученія слушайта», находящіяся и въ Лаврент. лѣт., и у Татищева, нѣсколько подтверждаютъ мысль, что ученіе началось по смерти отца. Въ Новгородской первой лѣтописи, подъ 1341 годомъ, находимъ слѣдующее важное извѣстіе: «той же зимы пріѣха Михаилъ княжичь Александровичь, съ Тферп въ Новгородъ, къ владыцѣ, сынъ крестьныи, *грамоть учиться*»[4]. Михаилъ Александровичь родился въ 1333 году; подъ этимъ годомъ въ Новгородской первой лѣтоп. и Новгородской четвертой упомпнается о его крещепіи[5].

---

[1] Степен. кп. стр. 411.

[2] Татищ. II, 417.

[3] Первый родился 1209 года, Дек. 7., а второй въ 1211 году. Переясл. лѣт. стр. 109.

[4] П. С. Р. Л. т. III, 81. Сравн. т. IV, 55.

[5] Новг. I лѣтоп: «ѣздилъ владыка Василей въ Псковъ и у князя Александра крестилъ сына Михаила». стр. 77. Сравн. Новг. IV. стр. 53.

Отсюда видно, что Михаилъ Александровичъ началъ учиться грамотѣ также 8-ми лѣтъ. Почитаемъ достаточными эти свидѣтельства для нашей цѣли. Изъ нихъ видно, что обученіе грамотѣ въ древнее время не начиналось ранѣе *семи лѣтъ;* по крайней мѣрѣ мы не нашли ни одного случая, подтверждающаго противное. Но оно могло начинаться и послѣ семи лѣтъ, хотя, кажется, не далѣе девяти, потому что отрокъ Елевѳерій, въ послѣдствіи М. Алексѣй, могъ начать и позднѣе свое обученіе, по обстоятельствамъ, намъ неизвѣстнымъ [1].

Къ сказанному нами о времени начала обученія грамотѣ мы желали бы присоединить и слѣд. мысль: не имѣло-ли оно связи съ важнымъ обрядомъ, совершавшимся надъ дѣтьми въ древнее время и извѣстнымъ подъ именемъ *постриговъ?* Сообразивъ всѣ свидѣтельства объ обрядѣ постриговъ, мы находимъ такую связь возможною, но только для позднѣйшаго времени. Не распространяясь о самомъ обрядѣ, его происхожденіи и значеніи, скажемъ здѣсь только то, что относится къ нашему предмету. Изъ всѣхъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о постригахъ г. Погодинъ выводитъ слѣд. заключеніе: «*по третьему или четвертому году Князьямъ были постриги*, принадлежавшіе къ семейнымъ праздникамъ; обрѣзывались у князя волосы (что происходило въ Соборѣ, чрезъ Епископа), и сажался онъ потомъ на копя» [2]. Столь ранній возрастъ, конечно, не благопріятствовалъ обученію. Но всегда-ли постриги совершались надъ трехлѣтнимъ или четырехлѣтнимъ ребенкомъ? Мы знаемъ, что они совершены были надъ *семилѣтнимъ* Мѣшкомъ; знаемъ положительно, что въ послѣдствіи и у насъ они совершались надъ семилѣтними дѣтьми [3]. На западѣ постриги совершались, кажется, позднѣе семи лѣтъ,

---

[1] Впрочемъ нельзя не замѣтить, что указаніе на 12-й годъ, по связи мыслей, не совсѣмъ близко относится къ опредѣленію времени, высказанному прежде въ общемъ выраженіи: *времени приспѣвшу.*

[2] О частной жизни Князей въ древности. стр. 71.

[3] Ист. Татищ. II, прим. 553.

по крайней мѣрѣ по началу одного правительственнаго постановленія должно заключать, что они совершались *на двѣнадцатомъ году* [1]. Нельзя сомнѣваться, что этимъ обрядомъ торжественно признавалась гражданская личность ребенка и указывалось его назначеніе, а потому онъ совершался непремѣнно тогда, когда постригаемый достигъ значительнаго развитія, хотя и не было опредѣленнаго для того года и дня. Тѣмъ не менѣе вѣрно, что у насъ въ древнѣйшее время постриги совершались ранѣе, чѣмъ въ послѣдствіи. На послѣдовавшее передвиженіе ихъ могли имѣть вліяніе отчасти Христіанскія убѣжденія, отдающія нѣкоторое предпочтеніе седмеричному числу, отчасти соображенія о тѣлесномъ и духовномъ развитіи дѣтей. Мы имѣемъ доказательства, что въ древней Руси существовало также раздѣленіе жизни на семилѣтніе возрасты. Въ одномъ Сборникѣ XVII вѣка, статьи котораго древнѣйшаго происхожденія, съ листа 332 начинается «сказание вкратце о седмицахъ иже есть отъ нароженія вчл҃вцеxскоко семерочисленыхъ иізмѣренні вкоторые лѣта дн҃ие исполняются жіни его» и проч., гдѣ каждый возрастъ полагается въ *семь лѣтъ* [2]. Въ Алфавитахъ XVII вѣка, статьи которыхъ также древнѣйшаго происхожденія, находимъ статью, подъ заглавіемъ: «сице и о временех чл҃ка различна речеся. се ест коло родства чл҃ча. сие бываетъ». За этою статьею въ одномъ изъ Алфавитовъ помѣщено изображеніе семи круговъ въ большомъ кругѣ съ слѣдующими надписями въ каждомъ изъ семи круговъ: 1) «младенецъ *до седми лѣтъ* егда бываетъ зубомъ испаденіе, 2) отроча до 14 лѣтъ и до испущенія сѣмене и отсель отрок, 3) дѣтище до 21 лѣта и оттолѣ юноша, 4) отъ 21 лѣта до 29 юноша и оттолѣ мужъ, 5) мужъ отъ 29 до 35 лѣта и оттолѣ средовѣченъ, 6) средовѣчие отъ 42 до 49 стеръбль, 7) 42 до 56-го старецъ по семъ

---

[1] Si quis puerum *infra duodecim annorum* non tonsuratum occiderit (lex Sal. I. tit. 28). Дюканжъ Gloss. lat. I, 131.

[2] Опис. рукоп. Рум. Муз. № CCCLXVII. стр. 539.

матерство» [1]. Слѣдовательно предкамъ нашимъ было извѣстно седмеричное дѣленіе на возрасты; а если было извѣстно дѣленіе, то, конечно, могло быть извѣстно и его значеніе: они могли знать, что семилѣтній возрастъ предполагаетъ начало обученія, что онъ служитъ чертою раздѣла между родительскимъ домомъ и школой. Теперь, намъ кажется, не трудно объяснить передвиженіе постриговъ къ 7-му году: доколѣ еще свѣжи были языческія воспоминанія [2] и грамотность не почиталась еще непремѣнною потребностію въ древней Руси, постриги совершались по прежнему обычаю, по третьему или четвертому году; съ ослабленіемъ же языческихъ воспоминаній и съ постепеннымъ распространеніемъ образованія, они были перенесены на 7-й годъ, и, вмѣстѣ съ признаніемъ гражданской личности ребенка, стали обозначать и начало періода его обученія. Извѣстіе Татищева, что постриги на 7-мъ году совершались надъ *Княжескими дѣтьми* и надъ дѣтьми *знатныхъ лицъ*, для насъ также имѣетъ важность: оно доказываетъ, что перенесеніе обряда особенно относилось къ лицамъ знатнымъ, между которыми, конечно, обученіе почиталось непремѣнною потребностію и совершалось съ бо́льшею правильностію. Возможность перенесенія постриговъ представляется тѣмъ болѣе легкою, что и въ древнѣйшее время они не совершались въ одинъ опредѣленный годъ. А что и прежде старались пріурочить ихъ къ какому–либо семейному празднику, доказываетъ лѣтописное извѣстіе о постригахъ сына Михаила Ярославича, Князя Тверскаго, совершенныхъ, по всей вѣроятности, въ день именинъ послѣдняго: «того-же лѣта (1302), мѣсяца Ноября въ 8, *на память архистратига Михаила*, быша постриги у Князя у Михаила сынови его Дмитрію» [3]. Такимъ образомъ съ XV вѣка, а можетъ

---

1 Опис. рукоп. Рум. Муз. № II, стр. 4.

2 Хотя и язычество, какъ мы видѣли, иногда допускало совершеніе постриговъ на 7-мъ году.

3 Лаврент. стр. 209.

быть и ранѣе, разсматриваемый обрядъ стали совершать на 7-мъ году лица, владѣвшія большими средствами для образованія своихъ дѣтей, между тѣмъ какъ у простаго народа, у котораго вообще крѣпче держатся преданія и который не находилъ повода измѣнять время совершенія обряда, послѣдній доселѣ во многихъ мѣстахъ совершается по третьему или по четвертому году [1]. Послѣ сказаннаго мы не затрудняемся сдѣлать заключеніе, что обученіе грамотѣ въ древней Руси, въ большей части случаевъ, *начиналось съ седьмаго года*, что наши предки въ этомъ отношеніи, вѣроятно, поступали на основаніи тѣхъ-же соображеній о тѣлесномъ и духовномъ развитіи ребенка, какими руководствовались древнѣйшіе и руководствуются современные педагоги [2].

Наконецъ, не лишнимъ почитаемъ вопросъ: не сопровождалось-ли начало обученія какимъ-либо церковнымъ обрядомъ, посредствомъ котораго родители ребенка испрашивали-бы у Бога успѣховъ въ ученіи? Извѣстно, что доселѣ существуетъ обыкновеніе—предъ началомъ обученія служить молебенъ св. Космѣ и Даміану, лучшимъ, по понятію народа, помощникамъ въ этомъ дѣлѣ; послѣ молебна немедленно проучиваютъ нѣсколько буквъ азбуки. Можно-бы было полагать, соображая самый характеръ первоначальнаго обученія, что этотъ обычай также ведетъ свое начало отъ отдаленной древности, но мы не нашли указанія на него въ историческихъ памятникахъ. Впрочемъ его существова-

---

[1] Здѣсь, кажется, должно отличать постриги, совершаемые надъ младенцемъ, при первомъ появленіи у него волосъ. Указаній на такіе постриги очень много. Къ нимъ должно отнести и тѣ, о которыхъ извѣстія собралъ г. Забѣлинъ въ одной изъ своихъ статей, печатаемыхъ въ настоящее время: «домашній бытъ Русскихъ Царей». (Отеч. Зап. 1854 года. Іюнь. стр. 53—54.).

[2] Cramer. Gesch. d. Erz. und d. Unterrichts. Erbelfeld. 1832. II, p. 313 и 457. Schwarz. Darstellungen aus dem Gebiete der Pädagogik. Leipzig. 1833. p. 239. Gräfe. Allgem. Pädag. Leipzig. 1845. p. 89. Graser. Divinität. Bayreuth. 1830. p. 179. Curtman. Lehrbuch d. Erz. und d. Unterrichts. Heidelberg. 1846. I, 90

піе въ древности становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ уже потому, что у Грековъ св. Косма и Даміанъ также почитались помощниками въ обученіи, и есть свидѣтельство, что для испрошенія этой помощи приходили именно въ храмъ этихъ святыхъ. Въ сочиненіи Дюканжа: «Constantinopolis christiana» [1] помѣщены слѣдующіе стихи, написанные Іоанномъ Епископомъ Евхаитскимъ ко храму Космы и Даміана:

Κὰθ' ἣν ὁμοῦ σύνεισιν οἱ γεγραμμένοι
Ἀνάργυρος μεν ὁ τρόπος τοῖς συγγόνοις.
Τέχνῃ δ' ἰατροὶ, θαυματουργοὶ τε πλέον.
Ἣν οὖν θέλεις, ἄμισθον ἐξαιτοῦ χάριν,
Θεῖα γὰρ ἐγγὶς, εὐτυχὴς δὲ καὶ τέχνη [1].

Если понятіе о такой спеціальной помощи родилось у Грековъ, то оно должно было перейти и къ намъ, тѣмъ болѣе, что это понятіе доселѣ живетъ въ народѣ.

---

[1] Lib. III, p. 122.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О ПРЕДМЕТАХЪ ОБУЧЕНІЯ.

Если были училища для первоначальнаго обученія, то, очевидно, были и предметы послѣдняго. Составъ ихъ вполнѣ опредѣляется и домашними извѣстіями, и соображеніями о Византійскихъ и западныхъ школахъ. Впрочемъ, въ первыхъ, относящихся къ древнѣйшему времени, мы находимъ большею частію общія выраженія: «грамотѣ учиться, книгамъ учитися, учиться книжному писанію, отдавать на ученье книжное, отдавать учити книжному писанію, азбукамъ и всякому написанному святыхъ книгъ слову» и другія подобныя. Въ такомъ-же смыслѣ лѣтописцы обыкновенно выражаютъ и книжную образованность людей взрослыхъ: «бѣ любя словеса книжная [1]; мужъ хытръ книгамъ и ученью [2]; въ словесехъ книжныхъ веселуяся [3]; кто книгы разумно умѣеть [4]; учителенъ и хытръ ученью божественныхъ книгъ [5]; книжникъ и

[1] Лаврент. 54.
[2] Тамъ-же. стр. 89.
[3] Тамъ-же. стр. 91.
[4] Тамъ-же. стр. 189.
[5] Тамъ-же. стр. 190.

философъ [1]; исполненъ книжнаго ученья» [2]; и мн. др. Какіе же предметы заключали въ себѣ эта грамота, это книжное ученье, книжное писаніе?—Никто, конечно, не потребуетъ доказательствъ въ пользу той мысли, что подъ грамотой прежде всего должно разумѣть *чтеніе и письмо*, что впрочемъ ясно видно и изъ приведенныхъ выше лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Такъ еще блаженный Борисъ «взимаше книгъ и *чтяше, бяше бо и грамоть наоученъ*»; такъ св. Евфросинія, Княжна Полоцкая, научившись

---

[1] Должно сказать, что слово *философъ*, въ средніе вѣка, въ Европѣ, означало монаховъ вообще и ученыхъ монаховъ, преподававшихъ въ школахъ какія-либо науки и между ними философію въ особенности. См. Введ. въ ист. Христ. Макарія, стр. 337. примѣч. 657. Въ древней Руси слово *философъ* имѣло значеніе вообще человѣка образованнаго, свѣдущаго въ книгахъ, даже иногда спеціально—въ божественныхъ книгахъ. Первое значеніе понятно изъ приведеннаго выраженія и многихъ подобныхъ, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ. Такъ о Владимірѣ Васильковичѣ читаемъ: «Володимеръ-же *бѣ разумья притчь и темно слово*, и повѣстивъ со епископомъ много отъ книгъ, *зане бысть книжникъ великъ и философъ*, акого же не бысть во всей земли и ни по немъ не будеть» (Ипат. стр. 218). Для втораго же значенія приведу только слѣд. характеристику Рюрика Ростиславича изъ Ипат. лѣтописи: «то бо бѣ его мудролюбья начинанія отъ страха Господня, воздержаніе яко нѣкое основаніе полагаше, по Іосифу же цѣломудріе и Моисѣеву добродѣтель, Давыдову же кротость и Костянтина правовѣрье, и прочая добродѣтели прикладая, въ соблюденіе заповѣди владычни: *ти тако философьствоваше*». Стр. 153. Въ томъ-же смыслѣ употреблялось это слово и въ западной Европѣ: «philosophia, *vita monastica;* philosophari, *monachum agere* (Luitprand. lib. 5. cap. 9: ad vicinam insulam, in qua coenobitarum multitudo *philosophabatur*, tonso ei, ut moris est, capite, ad philosophandum transmittunt»). См. Дюканжа Gloss. lat. III, 248. Это сходство въ значеніи слова — философъ у насъ и на западѣ весьма важно: оно показываетъ общеніе идей и то, какъ важно подобное слитіе для точнаго опредѣленія значенія многихъ выраженій въ памятникахъ нашей древней письменности. Такимъ образомъ наше: «ти тако философьствоваше» буквально соотвѣтствуетъ западному: «sic enim philosophabatur».

[2] Лаврент. стр. 185.

книжному писанію, нача книги писати своима рукама» [1] и проч. Обученіе чтенію и письму было, разумѣется, первою потребностію въ дѣлѣ домашняго и школьнаго начальнаго образованія. Но кромѣ этихъ предметовъ, составляющихъ основаніе всякого образованія, безъ сомнѣнія, было правильное и послѣдовательное обученіе *пѣнію* съ древнѣйшаго времени. Приведемъ здѣсь слѣд. два свидѣтельства лѣтописи: въ Софійской первой, подъ 1052 годомъ, читаемъ: «а въ Кіевъ пришли тріе пѣвци изъ Грекъ съ роды своими» [2]; въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1137 годомъ: «поставленъ бысть скопець Мануйло епископомъ Смоленеску, *пѣвець гораздый*, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ *третій* къ благолюбивому князу Мьстиславу» [3]. Классическое же мѣсто для опредѣленія предметовъ первоначальнаго обученія въ древне-Русскихъ училищахъ находится въ соборномъ дѣяніи 1551 года. Оно для другой цѣли уже было приведено выше; повторимъ его и здѣсь: «а преже сего, говорили отцы Собора, въ Россійскомъ царствѣ на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ градомъ многія училища бывали, грамотѣ *и писать и пѣть и читать* учили». Вотъ прямое и исторически достовѣрное свидѣтельство, показывающее, чему учили въ древне-Русскихъ училищахъ! Мы не имѣемъ права и было-бы безразсудно не довѣрять ему: избранные, лучшіе члены Русскаго духовенства XVI вѣка, безъ сомнѣнія, хорошо знакомые съ исторіею своего отечества, собравшіеся, по

---

[1] Степен. кн. стр. 270.

[2] П. С. Р. Л. т. V, стр. 138. Авторъ Степен. кн. къ этому извѣстію присоединяетъ слѣдующее: «отъ нихъ же начатъ быти въ Рустѣи земли ангелоподобное пѣніе, изрядное осмогласіе, наипаче-же и трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе». Стр. 224. Татищевъ такъ передаетъ это извѣстіе: «сего-жъ года пришелъ М. Георгій изъ Царяграда и съ нимъ три человѣка съ роды своими, Демественники, и учаху въ Руси пѣти на 8 голосовъ, отличаша церковное отъ мірскихъ пѣсенъ, употребляемыхъ ко увеселенію». II, 114.

[3] Ипат. лѣт. стр. 14.

волѣ Царя, между прочимъ, и для обсужденія мѣръ къ возстановленію упавшаго школьнаго образованія, положительно и единогласно утверждаютъ существованіе училищъ въ многихъ городахъ и перечисляютъ самые предметы обученія, и притомъ утверждаютъ съ совершенною увѣренностію въ несомнѣнности своихъ словъ, какъ обстоятельство, всѣмъ и каждому извѣстное и въ которомъ никто, никогда и не думалъ сомнѣваться. Послѣ этого свидѣтельства всякое другое мы почитаемъ излишнимъ и съ своей стороны положительно утверждаемъ, что предметы первоначальнаго обученія въ древне-Русскихъ училищахъ составляли: *чтеніе, письмо и пѣніе.* —И нѣтъ сомнѣнія, что тѣмъ-же предметамъ обучали и въ школахъ другихъ Славянскихъ земель, въ которыхъ была введена православная вѣра, что въ нихъ обучали той-же *Кирилловской грамотѣ,* какъ выражается Мацѣевскій [1]; нѣтъ сомнѣнія тѣмъ болѣе, что тѣ-же предметы: чтеніе, письмо и пѣніе, со включеніемъ счисленія, составляли обученіе во всѣхъ извѣстныхъ тогда элементарныхъ школахъ и въ Европѣ. Въ послѣднихъ, существовавшихъ въ средніе вѣка при монастыряхъ и другихъ церквахъ, обучали: чтенію, письму, пѣнію, счисленію и иногда даже грамматикѣ [2]. Тоже самое должно замѣтить и о школахъ, учрежденныхъ Карломъ Великимъ. Вотъ его извѣстное распоряженіе: «scholæ legentium puerorum fiant; *psalmos, notas, cantus, computum, grammaticam* per singula monasteria vel episcopia discant» [3]. Карломъ Великимъ устроены были еще особыя

---

[1] Очеркъ ист. письмен. Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846. № 2. стр. 69

[2] Die gewöhnliche Meinung, говоритъ Нимейеръ, dass in diesen niederen Schulen das Trivium, also die Grammatik, Rhetorik und Dialektik vorgetragen sei, ist als ganz unhistorisch zu verwerfen». Gesch. d. Erz. III, 484. Только въ немногихъ школахъ этого рода объясняли Св. Писаніе, а еще рѣже читали классиковъ.

[3] Епископомъ Орлеанскимъ Теодульфомъ предписано было обучать дѣтей съ величайшею кротостію (cum summa caritate), какъ то предписывалъ и М. Михаилъ, при первоначальномъ учрежденіи Русскихъ училищъ, и не брать за то отъ родителей никакой платы, кромѣ добровольныхъ приноше-

училища, назначенныя исключительно для пѣнія и церковной музыки, и прежде всего въ Мецѣ и Суассонѣ. Въ возникшихъ въ послѣдствіи школахъ Францискапскаго и Доминиканскаго орденовъ были слѣдующіе предметы: кромѣ чтенія, письма и пѣнія, заучивали Молитву Господню, Символъ вѣры, нѣсколько молитвъ, церковныхъ пѣспей и псалмовъ; сюда-же входилъ и Латинскій языкъ. Городскія школы были устроены по образцу монастырскихъ, а потому не отличались отъ послѣднихъ относительно предметовъ обученія. Отсюда видно, что во всѣхъ показанныхъ школахъ полный составъ предметовъ состоялъ изъ чтенія, письма, пѣнія, счисленія, иногда грамматики и Латинскаго языка; съ необходимостію же, вездѣ и постоянно въ элементарныхъ школахъ обучали первымъ четыремъ предметамъ. Сравнивая отечественныя древнія училища съ иностранными въ разсматриваемомъ отношеніи, мы находимъ, что въ нихъ не было только счисленія, что, какъ полагаемъ, должно понимать относительно. Весьма вѣроятно, что счисленіе, въ смыслѣ ариѳметики, не было введено въ наши школы, какъ его не было и въ Европейскихъ школахъ того-же времени и того-же рода, потому что ариѳметика, какъ составная часть septem artium liberalium, была предметомъ обученія въ высшихъ школахъ; но оно могло входить какъ простое счисленіе въ собственномъ смыслѣ, какъ умѣнье вести правильно счетъ, предполагавшее знаніе нумераціи съ ея практическимъ примѣненіемъ. Такое-же низшее и практическое значеніе имѣла, безъ-

---

ній: «cum ergo eos docent, nihil ab eis pretii pro hac re exigant, nec aliquid ab eis accipiant, excepto quod eis parentes caritatis studio sua voluntate obtulerint» (Niem. p. 490). Замѣтимъ, что эти школы были открыты дѣтямъ Христіанскихъ родителей, такъ что Теодульфъ прямо и вообще предписываетъ: «si quis fidelium suos parvulos ad discendas litteras eis (presbyteris) commendare vult, eos suscipere et docere non renuant» etc (ibd.). Видно также, что родители не охотно отдавали своихъ дѣтей въ школы, такъ что нужны были понудительныя мѣры: вѣроятно, и тамъ *матере чадъ сихъ плакахуся по нихъ аки по мертвеци.*

сомнѣнія, и грамматика, какъ предметъ обученія въ элементарныхъ школахъ Европейскихъ; къ ней могли относиться самыя необходимыя грамматическія опредѣленія, а прежде всего усвоеніе современнаго правописанія, правильнаго употребленія буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ: такія грамматическія свѣдѣнія могли входить въ составъ предметовъ обученія и въ древне-Русскихъ училищахъ. Мы разсмотримъ предметы обученія въ нашихъ древнихъ училищахъ, прежде всего и главнымъ образомъ тѣ, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано отечественными памятниками и слѣдовательно не подлежитъ никакому сомнѣнію, то есть: *чтеніе, письмо и пѣніе,* а потомъ, въ краткомъ очеркѣ, укажемъ и на остальные предметы, то есть на *счисленіе и грамматику.* Что касается до Латинскаго языка, то понятно всякому, почему онъ долженъ былъ составлять важный предметъ обученія въ западныхъ школахъ и могъ проникнуть даже въ элементарныя. Припомнимъ, что и въ Польскихъ школахъ, устроенныхъ подъ западно-Римскимъ вліяніемъ, Латинскій языкъ изучался съ особенною, предпочтительною тщательностію. У насъ не было поводовъ къ такому предпочтенію, а потому объ изученіи Латинскаго языка не заботились въ нашихъ училищахъ, въ которыя скорѣе и легче могъ проникнуть Греческій языкъ.

1) ОБУЧЕНІЕ ЧТЕНІЮ.

Древніе историческіе памятники крайне скудны извѣстіями, необходимыми для опредѣленія процесса обученія чтенію; прямыхъ указаній почти нѣтъ, а потому должно обращаться къ посредствующимъ соображеніямъ, чтобы хотя сколько-нибудь уяснить предметъ. Въ настоящемъ случаѣ мало поможетъ и сравненіе нашихъ школъ съ иностранными, потому что и о нихъ свѣдѣнія также весьма скудны: иноземные памятники болѣе сообщаютъ извѣстій о высшемъ образованіи, конечно, потому, что важность ихъ была очевиднѣе и болѣе обращала на себя вниманія лѣтописцевъ; цѣня высоко свою обязанность слѣдить за ходомъ по-

литическихъ и церковныхъ событій, лѣтописцы не могли низойти до описанія современнаго имъ первоначальнаго обученія вообще и обученія чтенію въ особенности. Болѣе можно-бы было ожидать отъ постановленій касательно устройства школъ, но и они ограничиваются только опредѣленіемъ рода школъ, ихъ мѣста и другихъ, болѣе внѣшнихъ, условій, вовсе не входя въ подробности о самыхъ способахъ обученія. Какъ ни скудны однако извѣстія о нашемъ предметѣ въ разсматриваемомъ періодѣ, мы постараемся, сколько позволяютъ средства, указать на нѣкоторыя черты обученія чтенію. При этомъ важное пособіе представляетъ современный общеупотребительный, простонародный способъ, какъ наслѣдіе отдаленной старины, — и мы думаемъ, что, если нѣкоторыя черты обученія чтенію, извлеченныя посредствомъ соображеній изъ древнихъ памятниковъ, допускаютъ съ нимъ сравненіе, можно смѣло утверждать справедливость самыхъ соображеній.

Вѣроятно, наши предки, избравши благопріятный день, отправлялись съ своими дѣтьми въ церковь, служили молебенъ св. Космѣ и Даміану, или даже Святому дня, и потомъ сажали ихъ за столъ, на которомъ лежала азбука. Вотъ какъ начали учить грамотѣ Петра Великаго: въ назначенный день пришли къ Натальѣ Кириловнѣ Государь, Патріархъ и Зотовъ; Патріархъ «*створи обычное моленіе,* окропи блажепнаго отроча святою водою и, благословивъ, вручи Зотову; Зотовъ, принявъ Государя Царевича, посади на мѣсто, сотвори Государю Царевичу земное поклоненіе, нача ученіе» [1]. Такъ начиналось ученіе въ XVII вѣкѣ; такъ начинается оно нынѣ вездѣ, гдѣ старина не успѣла еще потерять свое значеніе; такъ, или почти такъ, начиналось оно и въ древнѣйшее, разсматриваемое нами, время. — До насъ не дошло никакихъ извѣстій о составѣ древнѣйшей азбуки; а что она была, въ этомъ странно было-бы сомнѣваться, когда мы знаемъ положительно, что еще за долго до нашихъ училищъ азбука была

[1] Изъ рукоп., принадлежащей Кн. М. А. Оболенскому. См. Москвит. 1845. III, 84—95.

въ употребленіи вездѣ, гдѣ только была въ употребленіи грамотность. Ученики западныхъ элементарныхъ школъ часто назывались даже *abecedarii*, по названію азбуки (abecedarium): «abecedarius, говоритъ Дюканжъ, qui prima literarum elementa docetur, puer literis elementariis et calculo imbutus» [1]. Древнѣйшія, дошедшія до насъ, азбуки принадлежатъ уже къ позднѣйшему времени [2]. Доказательствомъ же, что Славянская азбука, изобрѣтенная Кирилломи Меѳодіемъ, была у насъ въ употребленіи съ перваго появленія Христіанства въ Россіи, можетъ служить свидѣтельство одного безъименнаго писателя, заключающееся въ отрывкѣ, найденномъ Бандури. Перечисливъ 35 Славянскихъ буквъ, авторъ говоритъ: «*ταῦτα μεν εἰσὶ τὰ λέ γράμματα τῶν Ῥωσῶν ἅπερ καὶ ἕως τοῦ νῦν μανθάνουσι παντες καὶ καλῶς τὴν εὐσέβειαν γινώσκουσι*» [3]. Эти Кирилловскія буквы сообщались сначала, конечно, отдѣльно, а потомъ соеди-

---

[1] Gloss. lat. I, 19.

[2] Вотъ нѣсколько свѣдѣній о сохранившейся азбукѣ, написанной для Петра Великаго. Послѣ силлабическихъ стиховъ нравоучительнаго содержанія: «азбука — начало добру учитися и не лѣнитися» и т. д., слѣдуютъ буквы, одна за другою, мѣрою каждая въ нѣсколько вершковъ въ вышину, иллюминованныя; при нихъ тексты изъ Св. Писанія большимъ уставомъ: «А-съ цвѣтъ польный и кринъ удольный» и проч.; за этими буквами слѣдуютъ другія, также размѣщенныя, но писанныя скорописью разнаго шрифта, съ витіеватыми текстами. Москвит. 1845. г. III, стр. 84—95.

[3] См. примѣч. къ Боннскому изд. сочиненія Константина — de administr. imp. стр. 362—363. «Охотно соглашаемся, говоритъ Прсосв. Макарій, что въ этомъ отрывкѣ, можетъ быть составленномъ преимущественно на основаніи устныхъ преданій, многія подробности дѣла и самыя имена миссіонеровъ какъ-нибудь искажены: но важна для насъ собственно основная мысль, здѣсь выраженная, мысль о введеніи къ намъ, при самомъ началѣ у насъ Христіанства, *Славянской азбуки*, а чрезъ нее и Слав. богослуженія. Естественность и, можемъ сказать болѣе, необходимость сего вытекаетъ изъ тогдашнихъ обстоятельствъ: въ Болгаріи и Моравіи уже около четырехъ лѣтъ пѣли Богослуженіе по Славянски, и существовали школы для приготовленія изъ природныхъ Славянъ пастырей Церкви». Введ. въ ист. Христ. стр. 288—289.

нялись въ слоги; такъ по крайней мѣрѣ было въ иностранныхъ школахъ того-же времени; припомнимъ, что въ западныхъ школахъ ученики раздѣлялись на отдѣленія для легчайшаго обученія и, смотря по отдѣленію, имѣли особыя названія: abecedarii, обучавшіеся отдѣльнымъ буквамъ, syllabarii, совокуплявшіе ихъ въ слоги, nominarii, обучавшіеся названіямъ предметовъ и т. д. На средневѣковомъ Латинскомъ языкѣ было даже слово—*syllabizare*, что, по объясненію Дюканжа, означало: «elementa sigillatim appellare, quomodo faciunt, qui primas literas ediscant, nostris *epeller* [1]. Есть основаніе думать, что въ западныхъ школахъ въ обученіи чтенію принимали участіе ученики слѣдующаго высшаго класса, сами еще занимавшіеся чтеніемъ псалтиря; обученіе ихъ, кажется, состояло въ томъ, что они предъ учениками низшаго класса произносили буквы и слоги, что означало *dictare* [2].—Научившись этимъ способомъ чтенію, ребенокъ немедленно получалъ книгу религіозно-нравственнаго содержанія, надъ которою и производилось дальнѣйшее его упражненіе и совершенствованіе. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что такою книгою съ древнѣйшаго времени былъ *псалтирь*, какъ онъ остается ею доселѣ въ простонародномъ обученіи, что одно уже служитъ важнымъ ручательствомъ справедливости нашего мнѣнія. Псалтирь, даже съ толкованіемъ, былъ у насъ въ переводѣ въ самое отдаленное время: пергаменные списки его сохранились отъ XI и XII вѣковъ [3]; псалтирь былъ любимою книгою Князей и народа, сопровождавшею ихъ повсюду, къ которой они обращались особенно въ минуты горести и грусти, на что наши лѣтописи представляютъ множество доказательствъ. Вспомнимъ св. Бориса, который, будучи окруженъ убійцами, «вставъ, нача пѣти, глаголя: Господи! что ся умножиша

---

1 Дюканжа. Gloss. lat. III, 492.

2 См. тамъ-же, подъ словомъ *dictare*.

3 См. Опис. рукоп. Рум. Муз. стр. 469. Іоан. Екз. Болг. стр. 97. Кириллъ и Меѳодій Слав. Просвѣт. Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846. № 2. стр. 24—25, примѣч. 46.

стужающіи мнѣ» и т. д. [1]; вспомнимъ и Владиміра Мономаха, который, будучи на пути, отказавшись участвовать въ войнѣ противъ Ростиславича, «*вземъ псалтырю въ печали*, раскрылъ его и успокоилъ свое возмущенное сердце его чтеніемъ [2] и т. д. Иноки даже знали наизустъ весь псалтирь; такъ о св. Спиридонѣ читаемъ: «и изучи весь псалтирь наустъ» [3]. Много можно привести подобныхъ примѣровъ, хотя мы имѣемъ очень мало такихъ, которые бы прямо подтверждали предположеніе, что первоначальное обученіе чтенію совершалось именно по псалтирю. Приведемъ здѣсь одно свидѣтельство конца XV вѣка изъ извѣстнаго уже намъ Геннадіева посланія къ Митрополиту Симону. Въ немъ прямо сказано, что прежде всего должно обучать *азбукѣ*, потомъ *подтительнымъ словамъ*, помѣщаемымъ также обыкновенно въ азбукѣ (что можно видѣть и въ нынѣшнихъ простонародныхъ азбукахъ), и въ слѣдъ за тѣмъ *псалтирю*, по которому, очевидно, и происходило первоначальное упражненіе въ чтеніи: «а мой совѣтъ о томъ, что учити въ училищѣ, *первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительные слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ на крѣпко;* и коли то изучятъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги. . . Толкожъ Государь укажетъ псалтырю съ слѣдованіемъ изучити да и все, что выше писано, да что отъ того укажетъ имати, ино учащимся легко, а сякъ не смѣютъ огурятися» [4]. Съ другой стороны положительно извѣстно, что псалтирь именно для этой цѣли употреблялся въ школахъ Византійскихъ и западныхъ. Припомнимъ здѣсь приведенное выше перечисленіе предметовъ первоначальнаго обученія въ постановленіи Карла Великаго: «*psalmos,* notas, cantum, computum, grammaticam»: здѣсь выраженіе—psalmos, очевидно, означаетъ *чтеніе*, и именно *чтеніе по псалтирю.* Употребленіе этого слова въ такомъ смыслѣ

---

[1] Лаврент. стр. 57.

[2] Тамъ-же. стр. 100.

[3] Патер. печат. стр. 166.

[4] Акт. Историч. т. I, стр. 148.

въ правительственномъ постановленіи, дѣйствіе котораго должно было распространиться на все обширное государство Карла Великаго, есть уже несомнѣнное доказательство того, что псалтирь въ IX вѣкѣ исключительно назначался и былъ въ повсемѣстномъ и общемъ употребленіи при обученіи чтенію: если средство употреблено вмѣсто цѣли, то ясно, что это средство есть исключительное для достиженія цѣли. Такъ было и въ послѣдствіи; кто умѣлъ читать, на Западѣ назывался не иначе какъ *psalteratus:* «psalteratus, говоритъ Дюканжъ, literatus, qui *scit legere, psalterium scilicet*» [1]. Приведемъ здѣсь одно свидѣтельство, извлеченное Дюканжемъ изъ Житія Теобальда: «monere coepit. . . ut inter pauperes Christi sibi clericum quæreret, qui eum literas doceret. . . quod collega festinare studuit, et magistrum, qui *septem psalmos,* quos pœnitentiales sancta vocat simplicitas, doceret exhibuit. Omnibus plane brevi tempore edoctis, *psalterio indiguit*» [2]. То-же самое было и въ Византійскихъ школахъ. Въ какомъ преимущественномъ уваженіи находился псалтирь, видно изъ того, что духовныя лица, особенно монахи, почитали обязанностію знать его на память [3]; не знающаго не посвящали даже въ Епископы, какъ на западѣ, такъ и въ Византіи [4]. Св. Іеронимъ, въ одномъ письмѣ къ желавшему постричься въ монахи, пишетъ: «nunquam de manu tua et oculis tuis recedat liber, *discatur psalterium ad verbum*» [5] etc. Замѣчательно, что, такъ-же какъ и у насъ, псалтирь былъ необходимою книгою и во время путешествій [6]. Думаемъ, что сказанное

---

1 См. Дюканжа Gloss. lat., подъ словомъ *psalteratus.*

2 Тамъ-же. III, 525.

3 Clerici ac monachi, говоритъ Дюканжъ, tenebantur totum psalterium memoriter tenere. См. подъ сл. *psalterium.*

4 Гдѣ также *ψαλτήριον οὐ γινώσκων* не могъ быть Епископомъ.

5 Тамъ-же, подъ словомъ *psalterium.*

6 Si vero in viam longiorem dirigatur, codiculum modicum aliquibus lectionibus de monasterio secum portet: ut quavis hora in via repausaverit aliquantulum tamen legat, ita tamen si fuerit psalteratus; si vero non fuerit, tabulas a Majore superpositas *psalmis* secum portet. Тамъ-же. III, 525.

нами достаточно удостовѣряетъ въ справедливости мысли, что псалтирь былъ преимущественнымъ, если не исключительнымъ, руководствомъ при обученіи чтенію въ древне-Русскихъ училищахъ.—Равнымъ образомъ не дошло до насъ извѣстій о подробностяхъ касательно самаго способа обученія чтенію. Есть однако нѣкоторый поводъ думать, что было въ употребленіи *совокупное чтеніе*, извѣстное еще древнимъ. Въ этомъ предположеніи утверждаютъ насъ, во-первыхъ, господство совокупнаго чтенія въ современномъ простонародномъ обученіи, во-вторыхъ, намеки, что оно существовало въ западныхъ элементарныхъ школахъ того-же времени. На послѣднее указываетъ, кажется, слѣд. мѣсто, приведенное Дюканжемъ, подъ словомъ *psalterium:* «psalterio puerorum acclamante: justi hæreditabunt terram... et iterum eodem subsequuntur lectitantes et divitibus hujus mundi significantes: nolite sperare in iniquitate» [1] etc. Должно также замѣтить, что въ средніе вѣка, и у насъ и на западѣ, псалмы обыкновенно пѣли или читали на распѣвъ. Такъ св. Борисъ, *вставъ, нача пѣти* псаломъ; такъ о св. Ѳеодосіи читаемъ: «инокъ, именемъ Иларіонъ, иже по вся дни и нощи писаше книги въ келліи преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа, *оному же псалтирь поющу усты тихо*, руками же прядущу волну, или ино что дѣлающу» [2]; такъ св. Спиридонъ «труждашеся о спасеніи души своея крѣпко, безпрестанно *псалтирь пая*, и весь на кійждо день скончавая» [3]. Такъ до сихъ поръ читаютъ на распѣвъ псалтирь дѣти, обучающіеся у священниковъ и у причетниковъ. На западѣ, при Карлѣ Великомъ, были устроены особыя школы, подъ названіемъ: scholæ lectorum. Значеніе ихъ видно изъ слѣд. словъ въ письмѣ одного Архіепископа къ Карлу Великому: «habeo *scholas lectorum*, non solum qui officiorum lectionibus exercentur, sed etiam in divinorum librorum meditatione spiritalis intelligentiæ fructus consequantur» [4].

[1] Тамъ-же.

[2] Патер. печат. стр. 47.

[3] Тамъ-же. стр. 166.

[4] Дюканжа Gloss. lat. II, 54.

2) ОБУЧЕНІЕ ПИСЬМУ.

Непосредственныхъ указаній на способъ обученія письму въ разсматриваемый періодъ въ нашихъ памятникахъ сохранилось весьма мало, потому что послѣдніе и въ этомъ случаѣ довольствуются общими выраженіями въ родѣ упомянутыхъ нами выше. Въ Житіи Петра Митрополита находится намекъ на способъ обученія письму, выраженный въ словахъ: «елика написоваше ему учитель его, малѣмъ проученіемъ изучеваше»; на значеніе его мы уже имѣли случай указать. Извѣстно также, что съ древнѣйшаго времени въ письмѣ обращали вниманіе на то, чтобы писали прямо, красиво и правильно. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ приписки въ древнѣйшихъ памятникахъ и послѣсловія. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Между разными приписками на поляхъ драгоцѣнной рукописи, заключающей въ себѣ слова Григорія Богослова (XI в.), находится и слѣдующая, на оборотѣ 101 листа, подъ страницею, написанная отличнымъ отъ текста, однако современнымъ послѣднему почеркомъ XI вѣка: «*чьгле криваѣ главо пиши право*» [1]. Этими словами, вѣроятно, товарищъ, а можетъ быть и начальникъ писца [2], хотѣлъ напомнить послѣднему о его обязанности *писать прямо* [3]. Не былъ-ли написавшій эти слова особымъ должностнымъ лицемъ, надзиравшимъ за писцами; не былъ–ли онъ тѣмъ, кто въ западныхъ монастыряхъ обыкновенно назывался armarius? Весьма вѣроятно. Извѣстно, что въ западныхъ монастыряхъ, внутри стѣнъ монастырскихъ, находилось особое зданіе, называвшееся

---

[1] Библіографич. листы П. Кеппена. 1825 года. № II.

[2] Приписка сдѣлана тщательнымъ и ровнымъ уставомъ.

[3] Эта приписка важна, кромѣ того, какъ по имени писца (*чьгль*— щеголь, fringilla carduelis), такъ и потому, что заключаетъ въ себѣ рѣчь. «Можетъ быть, говоритъ Востоковъ, слова сіи въ старину и удареніями сходствовали». Такимъ образомъ рѣчь, по всей вѣроятности, была у насъ въ употребленіи еще въ XI вѣкѣ. См. тамъ-же.

scriptorium, въ которомъ помѣщались писцы, занимавшіеся списываніемъ рукописей. Обязанность эта возлагалась на нихъ аббатомъ, а обязанность надзирать за ними и управлять ихъ работою возлагалась тѣмъ-же аббатомъ на особое лице, обыкновенно называвшееся armarius: «omnibus iis armarius providere debet, quid scribant, et quæ ad scribendum necessaria sunt præbere, nec quisquam eorum aliud scribere, quam ille præceperit» etc [1]. Настоятели монастырей даже хвалились обиліемъ искусныхъ писцовъ въ своихъ монастыряхъ [2]. Самыя зданія, по своему помѣщенію и устройству, приспособлены были къ занятіямъ писцовъ, чтобы они «sine perturbatione et strepitu operi suo quietius intendere possint» [3]. Такъ было и въ монастыряхъ Греческихъ. Припомнимъ только монаховъ Аѳонской горы, откуда мы получали драгоцѣнныя рукописи и гдѣ трудилось надъ списываніемъ книгъ много нашихъ иноковъ; припомнимъ и другіе монастыри, напр. Студійскій, откуда, по словамъ Стефана Новгородца, *посылали въ Русь много книгъ: уставъ, тріоди и иныя книги,* [4] и гдѣ самъ Стефанъ, путешествовавшій въ половинѣ XIV вѣка, нашелъ своихъ земляковъ, Новгородцевъ, Ивана и Добрилу, которые жили въ монастырѣ «списаючи отъ книгъ Св. Писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію» [5]. Такъ, безъ сомнѣнія, было и въ нашихъ монастыряхъ, и настоятели, а еще болѣе Епископы и Митрополиты старались распространять эту полезную дѣятельность; довольно того, что наибольшая часть нашихъ лѣтописей вышла изъ стѣнъ монастырскихъ. Намъ извѣстно, что еще въ XI вѣкѣ, въ

---

[1] Дюканжа Gloss. lat. III, 141.

[2] Herimannus de restaurat. S. Martini Tornacensis: scriptorum quoque copiam a Domino sibi datum exultabant, ita, ut si claustrum ingrederis, videres plerumque 15 monachos juvenes in cathedris sedentes, et super tabulas diligenter et artificiose et cum silentio scribentes. Тамъ-же.

[3] Тамъ-же.

[4] Сказан. Русск. народа. II, стр. 53.

[5] Тамъ-же. стр. 54.

келліи препод. Ѳеодосія, иноки занимались списываніемъ и сшиваніемъ книгъ. Вотъ прекрасная картина XI вѣка въ кельѣ игумена Русскаго монастыря: инокъ Иларіонъ [1] занимается списываніемъ книгъ, инокъ Никонъ сшиваетъ книги, а самъ игуменъ Ѳеодосій прядетъ вервіе и въ то-же время поетъ псалтирь *усты тихо!* [2] Замѣтимъ, что въ Патерикѣ упоминается только о занятіяхъ иноковъ, прославившихся своею святою жизнію и въ послѣдствіи причтенныхъ Церковію къ лику святыхъ; а были, конечно, и другіе иноки въ кельѣ Ѳеодосія, такъ-же какъ Иларіонъ и Никонъ, занимавшіеся списываніемъ и сшиваніемъ книгъ; до нихъ только не доходила рѣчь. Не представляетъ-ли келья игумена въ XI в. то-же, что scriptorium въ западныхъ монастыряхъ? Самъ игуменъ, можетъ быть, исполнялъ обязанность и armarii. Все это такъ естественно, что сомнѣніе казалось-бы неумѣстнымъ. Въ послѣдствіи, при лучшемъ устройствѣ монастырей, для этой цѣли могло быть отдѣлено особое зданіе въ стѣнахъ монастырскихъ, и вообще эта отрасль занятій, которую такъ высоко цѣнили наши предки, могла быть болѣе усовершенствована. Дѣйствительно, можно и должно допустить и у насъ такое усовершенствованіе, особенно если сообразить, что наши монастыри во всѣхъ частяхъ своего внутренняго устройства представляли второобразъ Греческихъ; можно и должно допустить, что и у насъ были въ монастыряхъ особыя помѣщенія для писцовъ, что были назначены особыя лица для надзора за ихъ занятіями, что и у насъ былъ свой armarius, который и могъ приведенными выше словами напомнить писцу, списывавшему слова Григорія Богослова, о его обязанности. Такой порядокъ въ списываніи книгъ, если онъ дѣйствительно существовалъ въ Русскихъ монастыряхъ, для насъ весьма важенъ: каждое собраніе такихъ писцовъ представляло бы какъ–бы особую школу, находившуюся подъ общимъ надзоромъ,

---

[1] Иже *по вся дни и нощи* писаше книги въ келліи преподобнаго отца нашего Ѳеодосія. Патер. печат. стр. 47.

[2] Тамъ-же. стр. 41.

направляемую и руководимую одними общими и опредѣленными правилами. Я не говорю уже о томъ, что этимъ порядкомъ легко объяснить быстрое и въ обширныхъ размѣрахъ совершавшееся распространеніе памятниковъ письменности, особенно богослужебныхъ и другихъ книгъ религіознаго содержанія: помощь сосѣднихъ Славянскихъ земель въ этомъ отношеніи едва-ли вполнѣ удовлетворительно можетъ объяснить упомянутое распространеніе. Нельзя не замѣтить также и того явленія, что наши древніе памятники, относительно правописанія, могутъ быть раздѣлены на категоріи, на группы; писцы каждой изъ этихъ группъ, даже въ одно и то-же время, руководствовались своими особыми правилами, хотя нельзя отрицать въ нихъ присутствія и общихъ правилъ [1]. Упомянутый порядокъ легко объяснитъ это явленіе: лица, руководившія этими школами писцовъ, могли усвоить различныя правила для современнаго имъ правописанія, особенно смотря по тому, подъ вліяніемъ какихъ и откуда заимствованныхъ рукописей они находились. Такое занятіе непзмѣнно продолжалось до конца разсматриваемаго періода, хотя и въ этомъ отношеніи иго Монгольское, ослабившее грамотность вообще, не осталось безъ вліянія. Такъ во второй половинѣ XV вѣка, въ Житіи св. Іосифа Волоцкаго, объ инокѣ Герасимѣ Черномъ говорится, что однимъ изъ главныхъ его занятій было списываніе книгъ; въ числѣ келейныхъ занятій самого Іосифа было и спи-

---

[1] Вотъ что говоритъ г. Билярскій о самостоятельности Русскихъ писцовъ въ правописаніи: «мы благодарны діакону Григорію за сохраненное имъ въ его спискѣ древнее правописаніе, но не отказываемъ въ уваженіи и трудамъ тѣхъ, которые разсудили за лучшее отбросить излишнія для Русскаго принадлежности правописанія и сблизить послѣднее съ Русскимъ выговоромъ.... Начало было сдѣлано такъ удачно, что въ XII. в. до самой эпохи книгопечатанія идетъ рядъ памятниковъ, въ которыхъ правописаніе, уступая тѣмъ или другимъ вліяніямъ въ частностяхъ, остается вѣрно своему главному характеру—стремленію къ особенной и постоянной формѣ». Судьбы Ц. языка. стр. 269—270.

сываніе книгъ [1]. Случалось также, что монахи, поступившіе въ монастырь неграмотными, учились грамотѣ—читать и писать въ самомъ монастырѣ; такъ въ Житіи св. Спиридона читаемъ: «не вѣдый же писанія, нача учитися книгамъ, аще и лѣты не младъ сый» [2]. Въ послѣсловіяхъ, какъ извѣстно, писцы постоянно извиняются предъ своими читателями во внѣшнихъ недостаткахъ письма: «аще гдѣ криво палѣзете, то исправивъше чьтѣте же а не кльнѣте [3]; аже вы гдѣ криво, а исправивъше чьтѣте же а не кльнѣте [4]; аще гдѣ буду изъгрубилъ, или у тузѣ, или въ печали, или въ бесѣдѣ коли съ другомъ, а вы Бога дѣля исправляюче чтѣте, зане грѣхъ клятн тружающагося Бога ради [5]; оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ [6]; аже боуду гдѣ Ѡблазняся криво написалъ, или строку преступилъ въ своеи грубости и въ молодѣ оумѣ» [7]. Хотя всѣ приведенныя и многія другія послѣсловія заключаютъ въ себѣ сходныя выраженія, тѣмъ не менѣе они доказываютъ, что всѣ писцы имѣли опредѣленныя понятія о достоинствахъ письма: пиша *криво*, переступая строку, допуская разнаго рода ошибки, или, по словамъ монаха Лаврентія, описки, переписки и недописки [8], они погрѣшали противъ этихъ достоинствъ [9]. По всему видно, что письмо составляло особое искусство, которое усвоялось съ большимъ трудомъ; видно,

---

1 Творен. св. Отцевъ. 1847. кн. 2. стр. 243 и 247.

2 Патер. печат. стр. 166.

3 Еванг. 1132 года. См. Іоаннъ Екз. Болг. стр. 110.

4 Евэнг. 1144 года. Тамъ-же.

5 Еванг. 1307 года. Тамъ-же.

6 Лаврент. стр. 209.

7 Апостолъ 1495 года. См. Опис. рукоп. Рум. Муз. № IX, стр. 12.

8 Первыя означаютъ, очевидно, ошибочное употребленіе одного слова, буквы, знака вмѣсто другихъ.

9 Въ XVI ст. погрѣшности противъ письма выражались нѣсколько точнѣе. Такъ въ послѣсловіи Евангелія (Опис. рукоп. Рум. Муз. № CXLIV. стр. 196) читаемъ: «аще гдѣ ся Ѡписалъ, *встроцѣ или вловъ или втитлѣ или вточцѣ*....Занеже ссмъ грубъ и невѣжа; писанія книжнаго добрѣ не научихся».

какого труда и какихъ пожертвованій стоила писцамъ переписка книгъ, особенно когда требовали отъ нихъ точности и тщательности; неудивительно, что многіе изъ нихъ не могли воздержаться, чтобы не высказать въ послѣсловіи своей радости при видѣ послѣдняго листа: одинъ сравниваетъ себя въ эту минуту съ женихомъ, радующимся о своей невѣстѣ, другой — съ зайцемъ, избывшимъ тенетъ и т. д. Какъ занятіе богоугодное само по себѣ и какъ трудъ, переписка книгъ духовнаго содержанія имѣла обыкновенно и богоугодную цѣль: книги переписывались «собѣ на сп҃сеніѥ и всѣмъ кр҃тиꙗномъ на утѣху», какъ выразился Георгій, сынъ попа Лотыша съ городища [1]; тотъ-же трудъ предпринимался часто и по обѣту. Съ той-же точки зрѣнія и съ такимъ-же уваженіемъ смотрѣли на переписку книгъ духовнаго содержанія и во всей Европѣ. «Hoc quodammodo opus immortale est, говоритъ одинъ Пріоръ Картезіанскаго монастыря, opus, si dicere licet, non transiens, sed manens: opus itaque, ut sic dicamus, et non opus: opus denique, quod inter omnia alia opera magis decet viros religiosos literatos» [2]; тамъ она почиталась какъ-бы проповѣданіемъ слова Божія: «quod ore non possumus, Dei verbum manibus praedicemus. Quot enim libros scribimus, tot nobis veritatis praecones facere videmur» [3]. Изъ сказаннаго доселѣ о письмѣ для насъ особенно важно, во первыхъ, вполнѣ основательное предположеніе о болѣе чѣмъ вѣроятномъ существованіи въ монастыряхъ особыхъ отдѣленій, школъ для писцовъ, во вторыхъ, что эта отрасль занятій почиталась душеспасительною и богоугодною, и слѣдовательно, при религіозномъ настроеніи нашихъ предковъ, была сильно распространена, въ третьихъ, что искусство писцовъ направлялось и руководствовалось опредѣленными правилами, условіями, изъ совокупности которыхъ слагался взглядъ на достоинства и недостатки письма. Взглядъ этотъ, хотя и въ об-

---

[1] Еванг. 1270 года. Іоаннъ Екз. Болг. стр. 32.

[2] Дюканжа Gloss. lat. III, 141.

[3] Тамъ-же.

щихъ выраженіяхъ, высказывался невольно въ послѣсловіяхъ. Изъ нихъ мы видѣли, что отъ писцовъ древняго времени требовалось, чтобы они писали прямо [1], правильно, то есть безъ ошибокъ (или безъ описокъ, переписокъ и недописокъ), и красиво. Если такія условія были непремѣнною потребностію для писцовъ взрослыхъ, занимавшихся списываніемъ книгъ въ монастыряхъ, или въ другихъ мѣстахъ, то они-же, очевидно, были потребностію и для дѣтей, обучавшихся письму въ училищахъ. Другими словами, при обученіи письму въ послѣднихъ, наставники обязаны были передавать эти условія своимъ ученикамъ, сообщать ихъ письму тѣ-же достоинства, какія требовались въ то время вообще отъ этого искусства, равнымъ образомъ предостерегать отъ упомянутыхъ въ послѣсловіяхъ недостатковъ, такъ что наставники въ этомъ отношеніи руководствовались опредѣленными правилами. Мы разсмотримъ ближе эти правила.

Первое и послѣднее условія, то есть писать *прямо* и *красиво*, понятны. Но что означало, по понятіямъ древне-Русскихъ писцовъ, писать *правильно?*—Мы сказали, что древнѣйшее наше письмо должно было основываться на общихъ и болѣе или менѣе опредѣленныхъ правилахъ; а эти правила прежде всего, конечно, должны были относиться къ правильному употребленію буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, что уже и предполагаетъ болѣе или менѣе опредѣленное правописаніе. Ближайшее разсмотрѣніе памятниковъ древней нашей письменности съ этой точки зрѣнія совершенно убѣждаетъ въ справедливости такого заключенія: въ нихъ мы дѣйствительно находимъ правильное и послѣдовательное употребленіе буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ зна-

---

[1] На западѣ это условіе также было одно изъ главныхъ. Приведемъ здѣсь изъ Словаря Дюканжа стихи Алкуина, составляющіе обращеніе къ scriptorium:

Correctosque sibi quaerant studiose libellos,
Tramite quo recto penna volantis eat.
Дюканжа Gloss. lat. III, 142.

ковъ, которое пріобрѣталось, безъ сомнѣнія, посредствомъ обученія. Здѣсь разумѣются не тѣ буквы, употребленіе которыхъ строго опредѣляется произношеніемъ и которыя не допускаютъ замѣны, а тѣ, для которыхъ древній алфавитъ имѣлъ по два и даже по три начертанія, обозначавшихъ одинъ и тотъ-же звукъ. Правильное употребленіе подобныхъ-же начертаній въ современномъ письмѣ, со включеніемъ знаковъ препинанія, объемлетъ собою наибольшую часть правилъ современнаго правописанія. Къ такимъ буквамъ, допускавшимъ различныя начертанія, при одномъ и томъ-же звукѣ, главнымъ образомъ относятся слѣдующія: *е, є*, ѥ и *ѣ; и, і; о*, ѡ; *у, оу*, ȣ; ꙗ, ѧ. При этомъ необходимо только знать, дѣйствительно-ли произношеніе не различало начертаній, соотвѣтствующихъ каждому изъ приведенныхъ звуковъ. Относительно начертаній: и, і; о, ѡ; у, оу, ȣ, не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія. Можно-бы было говорить о различіи въ произношеніи между *е, є*, ѥ и между ꙗ и ѧ, но и здѣсь встрѣчающееся иногда безразличіе въ употребленіи, какъ увидимъ ниже, можетъ служить доказательствомъ безразличія въ произношеніи, или по крайней мѣрѣ незначительнаго различенія. Если же несомнѣнно то обстоятельство, что каждая группа приведенныхъ начертаній соотвѣтствовала одному только звуку, и если существовали однообразіе, правильность и послѣдовательность въ ихъ употребленіи въ древнѣйшихъ памятникахъ, то столь-же несомнѣнно, что въ древнѣйшее время существовали свои особыя правила правописанія [1]. Если же существовали эти правила, то

---

[1] Г. Билярскій, разсуждая о вліяніи выговора писца на измѣненіе правописанія оригинала, говоритъ: «само собою разумѣется, что выговоръ не все объясняетъ въ правописаніи: при всѣхъ перемѣнахъ, производимыхъ писцемъ, многое переносится изъ подлинника механически; *иное удерживается писцами постоянно и входитъ въ обычай безъ вліянія выговора*... Но разборъ правописанія по выговору и здѣсь оказываетъ важную услугу тѣмъ, что даетъ возможность отличать механическія заимствованія писцовъ отъ собственныхъ ихъ измѣненій, *условное правописаніе отъ народныхъ формъ*, чисто палеографическіе признаки отъ фонетическихъ». Судьбы Церк. яз. стр. 224—225.

они необходимо должны были входить въ обученіе письму. Мы разсмотримъ только въ краткихъ чертахъ употребленіе вышеприведенныхъ начертаній, къ чему присовокупимъ также и замѣчанія касательно употребленія строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ. Наша цѣль заключается не въ подробномъ разсмотрѣніи древне-Русскаго правописанія, что одно можетъ составить обширный трудъ, а единственно въ подтвержденіи высказаннаго выше заключенія, что въ древнее время у насъ существовали болѣе или менѣе опредѣленныя правила правописанія и что эти правила были предметомъ обученія въ тогдашнихъ школахъ, при обученіи письму. Для такой цѣли почитаемъ совершенно достаточнымъ краткое разсмотрѣніе приведенныхъ начертаній.

е, ѥ, є, ѣ.

Мы уже сказали, что если иногда въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ встрѣчается безразличіе въ употребленіи разсматриваемыхъ буквъ, то это безразличіе служитъ доказательствомъ, что произношеніе ихъ или не различало, или различало весьма неопредѣленно. Послѣднее же обстоятельство для насъ важно: если произношеніе различало ихъ неопредѣленно, то опредѣленность и послѣдовательность ихъ употребленія въ письмѣ служатъ яснымъ доказательствомъ, что для упомянутыхъ буквъ въ древнѣйшемъ правописаніи существовали опредѣленныя правила. Въ послѣсловіи Остромирова Евангелія дьяконъ Григорій вм. ѥ постоянно употребляетъ є: своєго, къıєвѣ, єу҃лиє, оутѣшєниє, ємоу, бл҃ниє, є҆го, є҆ю, пороучениє҆ своє и т. д. Въ словахъ Григорія Богослова, принадлежащихъ XI вѣку, писанныхъ Болгарскимъ правописаніемъ, съ правильнымъ употребленіемъ юсовъ, также ѥ и є мѣняются. Для большей точности мы приведемъ слова изъ вставокъ, не находящихся въ Греческомъ подлинникѣ и, можетъ быть, прибавленныхъ Славянскимъ переводчикомъ: ѥсть и єсмь, своємоу, отъ нѥго, въ нѥи, нєбо, нєсѫщимъ, даєть, раздражаєть, оубиꙗѥть

и т. д. [1]. Судя по языку, говоритъ Востоковъ, преложеніе сихъ словъ сдѣлано Болгаромъ или другимъ какимъ южнымъ Словениномъ; но настоящая рукопись есть *копія, писанная, какъ кажется, въ Россіи* [2]. Въ Сборникѣ 1073 года иногда употребляется є҆: въжделаниє҆мъ, є҆го, є҆динъ, своє҆, проливає҆тъ и т. д.; иногда же ѥ: хоуждеѥ о ѥ҆диномь пытаѥ҆мо ѥ҆сть, ѥ҆же, въселѥниѥ҆, нѣпокоѥм, ѥ҆, писаниѥ и т. д.; должно замѣтить, что удареніе поставлено равно надъ ѥ и є, что также доказываетъ безразличіе въ произношеніи [3]. Вспомнимъ, что говоритъ Востоковъ о правописаніи этого Сборника: «Іоаннъ дьякъ, вѣроятно, перемѣнялъ, при своихъ переправкахъ, и правописаніе Болгарское на Русское; однакоже не вездѣ изгладилъ слѣды сего правописанія, напротивъ того самъ подражалъ оному, сбиваясь между тѣмъ часто на Русское правописаніе. . . Замѣченная г. Калайдовичемъ разность правописанія въ предисловіи и послѣсловіи не отъ чего другаго происходить можетъ, какъ отъ таковаго нерѣшительнаго подражанія писцова чуждому для него правописанію» [4]. Въ жалованной грамотѣ В. Князя Мстислава, сохранившейся въ подлинникѣ 1128–1132 года, находимъ то-же явленіе: своѥмоу и геѡ҆ргиєви, почьнеть, изоѡстанеть, оу него и донѥлеже, осеньнѥѥ, въ нѥ [5]; въ Мстиславовомъ Евангеліи то-же: «безнѥго ничьтоже не бысть»; то-же самое видно и въ послѣдующихъ памятникахъ, и тѣмъ чаще, чѣмъ позднѣе памятникъ.

---

[1] Библіогр. листы П. Кеппена. 1825. № II. Въ словахъ Григорія Богослова, напечатанныхъ съ точностію съ подлинника въ Изв. II отд. Акад. Наукъ, стр. 241 и слѣд., употребляется є тамъ, гдѣ бы должно было ожидать ѥ.

[2] Библіогр. листы П. Кеппена. 1825. № II.

[3] Такъ и въ послѣсловіи дьякона Григорія иногда є употреблено съ удареніемъ, иногда же безъ него.

[4] Опис. рукоп. Рум. Муз. № CCCLVI. стр. 506.

[5] Сборникъ палеографич. снимковъ съ почерковъ древняго и новаго письма разныхъ періодовъ времени, изданный для воспитанниковъ Межеваго вѣдомства. Москва. 1844. № 1. Сравн. Дополн. къ Акт. Истор. т. I, стр. 2.

Тѣмъ не менѣе въ правописаніи эти начертанія различались несомнѣнно. Различіе это основывалось на слѣдующемъ общемъ правилѣ, которое съ замѣчательною строгостію было соблюдаемо въ правописаніи: ѥ *постоянно употребляется въ началѣ словъ, въ срединѣ и концѣ послѣ гласныхъ, при подъемѣ слѣдующаго слога; е—въ срединѣ и концѣ словъ послѣ согласныхъ* [1]. Въ Сборникѣ 1073 года, сколько можно судить по выпискамъ Востокова, почти всегда правильно употребляется ѥ; въ Житіи Бориса и Глѣба, хранящемся въ Рум. Музеумѣ, въ спискѣ половины XVI вѣка, выписанномъ мѣстами сплошь изъ Временника Нестора и сохранившемъ столь-же древній языкъ, приведенное правило постоянно соблюдается строго: ѥго, ѥже, ѥсть, ѥдиномь, ѥпистолию; своѥму, бываѥть, оубиваѥми, оукоряѥмъ [2]; прошенииѥ, абиѥ, попущениѥ, сограженииѥ, довольноѥ, ричиѥ; въ грамотѣ Мстислава 1128–1132 года 20 разъ правильно употреблено ѥ и только въ одномъ словѣ геѡргиеви два раза употреблено *е;* въ послѣсловіи Евангелія 1164 года: за бездождьѥ, радѕѥться [3]; въ переводѣ Шестодиева Іоанна Екзарха Болгарскаго, переписанномъ въ 1263 году Ѳеодоромъ Грамматикомъ [4], ѥ почти безъ исключенія употребляется согласно

---

[1] Это правило высказано было и прежде, хотя и не совсѣмъ точно. Такъ издатель палеографическихъ снимковъ, на стр. 13-й, говоритъ: «отличительные признаки древняго письма заключались еще въ томъ, что писалось ѥ, употреблявшееся тамъ, гдѣ мы произносимъ букву *е* въ началѣ и въ срединѣ (а въ концѣ?) словъ послѣ гласныхъ, напр. ѥго, твоѥго». Миклошичъ, говоря о начертаніи ѥ, замѣчаетъ: «im Inlaut steht ѥ für *e* zur Vermeidung des hiatus: талиѥ, биѥть». (Vergl. Gramm. der Slav. Sprachen. Wien. 1852. p. 110). Но почему-же и въ древнее время прѣдка употребляется *е* вм. ѥ, и почему съ XIV вѣка послѣднее начертаніе исчезаетъ, хотя *hiatus* и въ томъ и другомъ случаѣ, конечно, нисколько не терялъ своего значенія?

[2] Можно бы замѣтить только бракѥ (Изв. II отд. Ак. Наукъ, т. III, стр. 212) и братѥ (2 раза на 218 стр.), но, очевидно, здѣсь подразумѣвается пропущенное *и*, вм. братиѥ.

[3] Опис. рукоп. Рум. Муз. № CIII. стр. 171.

[4] Іоанн. Екз. Болг. стр. 60.

съ высказаннымъ правиломъ: ѥ̈же, ѥ̈му, ѥ̈сть, ѥ̈п, ѥ̈лма; знаѥ̈мѣп, твореніѥ̈мъ, разоумѣваѥ̈ма, спѣ̈ѥ̈ть; спѣ̈, коренію̈ѥ̈, зданію̈ѥ̈ и т. д.; и чрезвычайно рѣдко встрѣчается *е* вм. ѥ: никоего же естьствомъ, хотя чрезъ нѣсколько строкъ два раза читаемъ ѥ̈ства (стр. 144); въ договорной Новгородской грамотѣ 1265 года ѥ и *е* употребляются съ непзмѣнною правильностію: бл҃гословленіе, поклапаніе, своѥи, ѥсте, соудье, наспліе и т. д. [1]; въ послѣсловіи Евангелія 1270 года: знамеліе, стѧжаніемь, сп҃сеніе и т. д.; [2] въ Евангеліи XIII вѣка [3]: Евангеліе вседн҃ьное починаѥтся, разумѣѥть; въ Кормчей XIII вѣка ѥ употребляется съ постоянною правильностію: ѥдинъ, потврьженіе, довлѣѥть, строѥніе, ѥп҃пмъ и проч. [4].— Въ XIV вѣкѣ уже замѣтно сильное колебаніе между ѥ и *е*, а къ концу этого вѣка и въ XV вѣкѣ послѣднее беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ первымъ. Такъ въ Новгородской грамотѣ конца XIII вѣка или начала XIV находимъ: есмь, которое; въ Евангеліи также конца XIII или начала XIV вѣка [5]: починаемъ, еуагліе, перепесеніе, препесенье, хотя есть и препесенье, оубьѥніе; въ мѣсяцословѣ, приложенномъ къ Евангелію XIV вѣка, всѣ существительныя на *ие* измѣнены на *ье:* препесенье, чл҃колюбье, нашествье и проч. [6]. Притомъ должно замѣтить, что въ грамотахъ Новгородскихъ ѥ держится крѣпче, конечно, потому, что оффиціальные памятники, не только по содержанію, но и по правописанію, болѣе держатся старины; особенно важна была послѣдняя Новгородцамъ, которые въ этихъ грамотахъ постоянно ссылаются на старину и пошлину; писецъ списывалъ прежнія грамоты и не-

---

[1] Собран. палеографич. снимковъ. № 2. Собр. Госуд. гр. и догов. т. IV, сп. № 1.

[2] Библіографич. листы Кеппена. 1825. № 13.

[3] Опис. рукоп. Рум. Муз. № CVI, стр. 173.

[4] Тамъ-же. № CCXXX, стр. 273.

[5] Тамъ-же. № CVII, стр. 174.

[6] Тамъ-же. № CXIV, стр. 177 и 181.

избѣжно стѣснялся правописаніемъ послѣднихъ [1]. Въ другихъ же грамотахъ съ половины XIV вѣка ѥ почти совершенно вытѣсняется начертаніемъ є, обыкновенно съ точкою или съ удареніемъ. Такъ въ Духовной грамотѣ В. К. Симеона Іоанновича 1353 года [2] начертаніе ѥ вездѣ замѣнено начертаніемъ є: поминаєть, своєго, оу моєє кнѧгини, єсмь и проч.; то-же постоянное употребленіе є находимъ въ Духовн. грам. Димитрія Іоанновича 1389 года: своєи, своєє, вѣдаєтъ, єго [3]; то-же во второй Договорн. грам. В. К. Василія Димитріевича съ Кн. Владиміромъ Андреевичемъ, писанной около 1405 года при Митр. Кипріанѣ: с твоє́ю, съ своє́ѣ, твоє́, великоє́, кнѧжєє́ и проч.; то-же должно сказать и о грамотѣ того-же содержанія, писанной въ 1424 году [4], о Духовной В. К. Василія 1462 г. [5], о грамотѣ Іоанна III 1497 г. и о многихъ другихъ. То-же явленіе подтверждается и памятниками неоффиціальными. Такъ въ лѣтописяхъ съ XIV в. почти постоянно употребляется є́, хотя изрѣдка встрѣчается и ѥ, что, конечно, объясняется привязанностію монаховъ къ древнѣйшему правописанію, и особенно къ правописанію подлинниковъ, съ которыхъ они списывали [6].

---

[1] А потому въ грамотѣ 1305 года (Сборн. палеограф. сн. л. 5) ѥ употребляется еще правильно; также въ грамотѣ 1327 года (тамъ-же л. 6), гдѣ однако пишется ѣ вм. ѥ; даже въ грамотѣ 1360—1387 (тамъ-же л. 8) ѥ употребляется правильно.

[2] Сборн. палеограф. сн. л. 7. Собр. Госуд. грам. и догов. т. IV. табл. II. 2.

[3] Собр. Госуд. гр. и догов. т. IV. табл. II, 3.

[4] Тамъ-же. табл. III, 1. Замѣчательно, что здѣсь оба разсматриваемыя начертанія различаются какъ є и ꙗ; послѣднее есть очевидное сокращеніе прежняго ѥ.

[5] Собр. Госуд. грам. и догов. т. IV. табл. III, 2.

[6] Въ Лаврент., въ первомъ почеркѣ, постоянно є́: є́сть, первѣє́, ноє́ви, строє́ви, хотя во второмъ, третьемъ и особенно въ четвертомъ почеркахъ встрѣчается ѥ: своѥго, мемѣсѧчьѥ, блг҃вщньѥ, киѥвъ; въ Радзив. XV или нач. XVI в. ѥ замѣнено є́; въ Ипат., по списку Акад. Наукъ конца XIV или нач. XV в., а равно по сп. Хлѣбн. XVI в., вездѣ є. Въ Новг. I, по Синод. харат. списку первой половины XIV в., первый почеркъ котораго, какъ из-

Различіе, еще существовавшее между начертаніями *є* и *є́*, съ XVI вѣка начинаетъ изчезать, такъ что къ концу этого вѣка прежнее ѥ превратилось въ обыкновенное *є*, которое и вошло въ всеобщее употребленіе. Изъ представленнаго обозрѣнія можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: 1) въ древнѣйшемъ правописаніи, до половины XIV вѣка, вообще постоянно и строго соблюдалось различіе между начертаніями *є* и ѥ, хотя произношеніе и не знало объ этомъ различіи; 2) съ половины XIV вѣка ѥ вытѣсняется начертаніемъ *є*, которое въ письмѣ различалось отъ обыкновеннаго *є*, употреблявшагося въ срединѣ и концѣ слова послѣ согласныхъ, величиною и наклоннымъ положеніемъ въ-право, а иногда, кромѣ того, точкою или удареніемъ; 3) наконецъ произвольное, принятое однако и строго соблюдавшееся въ правописаніи, различіе между означенными начертаніями ослаблялось постепенно и только къ половинѣ XVI вѣка совершенно уничтожилось.—Замѣтимъ также, что въ древнѣйшемъ правописаніи, кромѣ упомянутыхъ случаевъ употребленія ѥ, былъ еще одинъ, не всегда и не вездѣ однако строго соблюдавшійся: послѣ *н:* оу нѥго, оу нѥи, донѥлѣже, осеньнѥѥ [1] и проч., и даже послѣ *л:* благоволѥниѥ, доброизволѥниѥ [2] и проч.

и третій—къ тридцатымъ годамъ XIV в.: въ первомъ сохраняется ѥ, между тѣмъ какъ въ третьемъ *є:* воеваша, васильемъ; въ Академич. сп. той-же лѣтоп. конца XV в. постоянно *є*; во всѣхъ сп. Новг. IV, изъ коихъ старшій, Строева, конца XV или нач. XVI в., вездѣ *є*; въ Псковск. II конца XV или нач. XVI в. также вездѣ *є́*.—То-же должно сказать о бесѣдахъ I. Лѣствичника 1431 года (Опис. рукоп. Рум. Муз. № CC. стр. 255). Весьма замѣчательно, что въ статьѣ, помѣщенной въ переводѣ I. Лѣствичника, на л. 264 об. и слѣд., подъ заглавіемъ: «тлъкованиє неꙋдобъ познаваемомъ въ писаны^{х} рѣчемь», слова были непонятны переписчику, а потому онъ ихъ оставилъ въ древнемъ видѣ и слѣдоват. сохранилъ ѥ правильно, даже въ XV вѣкѣ: поꙋврьзаниѥ, ꙋмилѥниѥ, ѥ҃, скꙋтаниѥ, съпретаниѥ, сьхранѥниѥ, ѡбавлѥниѥ, ꙗвлѥниѥ, ѥдиносꙋщна, талиѥ, накиновениѥ, мааниѥ (Опис. рук. Рум. Муз. № CC. стр. 267.).

[1] Грам. Мстислава 1128—1132.

[2] Въ бесѣдахъ I. Лѣствичн. XIII в. Опис. рукоп. Рум. Муз. № CXCIX, стр. 255. Нельзя однако не сказать, что были писцы, не слѣдовавшіе вы-

Что же касается до начертанія *ѣ*, то въ нашемъ очеркѣ мы почитаемъ излишнимъ о немъ распространяться. Употребленіе его можно разсматривать или въ грамматическихъ формахъ, или въ корнѣ: указывать на первыя значило-бы повторять то, что въ главныхъ чертахъ сказано другими; перечислять вторые значило-бы выйти изъ предѣловъ краткаго очерка.—Употребленіе начертаній ѩ и ѧ въ древнѣйшемъ правописаніи опредѣлялось тѣмъ-же высказаннымъ выше общимъ правиломъ, а потому мы и укажемъ на него въ-слѣдъ за начертаніемъ ѥ и *є*.

ѩ, ѧ.

Такъ какъ самые древніе памятники нашей письменности не застаютъ юсовъ, какъ начертаній для особыхъ звуковъ, то въ началѣ письменности, при полномъ усвоеніи Церковно-Славянскихъ начертаній, ѧ вошло въ нашу азбуку, какъ обозначающее звукъ *я;* съ другой стороны и Церковно-Славянское ѩ не могло не найти себѣ мѣста въ Русскихъ памятникахъ, а потому первоначально и существовали оба эти начертанія для обозначенія одного и того-же звука. Но должно-же было постановить различіе между ними, опредѣлить случаи ихъ употребленія,—и, въ соотвѣтствіе употребленію начертаній ѥ и *є*, указано было мѣсто начертанію ѩ въ началѣ словъ, въ срединѣ и концѣ послѣ гласныхъ, при подъемѣ слѣдующаго слога, между тѣмъ какъ ѧ удержало за собою мѣсто только въ срединѣ и концѣ словъ послѣ согласныхъ. Что такое различіе въ правописаніи не было слѣдствіемъ различія въ произношеніи, доказываютъ встрѣчающіяся иногда погрѣшности противъ приведеннаго общаго правила: ѩкоже и ѧкоже и проч.; что оно-же не было опредѣлено употребленіемъ ѩ и ѧ въ Церковно-Славянскомъ правописаніи, также доказываютъ частыя погрѣшности писцовъ противъ послѣдняго: мышлаше молашесѧ, бола-

сказанному общему правилу, или признавая излишнимъ такое различеніе, или слѣдуя правописанію мѣста и школы. Такъ въ бесѣдахъ I. Лѣствичн. XII в: нарицаемааго, предъсловье, ему (Опис. рукоп. Рум. Муз. № CXCVIII, стр. 253 и въ другихъ памятникахъ, весьма немногихъ).

ромъ вмѣсто мышлꙗше молꙗшесѧ, болꙗромъ; ѿꙗти, ꙗтъ, приꙗти, вм. ѿѧти, ѧтъ, приѧти, в послѣднѧꙗ дн҃и, ѿ землѧ сеꙗ, изъ области всеꙗ, тоꙗ церкве, на полунощныꙗ страны, припадаꙗ ꙋ ракы, събра всѧ сущаꙗ подъ нимъ древодѣлѧ и т. д. Изъ послѣднихъ примѣровъ ясно видно, что употребленіе разсматриваемыхъ начертаній опредѣлялось однимъ общепринятымъ правиломъ древнѣйшаго правописанія, соблюдавшимся съ замѣчательною строгостію и послѣдовательностію. Такъ въ грамотѣ Мстислава нѣтъ противъ него ни одной погрѣшности: ѿꙗти, ꙗ, геѡргиꙗ, третіꙗго десѧте, пришествиꙗ, сѧ, кнѧжениѥ и т. д.; та-же правильность въ послѣсловіяхъ Евангелій: Остромирова, Мстислава, Евангелій 1144, 1164 годовъ; тоже должно сказать о переводѣ Шестоднева Іоанна Екзарха Болгарскаго, о грамотахъ и о другихъ историческихъ памятникахъ, сохранившихся въ подлинникахъ, до конца разсматриваемаго періода. Погрѣшности противъ правильнаго употребленія начертаній ꙗ и ѧ весьма рѣдки [1]. Только около половины XVI вѣка начинаетъ входить въ памятники начертаніе *я* [2], употребленіе котораго постепенно усиливается и въ XVII вѣкѣ становится господствующимъ.

и, і.

Въ древнѣйшемъ Русскомъ правописаніи для этого звука существовало собственно одно первое начертаніе, а второе было

[1] Такъ въ Новг. грам. 1295 года: ѿ андрѣѧ, боѧрамъ, ѧрославѣ (Сборн. палеогр. сн. л. 3); въ грамотѣ В. Кн. Софіи, 1448 года: ст҃ыѧ, великаѧ (тамъ-же. л. 16. сравн. л. 18, 19, 28, 30, 31.). «Русскій писецъ, говоритъ г. Билярскій о Реймскомъ Евангеліи, имѣя предъ глазами Болгарскій оригиналъ, сохранилъ ѧ во многихъ случаяхъ на своемъ мѣстѣ, сколько это согласно было съ его выговоромъ *и съ условнымъ употребленіемъ* ѧ и ꙗ, но при всемъ томъ, *не смотря на содѣйствіе этихъ условій правописанія*; онъ не могъ обойтись безъ нарушеній Болг. правописанія на одной страницѣ». Судьбы Церковнаго языка, стр. 218. Мнѣніе г. Билярскаго объ условномъ употребленіи ѧ и ꙗ совершенно согласно съ нашимъ. См. примѣч. на той-же страницѣ; сравн. стр. 275.

[2] Такъ въ грам. 1564 уже встрѣчается *я*. Тамъ-же, л. 40.

только его сокращеніемъ и помѣщалось обыкновенно въ концѣ строки, по недостатку мѣста [1]. Такое назначеніе начертаніе *г* сохраняло весьма долго, хотя и довольно рано встрѣчаются отступленія. Еще Калайдовичъ замѣтилъ, что переписчикъ второй половины Новгородскаго пергаминнаго лѣтописца и еще старшаго — писецъ Синодальнаго 1144 года Евангелія весьма часто употребляетъ десятеричное *і* вмѣсто осмиричнаго *и* и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно никогда не писалось въ прочихъ рукописяхъ древняго Словенскаго языка, исключая тѣсноты мѣста при переносѣ въ другую строку [2]. Въ Договорной грамотѣ 1229 года находимъ *и* и *й*, при чемъ нельзя не замѣтить нѣкоторой послѣдовательности въ употребленіи того и другаго начертанія: первое употребляется въ срединѣ и концѣ словъ послѣ согласной, второе—въ началѣ слова всегда, въ срединѣ и концѣ послѣ гласной: Ризкий, ѡбоймъ, Латинескый, на ней, дний, на въйноу и т. д. [3]; въ томъ-же случаѣ *и* сопровождается надстрочнымъ знакомъ и въ спискѣ Русской правды конца XIII вѣка [4]: огнищний, конюший, повервійны и т. д. Со второй-же половины XIII вѣка начертаніе *г* встрѣчается чаще и въ срединѣ строки и въ срединѣ слова, а потому только въ это время могла явиться потребность общимъ правиломъ опредѣлить случаи употребленія обоихъ начертаній. Разсматривая употребленіе *и* и *і* въ памятникахъ XIV и особенно XV вѣка, мы не могли не замѣтить сходства съ современнымъ его употребленіемъ: не имѣетъ-ли историческаго основанія существующее теперь правило, полагающее различіе между этими

---

[1] Іоаннъ Екз. Болг. стр. 24.

[2] Впрочемъ въ послѣсловіи Остромирова Ев., въ собственныхъ именахъ, встрѣчается *і*: ніоана, ніꙗкова, нісаака.

[3] Собр. Госуд. гр. и догов. т. II, № 1. Случаи, гдѣ *и* употреблено безъ надстрочнаго знака, весьма рѣдки, такъ что они составляютъ исключеніе. Въ одномъ словѣ надстрочный знакъ поставленъ надъ *и* послѣ согласной: дѣржатй.

Русск. Дост. ч. II. Предисл. стр. V.

начертаніями? Во всякомъ случаѣ такое сходство весьма замѣчательно, и мы на него укажемъ. Такъ еще въ ярлыкѣ 1313 года читаемъ: орудіи, Божіи, истязанію, на поліихъ, хотя тутъ-же находимъ: смертию, всякие и т. д. [1]; въ послѣсловіи книги Іоанна Лѣствичника, писанной полууставомъ въ 1419 году [2]: по бл҃венію, гн҃а прсщ҃еннаго фѡтіа митрополита кіевьскаго . . . . рукою же послѣ҃нѧг҃ въ діацѣхъ стефана». То-же явленіе можно видѣть: въ послѣсловіи толкованія на Евангелистовъ Іоанна и Луку, писанномъ діакономъ Печерскаго монастыря Іосифомъ въ 1434 году [3]; въ грамотѣ 1428 года [4]; въ грамотѣ 1434 года, гдѣ нѣтъ ни одной погрѣшности противъ современнаго правила касательно употребленія начертаній *и* и *і* [5]; въ грамотѣ 1449 года [6] и другихъ. Писецъ Академич. списка первой Новгородской лѣтописи примѣнялъ правило и къ тому случаю, когда слѣд. слово начинается съ гласной буквы: «преставися дмитръ завидовичь посадникъ новогородскіи юуня ѳ... приведе володимиръ съ мьстиславомъ всѧ боꙗре новогородскіа кыеву и заво*ді а* къ чт҃ному кр҃ту и пуст*і а* домовь... и зато*чі а* всѧ» [7].

---

[1] Такое совмѣстное употребленіе *и* и *і* въ тѣхъ-же случаяхъ встрѣчается во всѣхъ оффиціальныхъ памятникахъ XIV вѣка, которые вообще менѣе воспріимчивы къ перемѣнамъ въ правописаніи.

[2] Палеографич. таблицы почерковъ съ XI по XVIII в. Москва. 1825. табл. III, сн. 1.

[3] Тамъ-же. табл. II, сн. 2.

[4] Сборн. палеографич. сн. л. 14.

[5] Тамъ-же. л. 15. Бж҃ѣею м҃лтію... кн҃зю дмитрію юріеви ... докончаніе, целованіе, крт҃ї҃анина и т. д.

[6] Тамъ-же. л. 17.

[1] П. С. Р. Л. т. III, табл. 2.; то-же въ Хлѣбн. сп. XVI в., Псковской лѣтоп. и другихъ. Укажемъ также на различные способы начертанія современнаго *й* въ древнее время. Въ древнѣйшихъ памятникахъ постоянно употребляется одно *и;* въ грамотахъ XII в. *ѝ*; въ Р. правдѣ *ѝ*; въ грам. 1229 года *ѝ*; въ грамотахъ XIV в., напр. 1331, въ ярлыкѣ 1333 и др. встрѣчается *і:* старѣишиі, поповскоі чинъ и т. д.; въ XV в., напр. въ грам. 1462

о, ѡ.

Есть основаніе заключать, что и относительно этихъ начертаній въ древнемъ правописаніи существовало правило, состоявшее въ томъ, что *о* употреблялось въ срединѣ и концѣ словъ, между тѣмъ какъ ѡ—въ началѣ словъ и иногда въ именахъ собственныхъ [1]. Такъ въ грамотѣ Мстислава ѡ находится постоянно въ началѣ слова: изоѡстанеть, ѡбѣдаѥть; въ грамотѣ 1229 года въ наибольшей части случаевъ соблюдается то-же правило: ѡстанѣться, ѡбѣ, ѡбопмъ [2]; въ Новгородской грамотѣ 1265 года почти постоянно ѡ въ началѣ: ѡ҃ци, ѡц҃ъ, ѡсень, ѡзвадо, ѡбопижаномъ; исключеніе составляетъ только *оц҃ь*, два раза употребленное; тоже и въ Новгородской грамотѣ 1295 года: ѡбида, ѡлександрѣ, ѡтьче, ѡдинъ; исключеній нѣтъ. Доказательствомъ существованія высказаннаго правила служитъ и то, что въ Новгородской грамотѣ конца XIII вѣка, а равно и въ другихъ, вмѣсто ѡ въ началѣ словъ пишется о҃ постоянно, между тѣмъ какъ въ срединѣ и въ концѣ словъ—обыкновенное *о* и безъ надстрочныхъ знаковъ [3]; тоже ѡ въ началѣ находимъ и въ Новгородскихъ грамотахъ 1305 и 1327 годовъ [4]; въ Русской Правдѣ по

года—*ы҃*: многогрѣшны҃ (С. Г. Г. и Д. I, № 86); въ XVI ст. встрѣчается также на предъидущей гласной знакъ ҃: дворецко҃; въ XVII в. *й* иногда совсѣмъ опускается: во҃ска (С. Г. Г. и Д. т. IV. № 113); въ грамотѣ 1523 года встрѣчается и наше *й*: худый рабъ. (ibd. т. I, № 150).

[1] Хотя еще въ послѣсловіи Остр. Ев. собств. имена пишутся простымъ *о*: поспѣъ и т. д.

[2] Встрѣчается *око, орудіе*. Въ Харатейномъ спискѣ той-же грамоты, относящемся, по мнѣнію Калайдовича, къ концу XIII в. и напечатанномъ во II части Русскихъ Достоп. (См. Предисл. Дубенскаго, стр. V), начертаніе ѡ употребляется постоянно для союза *ѡже*, и вообще въ началѣ словъ, исключая не многіе случаи: око, одіного, опчин; здѣсь-же изрѣдка встрѣчаемъ ѡ въ срединѣ и концѣ словъ: *безъѡ*, дворѡвъ, на которѡмь, пѡсла.

[3] Сборн. палеограф. сн. л. 4.

[4] Тамъ-же, л. 5 и 6.

Синодальному списку XIII вѣка, напечатанному въ первой части Русскихъ Достопамятностей, ѡ постоянно въ началѣ словъ; тоже должно замѣтить и объ Уставѣ Св. Владиміра о церковныхъ десятинахъ, сохранившемся въ Номоканонѣ исхода XIII вѣка [1]; объ Уставѣ Новгородскаго князя Святослава, въ спискѣ конца XIII вѣка [2]; о посланіи М. Іоанна къ Іакову черноризцу и о правилѣ М. Кирилла, напечатанныхъ также въ первой части Русскихъ Достопамятностей изъ рукописи конца XIII в.; о лѣтописи Переяславльской и многихъ другихъ. Изъ всѣхъ этихъ памятниковъ видно, что въ XII и XIII вѣкахъ вообще было принято за правило употреблять начертаніе ѡ въ началѣ словъ, хотя въ XIII вѣкѣ изрѣдка встрѣчаются отступленія. Впрочемъ, какъ видно, въ другихъ Славянскихъ земляхъ, откуда могли заходить къ намъ рукописи, въ это время введены были различныя начертанія для разсматриваемаго звука и между ними полагалось подобное-же различіе; покрайней мѣрѣ въ переводѣ Шестодневa Василія Великаго, переписанномъ Ѳеодоромъ Грамматикомъ, Сербомъ, въ 1263 году, употреблено шесть начертаній для звука *о*. Приводя ихъ, Калайдовичъ замѣчаетъ: «послѣднія три начертанія (ѡ, ѿ, ѻ) преимущественно ставятся въ началѣ словъ, а три первыя въ срединѣ и концѣ оныхъ» [3], что совершенно согласно съ приведеннымъ нами выше заключеніемъ. Рукопись Ѳеодора Грамматика, вмѣстѣ со многими другими, Сербскими и Болгарскими, вѣроятно, не замедлила появиться въ нашемъ отечествѣ. А что въ Болгаріи въ то-же время соблюдалось то-же различіе въ разсматриваемыхъ начертаніяхъ, доказываютъ отрывки изъ Богословія Іоанна Дамаскина и изъ предисловія къ нему Іоанна Екзарха Болгарскаго, напечатанныхъ Калайдовичемъ по Русскому списку начала XII вѣка, [4] переписанному съ Болгарскаго: въ этихъ

[1] Дополн. къ Акт. историч. т. I, стр. 1—2.

[2] Русскія Достоп. ч. I, стр. 82—85.

[3] Іоаннъ Екз. Болг. стр. 71.

[4] «Отличивъ достопамятную рукопись, сей переводъ содержащую, признаками почерка и правописанія, опредѣляющими время письма оной въ началѣ XII вѣка».... Іоаннъ Екз. Болг. стр. 57.

отрывкахъ видно постоянное употребленіе ѡ въ началѣ словъ [1]. Понятно, что правописаніе, принятое въ странахъ, снабжавшихъ насъ рукописями, неизбѣжно должно было отразиться и на Русскомъ правописаніи, а потому появленіе въ послѣднемъ двухъ начертаній для звука *о* и указанное ихъ различеніе для своего объясненія не представляютъ никакого затрудненія. Преслѣдуя тѣ-же начертанія въ памятникахъ слѣдующихъ вѣковъ, мы видимъ, что еще въ XIV в., вмѣстѣ съ соблюденіемъ показаннаго правила, начертаніе ѡ уже измѣнилось въ о, которое однако, отличаясь своею величиною, шириною и надстрочнымъ знакомъ отъ обыкновеннаго *о*, помѣщавшагося въ срединѣ и концѣ словъ, постоянно продолжало сохранять свое мѣсто въ началѣ словъ. Такъ въ Духовной В. Князя Симеона Іоанновича 1353 года [2] постоянно пишется о; то-же видимъ въ грамотѣ Новгородскаго Архіепископа Алексѣя 1360—1387 [3]; то-же—въ грамотѣ Василія Дмитріевича 1405 года [4] и другихъ. Въ памятникахъ же XV и XVI вѣковъ находимъ смѣшеніе трехъ начертаній, причемъ однако ѡ и о долго еще, хотя и безразлично, продолжаютъ удерживать свое мѣсто въ началѣ словъ. Такъ въ грамотѣ 1428 г. [5] оба начертанія употребляются безразлично въ началѣ словъ и проч. Со второй-же половины XV вѣка и въ оффиціальныхъ памятникахъ ѡ проникаетъ въ средину словъ, напр. въ грамотѣ 1468 г. [6]: спиридѡнъ, врѡзметъ, дворѡвъ, кормѡвъ, довѡдщики; а въ грамотѣ 1564 года [7] почти постоянно ѡ въ срединѣ словъ. Въ слѣдствіе такого смѣшенія, каждое изъ приведенныхъ начертаній продолжало существовать,

---

[1] См. Прилож. къ I. Екз. Болг. № 1. II и III, стр. 129 и слѣд.; встрѣчаются, хотя очень рѣдко, иностранныя слова съ начертаніемъ ѡ въ срединѣ, напр. *моѡксосъ* (стр. 136).

[2] Сборн. палеографич. сн. л. 7.

[3] Тамъ-же, л. 8.

[4] Тамъ-же, л. 9.

[5] Тамъ-же, л. 14.

[6] Тамъ же, л. 21.

[7] Тамъ-же, л. 41.

кажется, только для сообщенія разнообразія правописанію. Впрочемъ, при послѣдовавшемъ вскорѣ возстановленіи школьнаго образованія, которому грамматика, конечно, не замедлила предъявить свои права, снова было опредѣлено различіе въ употребленіи начертаній для звука *о*; по крайней мѣрѣ извѣстно, что даже въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ школахъ, при обученіи правописанію, показывали случаи, когда должно употреблять *о* и когда ѡ. Такъ въ старинномъ сочиненіи: «наука счастливымъ быть», переведенномъ съ Нѣмецкаго С. Волчковымъ [1], сказано: «на что спорить, *оному* ли или ѡ глаголъ *объявляю* на писме изображать».

оу, *у*, [8].

Въ древнѣйшемъ Ц. Славянскомъ правописаніи для этого звука существовало только одно начертаніе—*оу* [2]. Его-же исключительное употребленіе находимъ и въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ Русскихъ памятникахъ, напр. въ грамотѣ Мстислава, въ грамотѣ 1229 года, во всѣхъ Новгородскихъ грамотахъ до половины XIV вѣка, за исключеніемъ одной грамоты 1295 года, въ которой постоянно употребляется *у* [3], и другихъ, особенно оффиціальныхъ, памятникахъ, въ которыхъ вообще однажды принятое провописаніе труднѣе измѣняется. Въ послѣдующихъ памятникахъ начертаніе *у* употребляется чаще. Такимъ образомъ съ древняго времени въ Русскомъ правописаніи получило мѣсто начертаніе *у*, обозначавшее одинъ и тотъ-же звукъ. Весьма понятно, что также съ древняго времени явилась и потребность въ правилѣ, которое-бы опредѣлило случаи употребленія того и другаго начертанія. При этомъ наши древніе грамотѣи съ одной стороны, не видя въ своемъ произношеніи оправданія такой двойственности, не могли не находить лишнимъ *о* предъ *у*, съ другой, безъ сомнѣнія, не хотѣли

---

[1] Опис. рукоп. Рум. Муз. стр. 403.

[2] Ein kurzes *u*, говоритъ Миклошичъ, kennt das altslovenische ebensowenig, als das griechische und das französische. Vergl. Gramm. p. 103.

[3] Сборн. палеогр. сн. л. 3.

изгнать начертаніе *оу* и тѣмъ отдѣлиться отъ Ц. Славянскаго правописанія, во всякомъ случаѣ почитавшагося образцовымъ, а потому, удержавъ оба начертанія, одному изъ нихъ *(оу)* опредѣлили мѣсто въ началѣ словъ, а другому *(у)* въ срединѣ и концѣ словъ. Что именно это правило существовало относительно разсматриваемыхъ начертаній, въ этомъ вполнѣ удостовѣряютъ памятники древней нашей письменности, съ тѣмъ только различіемъ, что оффиціальные памятники позднѣе приняли къ себѣ *у*, долго ограничиваясь исключительно однимъ *оу*, между тѣмъ какъ въ неоффиціальныхъ упомянутое различеніе существовало съ древнѣйшаго времени. Такъ приведенное правило соблюдается съ замѣчательною строгостію въ древнѣйшемъ Житіи Бориса и Глѣба: оутвержаста, оумоленъ, оунъ, оумре, оувѣдѣвъ, оуне, оудержа, оуже [1] и проч.; въ харатейномъ спискѣ судной Ярославовой грамоты конца XIII вѣка, правописаніе котораго, по всей вѣроятности, принадлежитъ еще древнѣйшему времени: оу҆бьеть, оу҆бьенье, оу҆ставиша, оу҆бороковъ, оу҆ кого [2] и проч.; въ древнѣйшемъ спискѣ лѣтописи Нестора: оугры, оустье, оученикомъ, оумомь, оумыкаху, оуводы, оу нихъ [3] и проч. Что же касается до оффиціальныхъ памятниковъ, то въ нихъ одно *оу* удерживается до половины XIV ст.; съ этого-же времени, и при-

---

[1] Предлогъ въ началѣ слова, кажется, не имѣлъ вліянія на начертаніе *оу*: наȣченъ, заоутрнью. Тамъ-же.

[2] Не употреблялось-ли по тому-же правилу *оу* и въ срединѣ словъ послѣ гласныхъ? Такихъ словъ, правда, весьма мало, но въ лѣтоп. Нестора часто встрѣчается *жиоуть*, а слово *тиоунъ* съ удивительною послѣдовательностію удерживаетъ *оу* во всѣхъ памятникахъ.

[3] Изд. Тимковскаго. Та-же строгая послѣдовательность относительно *оу* соблюдается и въ посланіи Льва, Папы Римскаго, переведенномъ Ѳеодосіемъ для Святоши въ XII в: оувѣщавають, оубо, оутвьрдивше, оумре, оустроити; наоущение, недооумѣваѭ, прѣоудобреному, неоумѣние, неоученъ и т. д. Такая послѣдовательность тѣмъ важнѣе, что переводчикъ былъ человѣкъ образованный, зналъ *Омирьскыя и риторскыя книги*, слѣдоват. зналъ и правописаніе. Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848 года. № 7. стр. 1—55.

томъ съ непзмѣнпымъ постоянствомъ, *оу* ставится въ началѣ словъ, а *у* въ срединѣ и концѣ словъ [1], что продолжается до половины XV стол.; съ половины XV в. *оу* постоянно удерживается въ началѣ словъ, между тѣмъ какъ въ срединѣ и концѣ, рядомъ съ *у*, находимъ *ѹ*, какъ сокращенное *оу* [2]; съ XVI же вѣка *ѹ* начинаетъ вытѣснять остальныя начертанія и встрѣчается равномѣрно въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ [3].—Въ число начертаній для обозначенія того-же звука не могъ не войти и ѫ, который въ эпоху древнѣйшихъ Русскихъ памятниковъ уже не отличался особымъ произношеніемъ. Онъ, какъ и должно ожидать, встрѣчается преимущественно въ памятникахъ, списанныхъ съ Болгарскихъ подлинниковъ. Не имѣя особаго назначенія въ древне-Русскомъ правописаніи, ѫ могъ только затруднять нашихъ писцовъ, въ чемъ и удостовѣряютъ нѣкоторые памятники. Такъ въ харатейной рукописи перевода Іоанна Лѣствичника, принадлежащей XII вѣку и писанной Русскимъ правописаніемъ, находимъ юсы, простые и іотированные, перемѣшанные большею частію безъ всякого порядка и правила: иногда писецъ ставилъ его вмѣсто предлога *оу*, иногда замѣнялъ его начертаніемъ *ю:* имюще, сющааго [4] и проч.

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ вышеприведенныхъ начертаній можно сдѣлать то общее заключеніе, что XIV столѣтіе въ исторіи

---

[1] Изъ грамотъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ палеографическихъ снимковъ, только въ Духовной В. К. Симеона Іоанновича впервые *оу* употреблено правильно, въ началѣ словъ: оу мосе княгини, оу тыхъ людии, оугасла, а *у*—въ срединѣ и концѣ словъ. Сюда принадлежатъ грамоты, тамъ-же помѣщенныя: 1360—1387, 1405, 1428, 1434, 1448, 1449, 1457, 1464 годовъ.

[2] Сюда принадлежатъ грамоты: 1468, 1470, 1472, 1483, 1488, 1504 годовъ.

[3] Сюда принадлежатъ грамоты: 1505, 1506, 1511 и слѣд. годовъ.

[4] Я не говорю ничего о начертаніи *ѹ*, потому что оно есть только сокращеніе *оу*, а потому употребленіе его опредѣляется согласно съ употребленіемъ послѣдняго.

нашего языка составляетъ важную эпоху и относительно правописанія [1].

НАДСТРОЧНЫЕ ЗНАКИ.

Къ надстрочнымъ знакамъ въ древне-Русскомъ правописаніи относятся *ударенія* и *титла*.

Объ удареніяхъ.—Въ древнѣйшихъ Ц. Славянскихъ памятникахъ ударенія употребляются весьма рѣдко. Такъ въ Остр. Ев. употребляются густое и легкое дыханія только въ концѣ строкъ, замѣняя ь и ъ, и изрѣдка надъ *е* и ѧ; въ Ев. 1144 года, сколько можно судить по отрывку, помѣщенному въ библіографическихъ листахъ П. Кеппена и напечатанному, по свидѣтельству издателя, съ дипломатическою точностію [2], ихъ также весьма мало; въ рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ Слова Григорія Богослова, употребляется, какъ видно, кромѣ дыханія, только одинъ надстрочный знакъ—*точка* и, что замѣчательно, употребляется правильно и съ большею точностію, а именно: надъ гласными и двоегласными, начинающими слово, и надъ второю изъ двухъ гласныхъ или двоегласныхъ, стоящихъ рядомъ: бываа́ше, мои́ми, искоушаніе́, сы́, и́, или и т. д. Что же касается до другихъ знаковъ, число которыхъ увеличивается чрезмѣрно съ XIII Слова, то они, безъ сомнѣнія, внесены позднѣйшими писцами [3]. Такое незначительное количество надстрочныхъ знаковъ и рѣдкое ихъ употребленіе было, конечно, и въ Русскомъ правописаніи въ древнѣйшее время, въ XI и даже въ XII вѣкахъ; то-же встрѣчается и въ позднѣйшихъ памятникахъ, когда писцы, незнакомые съ нововведеніями, или необращавшіе на нихъ вниманія, придерживались старины.

---

[1] Замѣчательно, что то-же должно сказать и о Французскомъ древнѣйшемъ правописаніи. См. Burguy: Grammaire de la langue d'oil. Berlin. 1853. I. p. 57. 63. 93. 98. 215. 225. 238.

[2] Библіографич. листы. стр. 115.

[3] Какъ замѣтилъ г. Чернышевскій, сдѣлавшій выписку изъ Словъ Григорія Богослова и помѣстившій ее въ Изв. II отд. Ак. Н. т. II, стр. 247 и слѣд.

Но въ то-же время, въ XII и особенно въ XIII вѣкахъ, вѣроятно, въ слѣдствіе подражанія Греческому правописанію, чрезвычайно увеличилось количество надстрочныхъ знаковъ въ Болгарскихъ и Сербскихъ рукописяхъ. Такъ въ Болгарской рукописи, содержащей въ себѣ Житія святыхъ, празднуемыхъ въ Мартѣ (отъ 4 до 31 Марта), и бесѣды Іоанна Златоуста [1], употреблены слѣд. знаки: ᶜ, поставляемый надъ гласными, отдѣляющими слогъ; ᵓ надъ двоегласными ѥ, ѣ, ѧ, ѫ, надъ *и* въ концѣ словъ, когда предшествуетъ гласная, вмѣсто ъ-ра (матᵓеѧ вм. матъеѧ), надъ *а*, для означенія его усугубленія (румскаᵓго вм. румскааго); камора или облеченный знакъ ⌒ ставится въ началѣ слога надъ гласными и двоегласными, сложенными изъ двухъ начертаній: ѡ, оу, ѩ, ѭ, ю, также надъ сочетаніями согласныхъ *п, л* съ мягкими гласными и съ ь-ремъ (нѣго, нїхъ, ближьпїхъ, томителї и т. д.), надъ сочетаніями согласныхъ *г* и *к* съ *е* и *и* въ именахъ иностранныхъ (єуггелиѧ, кѣсариѧ). При этомъ замѣчательно, что, при сочетаніи согласныхъ буквъ съ ь-ремъ, удареніе ставится не надъ самымъ ь-ремъ, а надъ предъидущею согласною [2]. Въ XIII же вѣкѣ число ударенїй въ Сербскихъ памятникахъ до того размножилось, что весьма трудно опредѣлить, чѣмъ руководствовались въ ихъ употребленіи. Доказательствомъ тому служитъ Сербскій списокъ перевода Шестоднева Іоанна Екзарха Болгарскаго, написанный Ѳеодоромъ Грамматикомъ въ 1263 году; въ немъ надъ одними и тѣми-же гласными и двоегласными, при однихъ и тѣхъ-же, по

---

[1] Отрывокъ изъ этой рукописи, которую г. Востоковъ, по формѣ буквъ, по языку и правописанію, относитъ даже къ XI вѣку, напечатанъ въ Библіограф. листахъ П. Кеппена. 1825. № 14. стр. 191—196. Вся-же рукопись издана Миклошичемъ въ 1851 г., подъ заглавіемъ: «monumenta linguae palæoslovenicæ e codice Suprasliensi».

[2] Всѣ эти замѣчанія высказаны г. Востоковымъ въ Библіограф. листахъ № 36, стр. 536—537. Сравн. указанія Миклошича въ предисловіи къ его изданію разсматриваемаго памятника, стр. VII—IX.

видимому, условіяхъ, нерѣдко ставятся различные знаки. Мы могли замѣтить только слѣд. случаи постояннаго употребленія удареній: 1) надъ гласными и двоегласными, начинающими слово, 2) надъ двоегласными постоянно въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ, 3) при стеченіи двухъ гласныхъ или двоегласныхъ въ срединѣ или концѣ словъ,—надъ второю. Для доказательства приведемъ здѣсь первыя четыре строки Шестоднева: «въ начело сътвори Бъ҃ и҃бо и҆ землю. Бж҃ию҆ дѣлоу всемꙋ сиѥ҆ книгы корень соутъ и҆ и҆сточникъ и҆ сила въ твари сеи҆ знаѥ҆мѣи҆. ѥ҆стъ бо и҆ дроугаа҆ тварь невидимаа҆го, ꙗ҆коже Ап҃лъ ст҃ыи҆ гл҃етъ рекы: невидимаꙗ҆ бо ѥ҆го ѿ създани҆ꙗ҆ мира сего творениѥ҆мъ разоумѣваѥ҆ма» [1]. Можно указать и на преимущественное по крайней мѣрѣ мѣсто того или другаго ударенія. Самое употребительное изъ нихъ и въ наиболѣе разнообразныхъ случаяхъ поставляемое есть двойное удареніе, такъ что если указать на ограниченное употребленіе густаго дыханія и каморы, то всѣ остальные случаи выпадутъ на долю перваго знака [2]. Густое дыханіе почти всегда ставится надъ *а* въ началѣ слова, изрѣдка надъ ꙗ (ꙗ҆ко), и надъ *а* въ срединѣ слова, когда этой гласной предшествуетъ также гласная буква (бг҃ословеснаа҆го, оувѣдавшаа҆го, бѣа҆ше, мьнѣа҆хоу и проч.) [3]. Камора преимущественно употребляется надъ *оу* (оу҆ста, оу҆мѣю, оу҆твари). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, и въ началѣ словъ надъ гласными и двоегласными, и въ срединѣ и концѣ словъ надъ двоегласными, и въ срединѣ словъ надъ гласными съ предшествующими гласными, ставится двойное острое удареніе.—Въ Болгарскія рукописи также рано проникли ударенія.

---

[1] Іоаннъ Екз. Болг. Прилож. V. стр. 143.

[2] Что касается до простаго остраго ударенія, то оно, кажется, ничѣмъ не отличается отъ двойнаго.

[3] Чрезвычайно рѣдко густое дыханіе употребляется въ слѣдующихъ случаяхъ: ѡ҆бразъ (стр. 163), свѣтовноѡ҆му (156), свои҆ (157), е҆динъ (144), своѥ҆, ѥ҆же (163) лишениѥ҆, ѥ҆же (157).

мѣсто, гдѣ они поставлялись, тоже что въ Сербскихъ рукописяхъ, хотя безъ той опредѣлительности и правильности [1]. Можетъ быть, Русскій писецъ XI или XII вѣка [2], переписывавшій Богословіе Іоанна Дамаскина, перемѣшалъ ударенія и уменьшилъ случаи ихъ употребленія. Въ напечатанномъ отрывкѣ изъ Сборника 1073 года въ этомъ отношеніи видно совершенное однообразіе: употребляется только легкое дыханіе, и въ тѣхъ-же упомянутыхъ выше случаяхъ; встрѣчается оно также надъ согласными: *л*, *р*, *н* и *г* (прикоупл҄анѥма, четвьр̑тыи̑, пеи̑татеухъ, ѥ̑уаг̑гелистъ и др.).

Я почиталъ необходимымъ указать на ударенія въ Сербскихъ и Болгарскихъ рукописяхъ XI — XIII вѣковъ, потому что ими только можно объяснить обиліе удареній и въ нѣкоторыхъ нашихъ памятникахъ. Притомъ, говоря вообще, и самые случаи ихъ употребленія тѣ-же, какіе мы замѣтили въ Сербскихъ рукописяхъ. Дѣйствительно, если не принимать въ соображеніе разнообразія удареній, находящихся въ первомъ изъ указанныхъ выше Сербскомъ памятникѣ и если исключить тѣ изъ поименованныхъ г. Востоковымъ случаевъ, которые не встрѣчаются въ древне-Русскомъ правописаніи, напр. обозначеніе смягченія согласной, предшествующей ь-рю, выпускъ ъ-ра, удвоеніе *а*, то останется мѣсто сочетаніямъ согласныхъ *н*, *л* съ мягкими гласными и слогоотдѣлительному знаку. Наибольшая же часть случаевъ употребленія послѣдняго падаетъ на начальныя гласныя и двоегласныя, на гласныя или двоегласныя въ срединѣ слова съ предшествующею гласною или двоегласною. Такимъ образомъ общее правило для употребленія удареній въ древне-Русскомъ правописаніи, весьма естественно образовавшееся въ слѣдствіе вліянія Сербскаго и Болгарскаго правописанія, можно выразить такъ: безъ строгаго различія между собою, большею частію по одному въ памятникѣ, они поставлялись а) надъ сочетаніями согласныхъ *н* и *л* съ мяг-

[1] Такъ здѣсь, при тѣхъ-же условіяхъ, надъ ѥ находится точка, двѣ точки и густое дыханіе.

[2] См. Іоаннъ Екз. Болг. стр. 26.

кими гласными, что впрочемъ было соблюдаемо рѣдко, b) надъ гласными и двогласными буквами въ началѣ словъ, c) надъ гласными и двогласными въ срединѣ и концѣ словъ съ предшествующею гласною или двогласною. Возможность перехода ударений изъ Болгарiи и Сербiи въ Россiю въ древнѣйшее время такъ естественна и понятна, что всякое объяснение было-бы излишне. Самый переводъ Шестодпева, вмѣстѣ съ другими рукописями, безъ сомнѣнiя, появился у насъ въ спискѣ еще болѣе древнемъ, чѣмъ въ какомъ онъ сохранился, хотя послѣдній, какъ полагаетъ Калайдовичъ [1], могъ появиться въ позднѣйшее время, могъ быть вывезенъ изъ Хиландара даже Сухановымъ. Изъ словъ Ѳеодора Грамматика, приведенныхъ Калайдовичемъ [2], видно, какъ дорожили сочиненiями Iоанна Екзарха Болгарскаго.

Въ древнихъ нашихъ памятникахъ мы находимъ полное оправданiе приведеннаго выше правила относительно ударений: и въ оффицiальныхъ и въ неоффицiальныхъ памятникахъ видимъ именно тѣ четыре случая употребленiя ударений, какiе перечислены выше, съ тѣмъ только различiемъ, что въ неоффицiальныхъ памятникахъ встрѣчаемъ бо́льшее количество ударений и бо́льшее подчинение иноземному вліянiю въ ихъ употребленiи. На основанiи немногихъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ отъ XI и XII вѣковъ, можно только утверждать, что ударенiя уже начинали проникать къ намъ. Такъ дьяконъ Григорiй, имѣвшiй подъ руками древнѣйшiй списокъ Евангелiя безъ ударений, не внесъ ихъ и въ свой списокъ, исключая весьма немногiе случаи, между тѣмъ какъ въ послѣсловiи довольно часто употребляетъ легкое дыханiе; въ грамотѣ 1128–1132 г. сохранилось одно только двоеточiе надъ ѡ въ словѣ Геѡргiи, повторенномъ четыре раза. Нельзя сомнѣваться, что по крайней мѣрѣ во второй половинѣ XII вѣка ударенiя были уже въ значительномъ употребленiи, потому что въ противномъ случаѣ не было бы перехода къ XIII вѣку, въ на-

[1] Iоаннъ Екз. Болг. стр. 61.

[2] Тамъ-же, стр. 15.

чалѣ котораго находимъ обиліе удареній и правильное ихъ употребленіе. Конечно, и въ это время не всѣ памятники сохраняли одинаковое число удареній и одинаковую правильность въ ихъ употребленіи, что объясняется различіемъ мѣстъ, въ которыхъ они были писаны и различіемъ въ образованіи самыхъ писцовъ. Для насъ важенъ фактъ, что съ XII вѣка въ Русскихъ памятникахъ появляется значительное количество надстрочныхъ знаковъ, употребленіе которыхъ опредѣлялось общимъ правиломъ. Въ грамотѣ 1229 года знакъ, состоящій изъ двухъ точекъ, употребляется совершенно согласно съ приведеннымъ правиломъ: оӱтвѣрдять, ѿстанѣться, ѥ̈го, ӥ, ѥремѣꙗ̈, ѿбоӥмъ, двоѥ̈, биѥ̈ть, свой, розгнѣваѥ̈тся, своѥ̈го, заѥ̈мъ, таꙗ̈, ѥӥ [1]; то-же самое правило соблюдается въ грамотахъ 1265 и 1270 годовъ: даꙗ̀ти, благословениѥ̈, на своѥ̈ѝ, твоѝмъ, боꙗ̀ромъ, приѝмати; въ грамотѣ 1295 года: Михайло, ѿбида [2]; тою-же правильностію и послѣдовательностію въ этомъ отношеніи отличается харатейный списокъ Русской Правды конца XIII вѣка, въ которомъ надстрочный знакъ ставится постоянно и только надъ начальными гласными и двоегласными и надъ гласными и двоегласными въ срединѣ и концѣ словъ, когда имъ предшествуютъ тѣ-же буквы: «аще буть оу̏ кого клеппаꙗ̏ вѣра...то и̏дуть виру; пакы ли варягъ и̏ли и̏нъ кто, то два; а̏ в костехъ и̏ по мертвецѣ не плати верви, оже и̏мени не вѣдаю̏ть, ни знаю̏ть его» [3]; есть случаи поставленія знака для означенія смягченія *н:* конюшии̏ (стр. 15). Такая безошибочная точность въ размѣщеніи надстрочныхъ знаковъ не иначе можетъ быть объяснена, какъ существованіемъ въ XIII вѣкѣ положительныхъ правилъ относительно ихъ употребленія; если же были правила, то было и усвоеніе ихъ писцами; писцы и грамотные люди

---

[1] Собр. Госуд. гр. и догов. т. II, № 1.

[2] Въ нѣкоторыхъ грамотахъ XIII вѣка, напр. 1286 и 1289 г. (Собр. Госуд. гр. и догов. т. I. №№ 5 и 6) надъ *оу* постоянно ставятся двѣ точки, что, вѣроятно, соотвѣтствуетъ Сербской каморѣ.

[3] Русск. Достоп. ч. II, стр. 16.

этого времени вообще неизбѣжно должны были учиться правописанію, чтобы умѣть писать тѣмъ способомъ, какой тогда признанъ былъ наилучшимъ [1]. То-же правило соблюдается въ грамотахъ XIV вѣка. Такъ въ Новг. гр. 1305 года: блг҃влениѥ, и҆, мѣншиихъ, ѡбиды, дмитриѥвыхъ, андрѣѥвыхъ, дѣтии ѥго и проч.; то-же въ грамотѣ 1327, 1360–87, 1405 и другихъ, даже въ XVI вѣкѣ, хотя иногда встрѣчаются гласныя и безъ всякого знака. Изъ памятниковъ неоффиціальныхъ укажемъ на слѣдующіе: въ упомянутомъ выше посланіи Льва, Папы Римскаго, вездѣ соблюдается неизмѣнная правильность: на диоскора бывшу потриарху флавиану в монастыри нарицаемѣмь иовль и проч.; то-же находимъ и въ Словѣ Иларіона: о законѣ Моисѣомъ данѣем и проч.; въ лѣтописяхъ, какъ видно изъ снимковъ, соблюдается то-же правило: въ Лаврент: сию, ноеви, есть; своего, Васильковною, иде, изяславъ к строеви своѥму и т. д.; въ Ипат. спискѣ соблюдается то-же правило, какое мы видѣли въ Шестодневѣ: надстрочный знакъ ставится надъ двоегласными вездѣ, надъ гласными въ началѣ, а равно въ срединѣ и концѣ, когда предшествуетъ гласная: «иде Володимиръ на болъгары. съ добрынею оуемъ своимъ в лодьяхъ» и т. д. Съ половины же XV вѣка начинается размноженіе удареній, употребляемыхъ съ меньшею опредѣлительностію, надъ гласными безразлично и иногда даже надъ согласными [2]. Въ нѣкоторыхъ же памятникахъ XVI вѣка число удареній такъ размножилось, что рѣдко можно встрѣтить гласную, которая бы не имѣла ударенія [3]. Изъ предъидущаго изложенія видно, что

---

[1] Въ такъ назыв. узаконеніяхъ Константина, изъ той-же рукописи, но, очевидно, писанныхъ другимъ писцомъ, не встрѣчаемъ знаковъ на многихъ мѣстахъ, гдѣ бы ихъ должно было ожидать; въ нихъ-же ставится знакъ надъ гласною и въ томъ случаѣ, когда ей предшествуетъ согласная: криву, ѥдиному, имѣти, творими и т. д. Русск. Дост. II, стр. 145—146.

[2] Такъ въ грам. 1497 г. (Собр. Госуд. гр. и догов. т. I, № 129) и другихъ.

[3] Сравн. тамъ-же, т. I, № 150 и др. Палеограф. табл. IV.

ударенія съ наибольшею правильностію употреблялись въ XIII и въ первой половинѣ XIV вѣка; съ половины же XIV вѣка начинается ихъ смѣшеніе, дошедшее до крайности въ XVI вѣкѣ.

О титлахъ.—«Вообще замѣтить должно, говоритъ Калайдовичъ, что въ древнѣйшихъ Словенскихъ рукописяхъ, равно какъ и въ нашей (т. е. въ переводѣ Богословія Іоанна Дамаскина), находится менѣе сокращеній, нежели въ послѣдующихъ. Въ сихъ сокращеніяхъ, *неопредѣленно надъ нѣкоторыми словами поставляемыхъ*, и въ счисленіи, скрывается выговоръ гласныхъ, согласныхъ, а иногда полугласныхъ буквъ» [1]; на ту-же неопредѣленность сокращеній указываетъ Калайдовичъ, разсматривая языкъ перевода Шестоднева [2], въ которомъ надстрочные знаки еще многочисленнѣе, вѣроятно, въ слѣдствіе вліянія Византійскаго правописанія [3]. Справедливость замѣчанія Калайдовича совершенно подтверждается древне-Русскими памятниками XI—XIV вѣковъ, въ которыхъ, даже независимо отъ самаго ихъ содержанія, находится весьма мало сокращеній. Такая малочисленность послѣднихъ въ нашихъ памятникахъ объясняется тѣмъ, что ихъ было весьма мало и въ Ц. Славянскомъ языкѣ. Вотъ почти всѣ сокращенія, встрѣчающіяся въ Остр. Евангеліи: Бъ҃, г҃ь, иг҃с, хс҃ъ, ст҃ыи дх҃ъ, ан҃глъ, изр҃ль, пр҃ркъ, дв҃дъ, оц҃ь, сн҃ъ, цр҃ь, дн҃ь, члв҃къ, срд҃це, цр҃квь, нб҃о, еу҃лиѥ, гл҃ати; а вотъ двѣ строки изъ Словъ Григорія Богослова, въ которыхъ также заключаются почти всѣ ихъ сокращенія: «отъ ѥдиного бж҃ства. о х҃ѣ іс҃ѣ гд҃и нашемъ: съ нимиже оц҃ѭ коупьнѣ и сто҃умоу д҆хоу» [4]. То-же самое находимъ и въ рукописи Супрасльской, изданной Миклошичемъ. «In nostro codice, говоритъ послѣдній, sequentia *tantum* vocabula compendiose scripta reperies: апл҃ъ, б҃ъ, бж҃ии, бжь҃ство, б҃ы (быст҆), вл҃дка, гл҃ъ, гл҃а, г҃ь, гн҃ь, дд҃ъ, дх҃ъ, дш҃а, еп҃пъ, пл҃ь, пс҃, їс҃ їс҃ъ,

---

[1] Іоаннъ Екз. Болг. стр. 24.

[2] Тамъ-же, стр. 72.

[3] Тамъ-же, стр. 73.

[4] Изв. II отд. Ак. Н. т. II, стр. 248.

мт҃и, н҃бсе, оц҃ъ, ст҃ъ, сп҃ъ (съпасъ), сп҃ъ, х҃с, хс҃ъ, хс҃овъ, цр҃ь (цѣсарь), цр҃ьскъ, цр҃ство [1]. По этому и въ древне-Русскихъ памятникахъ не находимъ болѣе словъ съ сокращеніями; на оборотъ, нѣкоторыя и изъ приведенныхъ выше писались складомъ. Не упоминая о переписчикахъ Евангелій, которые, очевидно, находились подъ сильнымъ вліяніемъ Ц. Славянскаго правописанія, а потому употребляли подъ титлами только тѣ слова, которыя также написаны были и въ самыхъ Евангеліяхъ, укажемъ на слѣдующіе памятники: въ грамотѣ Мстислава сокращены слова: Бг҃ъ, сп҃ъ, ст҃ыи, дн҃ь, грв҃на; въ Новгородскихъ грамотахъ XIII и XIV вѣковъ, въ грамотѣ 1229 года, въ спискѣ Русской Правды конца XIII вѣка, въ узаконеніяхъ Константина, въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей съ сокращеніемъ встрѣчаются только слѣд. слова: бг҃ъ, х҃ъ, кн҃зь, гн҃ъ, бл҃гословленіе, дн҃ь, см҃рть, грна҃; все остальное пишется складомъ. Замѣчательно, что число словъ съ сокращеніемъ не увеличивалось и тогда, когда недостатокъ мѣста, въ концѣ строки, повидимому, долженъ былъ обратить писцовъ къ сокращеніямъ.—Не было–ли какого–либо основанія, правила, ограничивавшаго употребленіе титла только приведенными выше словами? Не опредѣлялось–ли это ограниченіе значеніемъ словъ, обращеннымъ къ священнымъ предметамъ, или къ находящимся съ ними въ тѣсной связи? Нельзя не сказать, что такое предположеніе для своего подтвержденія имѣетъ наибольшую часть приведенныхъ словъ, и притомъ употребляемыхъ въ сокращенномъ видѣ съ рѣдкимъ постоянствомъ. Въ такомъ случаѣ строгія правила для употребленія титла, сохранившіяся отъ начала XVII вѣка и имѣвшія силу, безъ сомнѣнія, гораздо раньше, въ основаніе которыхъ положено именно такое значеніе словъ, вели–бы свое происхожденіе отъ глубокой древности и вмѣстѣ доказывали–бы постоянство, съ какимъ наши предки сохраняли однажды установ-

[1] Monumenta linguae palaeoslovenicæ e codice Suprasliensi. Vindobonæ. 1851. Præf. p. VI.

ленное въ правописаніи начало [1]. Впрочемъ мы не думаемъ настаивать на сближеніе правилъ для употребленія титла въ XII—XV вѣкахъ съ тѣми, какія могли появиться въ XVI вѣкѣ, хотя съ одной стороны сходства нельзя не замѣтить, съ другой — самый Алфавитъ, помѣщенный въ Сборникѣ XVII вѣка, можетъ быть произведеніемъ болѣе или менѣе отдаленной древности, чего, конечно, не можетъ опровергать подновленіе языка.

Если нельзя съ достовѣрностію утверждать существованія въ древне-Русскомъ правописаніи правила относительно случаевъ упо-

---

[1] Въ Алфавитѣ «како которая рѣчь говорити, или писати», находящемся въ одномъ Сборникѣ XVII вѣка, хранящемся въ библіотекѣ гр. Толстова (см. Опис. Славяно-Росс. рукописей гр. Толстова. Москва. 1825. отд. III, № 92) и напечатанномъ Калайдовичемъ въ его сочиненіи: «Іоаннъ Екзархъ Болгарскій» (прилож. XIV.) всѣ вышеприведенныя слова, съ немногими другими, строжайшимъ образомъ предписывается писать подъ титломъ, или *подъ взметомъ*, какъ выражается сочинитель Алфавита: «понеже что покрыто пишется, *то свято*», при чемъ постоянно отличается священное отъ обыкновеннаго и тѣмъ болѣе враждебнаго вѣръ. Такъ, говоря о словѣ *Ангелъ*, сочинитель Алфавита предписываетъ слѣд. правило: «аггеловъ же сопротивника, и апостоловъ небогодухновенныхъ и архіепископовъ несвященныхъ отнюдь не покрывай, но складомъ пиши: понеже враждебно Божеству и человѣческому естеству» (I. Екз. Болг. стр. 198); то-же говоритъ о Богѣ, сотворшемъ всяческая, и объ идольскихъ богахъ; также различаетъ Владыку Христа Бога нашего и владыкъ земскихъ, посреднихъ, владычицъ и владыкъ Едомскихъ: «враги бо они Божіи и гонители Христіанскія» и т. д. Вотъ остальныя слова, которыя онъ предписываетъ писать *подъ взметомъ*: *Господь*, *Духъ* святый, *Епископъ* священный, *жертвенникъ* Божій, *Крестъ* Господень, *небо*, *Пророкъ*, *Предтеча*, *престолъ*, *Рождество* Христово и Богородицы, *Сынъ* Божій, *Солнце* праведное, *Спасъ* міра, *Троица* святая, *Учитель* Христа Бога нашего, *Отецъ* святый, *Царь* небесный и *Царь*—В. Князь, *Царица* и В. Княгиня, *человѣкъ* благочестивый. «Кій бо болій сего грѣхъ есть, говоритъ въ заключеніе авторъ, еже творити горкое сладко и сладкое горко, свѣтъ тму и тму свѣтъ, развращеніемъ чтущихъ; *горе творящему сіи, полагаетъ бо соблазнъ душямъ*» (стр. 205.).

требленія титла, то еще труднѣе указать на правила, какими руководствовались наши предки при самомъ подведеніи словъ подъ титла. Чрезвычайное разнообразіе въ способахъ сокращенія словъ посредствомъ титла едва-ли даже не говоритъ противъ существованія такихъ правилъ. Такъ въ однихъ и тѣхъ-же памятникахъ встрѣчаются часто: *иі҃с, і҃с,* и *іѵ҃* (Кормч. XV в. Опис. рукоп. Рум. муз. стр. 284), *іс҃са* (ibd. стр. 275), *Бъ҃* и *Бгъ, кн҃зь* и *кнѧзь, бл҃гословлениѥ, бл҃ниѥ* и *бл҃гвнье, гр҃на* и *гривна* и т. д. Должно полагать, что большая или меньшая степень сокращенія словъ зависѣла преимущественно отъ произвола писцовъ, которые впрочемъ въ этомъ случаѣ чаще руководствовались готовыми образцами, только заимствованными изъ различныхъ источниковъ; вѣроятно также, что и недостатокъ мѣста въ строкѣ могъ имѣть вліяніе на степень сокращенія состава слова.

Что же касается до сущности древняго титла, то она состояла въ сокращеніи словъ посредствомъ выпуска гласныхъ и согласныхъ буквъ. Первыя могли быть выпускаемы всѣ безъ изъятія: *а*—бл҃дгть, *е*—ср҃дце, цр҃квь, *и*—кр҃стиꙗньскамъ (Остр. Ев), *о*—пр҃ркъ, *у*—дх҃ъ, *я*—ст҃ыи, кн҃зь, *ы*—сп҃ъ, *ъ*—п҃іс. Нельзя того-же сказать о согласныхъ; самыя употребительныя изъ нихъ въ сокращеніи суть: *д, с, т:* бл҃гть, цр҃ство, ѡ҃ць; выпускаются и другія согласныя буквы, хотя и рѣже, напр. *г:* еу҃лиѥ и др.; согласныя же шипящія, равнымъ образомъ плавныя, весьма рѣдко встрѣчаются подъ титломъ.—И такъ, если существовали правила въ древне-Русскомъ правописаніи относительно употребленія титла, то они могли опредѣляться только смысломъ, значеніемъ словъ; самый же способъ сокращенія зависѣлъ частію отъ произвола писцовъ, частію отъ подлинниковъ, которыми послѣдніе пользовались.

Отъ титла должно отличать простыя сокращенія, имѣвшія исключительно экономическое значеніе, употреблявшіяся для сбереженія мѣста. Такія сокращенія касаются большею частію одной только послѣдней гласной или согласной буквы, напр: лѣ^{т}, мар^{к}, памѧ^{т}, сирѣ^{ч}, и проч.; иногда же касаются значительной части

состава слова, напр. гра^{м} и др. [1]; они встрѣчаются и въ срединѣ словъ, напр: схаласика, пѡ^{и}ана игумена горы сипаскиꙗ [2] и проч., при чемъ выпускаются иногда даже двѣ буквы, напр: нарен^{ч}іемъ и проч.

СТРОЧНЫЕ ЗНАКИ.

Касательно строчныхъ знаковъ, кажется, положительно можно утверждать, что въ древне-Русскомъ правописаніи не были опредѣлены строго ни ихъ форма, ни случаи употребленія, согласно съ смысломъ рѣчи; едва-ли существовало и другое какое-либо правило, отличное отъ современнаго, опредѣлявшее ихъ употребленіе. Все ихъ назначеніе состояло въ томъ, чтобы отдѣлять слова другъ отъ друга, если не каждое изъ нихъ, то по крайней мѣрѣ по небольшимъ группамъ, что было и необходимо при древнемъ сплошномъ письмѣ, не допускавшемъ никакихъ промежутковъ между словами. Форма строчныхъ знаковъ могла зависѣть отъ произвола и искусства писца, отъ важности содержанія переписываемаго памятника, отъ достоинства лица, для котораго онъ переписывался, можетъ быть, отъ платы за трудъ. Что отъ произвола писца въ этомъ случаѣ зависѣло очень многое, доказываетъ и Остромирово Евангеліе: дьяконъ Григорій въ началѣ употребляетъ весьма затѣйливые и разнообразные знаки для отдѣленія словъ, но уже со второй главы оставляетъ наиболѣе его затруднявшіе; упрощая ихъ болѣе и болѣе, онъ наконецъ ограничивается почти исключительно точками.—Употребительнѣйшіе и обыкновенные строчные знаки суть слѣд: точка въ верху, въ срединѣ и въ низу, двоеточіе, четыре точки, расположенныя крестообразно. О ихъ назначеніи мы уже замѣтили, что оно состояло въ отдѣленіи словъ, независимо отъ самыхъ мыслей. Мы не будемъ строги къ стариннымъ нашимъ писцамъ и людямъ

---

[1] Грам. 1229 года. Русск. Достоп. ч. II, стр. 246.

[2] Бесѣды I. Лѣствичн. XII в. Опис. рук. Рум. Муз. № CXCVIII. стр. 254–255.

грамотнымъ вообще, когда вспомнимъ, что такой видъ имѣла письменность вездѣ, доколѣ она была заключена въ рукописныхъ свиткахъ, когда вспомнимъ затрудненія, неизбѣжныя въ точномъ и однообразномъ размѣщеніи такихъ знаковъ, доселѣ не вполнѣ устраненныя.

Впрочемъ въ памятникахъ древне-Русской письменности можно замѣтить, что словоотдѣлительные знаки принимаютъ иногда характеръ мыслеотдѣлительныхъ, хотя, по крайнему разнообразію употребленія послѣднихъ, по разнообразію формы самыхъ знаковъ, не возможно открыть какое-либо правило, такъ что такой характеръ строчныхъ знаковъ должно объяснять однимъ здравымъ смысломъ писца, понимавшаго необходимость раздѣлять періодъ на составныя его части. Можно даже предполагать, что писцы отдѣляли знаками такія группы словъ, которыя произносились однимъ непрерываемымъ дыханіемъ. Всякій понимаетъ, что такое начало, если оно дѣйствительно существовало, весьма часто должно сходиться съ современнымъ началомъ, потому что группа словъ, связанныхъ между собою тѣснѣйшею зависимостію и образующихъ цѣлую мысль, не можетъ быть произносима иначе, какъ однимъ непрерываемымъ дыханіемъ. Здѣсь только, по нашему мнѣнію, можно искать связи между древними словоотдѣлительными знаками и современными мыслеотдѣлительными. Повторяемъ однако, что способы такого раздѣленія словъ по ихъ смыслу крайне разнообразны, не представляютъ никакой опредѣлительности и, по всей вѣроятности, зависѣли отъ произвола писцовъ, отъ степени ихъ образованія, отъ врожденной смѣтливости, чѣмъ и объясняется то явленіе, что даже въ одновременныхъ и однородныхъ памятникахъ нельзя отыскать единства и однообразія въ этомъ отношеніи. Для удостовѣренія же въ справедливости сдѣланнаго нами замѣчанія касательно присутствія въ древне-Русскихъ памятникахъ мыслеотдѣлительныхъ строчныхъ знаковъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ безъ всякого выбора. Такъ въ послѣсловіи Остромирова Евангелія читаемъ: «слава тебѣ г҃и ц҃рю пс҃ьнъıи. ꙗко сънодоби мѧ написати Еу҃лиѥ

се.....Написахъ же еулие̃ се. рабоу бж̃ию нареченоу сѫщоу въ кр̃щении иосифъ. а мирьскы остромиръ. близокоу сѫщоу изаславоу кънязоу. изаславоу же кънязоу тогда прѣдрьжащоу обѣ власти. и о̃ца своего ꙗрослава. и брата своего володимира. самъ же изаславъ кънязь. правлꙗаше столъ о̃ца своего ꙗрослава къıевѣ. А брата своего столъ поржчи правити близокоу своемоу остромироу новѣгородѣ. Мънога же лѣт. дароуи Б̃ъ сътяжавъшоумоу еулие се. на оутѣшение мъногамъ д̃шамъ крестиꙗньскамъ.» и т. д. При самомъ поверхностномъ взглядѣ нельзя, кажется, не замѣтить, что дьяконъ Григорій не безъ разбора ставилъ точки. Не должно также забывать и того, что наши писцы, по всей вѣроятности, не имѣли положительныхъ правилъ для употребленія строчныхъ знаковъ, а потому, когда они видѣли нужду въ знакѣ, напр. когда одно слово было написано слишкомъ близко къ другому, нисколько не стѣснялись его помѣщеніемъ, для облегченія читателя. То-же должно сказать о грамотѣ Мстислава 1128–1132 г., въ которой строчные знаки имѣютъ очевидную связь съ ходомъ мыслей. Приведемъ еще примѣръ изъ стихираря XI или XII вѣка[1]: «радоуѥтьсѧ ликъ свѧтыихъ въ вѣкъ. цесарьство небесьноѥ наслѣдоваша. землѧ мощи ихъ приимъши. благоуханиѥ подаѥть. раби христови быша. въсельшасѧ въ жизнь вѣчьноуѭ»; то-же явленіе находимъ и въ памятникахъ XIII вѣка, напр. въ грамотахъ Новгородскихъ, изъ коихъ нѣкоторыя отличаются весьма замѣчательною послѣдовательностію въ употребленіи строчныхъ знаковъ, размѣщенныхъ съ очевиднымъ соображеніемъ смысла. Вотъ одинъ примѣръ: «бл̃гословлениѥ ѿ вл̃дкы. поклонъ ѿ посадника павше. и ѿ всѣхъ старѣишихъ. и ѿ всѣхъ меншихъ. и ѿ всего новагорода. къ г̃поу кн̃зю ꙗрославоу. на семъ кн̃же цѣлоуи х̃ъ. къ всемоу новоугородоу. на цѣмь то цѣловали дѣди. и ѿц̃ь твои ꙗрославъ. новгородъ ти дѣржати въ старинѣ. по пошлинѣ. что волостии всехъ новгородьскыхъ. тѣхъ волостии кн̃же. не держати

[1] Палеограф. табл. 1.

ти своими моужи. въ держати моужи новгородьскыми. а даръ кїже тобе имати. ѡ техъ волостии. а бес посадника ти кїже соуда не соудити. ни волостии раздавати. ни грамотъ ти даѥти.» [1] и т. д.; еще большею правильностію отличается грамота 1327 года, въ которой каждый знакъ съ удивительною точностію отдѣляетъ цѣлое предложеніе; то-же должно сказать о спискѣ Русской Правды конца XIII вѣка и многихъ другихъ памятникахъ.—На основаніи представленныхъ замѣчаній можно составить слѣдующее заключеніе относительно употребленія въ древне-Русскомъ правописаніи строчныхъ знаковъ: вообще они имѣли характеръ слово-отдѣлительныхъ знаковъ, потому что съ одной стороны есть памятники, отличающіеся такимъ характеромъ по преимуществу, съ другой и въ вышеприведенныхъ памятникахъ есть знаки съ исключительною цѣлію отдѣлять одно слово отъ другаго; но въ то-же время никакъ нельзя отрицать, что тѣ-же знаки весьма часто употреблялись и для отдѣленія мыслей, по соображенію смысла рѣчи. Послѣднее обстоятельство мы приписываемъ не существованію точныхъ правилъ, а образованности и смѣтливости писцовъ, при чемъ однако не должно забывать, что такіе писцы могли имѣть и, по всей вѣроятности, имѣли учениковъ, которымъ и сообщали ими самими составленныя правила [2]. Форма строчныхъ знаковъ также не была точно опредѣлена, была предоставлена произволу писцовъ, а потому отличалась разнообразіемъ и непостоянствомъ.

Остается упомянуть о прописныхъ буквахъ и о переносѣ частей слова изъ одной строки въ другую. И то и другое не пред-

---

[1] См. палеогр. табл., прилож. къ IV т. Собр. Госуд. грам. и догов. табл. I, сн. 2. Сравн. Сборн. палеограф. сн., грамоту 1265. л. 2.

[2] Вотъ что говоритъ Шафарикъ о знакахъ препинанія въ Судѣ Любуши: «übrigens sind die Interpunctionen *zwar nicht ganz ohne Sinn*, aber doch ohne Regel und Methode angebracht, da sie oft da fehlen, wo der Sinn am meisten sie heischte, und wieder dort stehen, wo sie unnöthig waren und daher nur zur Verzierung dienen sollten». Die ältest. Denkm. d. Böhm Sprache. p. 27.

ставляетъ никакого сходства съ современнымъ правописаніемъ. Прописныя буквы вообще употреблялись или въ началѣ цѣлаго сочиненія, или въ началѣ цѣлаго его отдѣла, составляющаго особую часть; онѣ-же употребляются весьма часто безъ всякого правила, безъ всякого отношенія къ смыслу рѣчи. Въ переносѣ слоговъ изъ одной строки въ другую также нельзя замѣтить опредѣленнаго правила. Такъ у дьякона Григорія находимъ: оконча||хъ; стыи сбо||ръ (Номок. 1284. палеогр. табл. II. 2), въ велико||мь новѣгородѣ (уст. Монаст. 1397. ibd. табл. II, 3), вто||ръжьку (грам. 1295.), а лихихъ бы есте люди||и (ibd.), кнѧ||зь (Синод. сп. Новг. I, 2 поч.) и т. далѣе.

3) ОБУЧЕНІЕ ПѢНІЮ.

Не подлежитъ сомнѣнію мысль, что, со времени водворенія у насъ Христіанства, установлено было болѣе или менѣе правильное обученіе церковному пѣнію, что послѣднее, по крайней мѣрѣ преимущественно, должно было совершаться въ устроенныхъ тогда училищахъ. Въ этомъ удостовѣряетъ прежде всего приведенное выше свидѣтельство отцевъ Собора 1551 года, что въ древнѣйшихъ нашихъ училищахъ «грамотѣ и писать и *пѣть* и читать учили»; въ этомъ-же удостовѣряютъ и другія извѣстія, кромѣ упомянутыхъ. Такъ еще въ XI вѣкѣ въ лѣтописи упоминается о званіи демественника, который, какъ извѣстно, былъ уставщикомъ пѣнія [1]: преемникъ препод. Ѳеодосія былъ *деместникъ* [2]; Несторъ упоминаетъ о дворѣ какого-то *домостика:* «бѣ внѣ града другій дворъ, идѣже есть дворъ доместиковъ, за святою Богородицею надъ горою, дворъ теремный» [3]; извѣстно также, что Кирикъ «иже въпраша Епископа Новгородьского Нифонта и

---

[1] Domesticus, qui curat, ut recte canatur, cantum imponit seu inchoat. Дюканжа Gloss. Graecit. На западѣ *domesticus* имѣлъ то-же значеніе: «in ecclesia post protopsalten cantui praecrat, et cantus ecclesiasticos incipiebat». Ихъ было два, на правомъ и на лѣвомъ клиросахъ по одному. Gloss. lat.

[2] Лаврент. 80.

[3] Карамз. I, примѣч. 523.

пѣхъ» [1] и который написалъ «ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ» [2], въ послѣсловіи послѣдняго сочиненія называетъ себя *грѣшнымъ и худымъ калугеромъ Антоновскимъ* (Новгородскаго Антоніева монастыря) *Кириком̀ъ діакономъ доместикомъ церкви святыа Богородица.* Въ древнѣйшемъ Житіи Бориса и Глѣба, по языку принадлежащемъ вѣку Нестора, сказано: «архиепископъ же... постави попы и дьяконы (въ церкви св. Мучениковъ) и *повелѣ имъ пѣти... и постави имъ старѣйшину*» [3]. Дочь Всеволода Ярославича, Янка, постригшись въ монастырѣ при церкви св. Андрея, собрала къ себѣ дѣвицъ и «нѣколико обучала ихъ писанію, тако-жъ ремесламъ, *пѣнію*, швенію и инымъ полезнымъ ихъ ремесламъ» [4]. Такъ было и въ остальное время разсматриваемаго періода. При чтеніи памятниковъ древнѣйшей нашей письменности, нельзя не замѣтить особенной любви нашихъ предковъ къ церковному пѣнію; авторъ «замѣчаній для исторіи Русскаго церковнаго пѣнія» [5] даже утверждаетъ, что на эту отрасль занятій едва-ли имѣло сильное вліяніе самое господство Татаръ; по крайней мѣрѣ сохранившіяся въ большомъ количествѣ потныя рукописи могутъ служить достаточнымъ тому подтвержденіемъ. Есть свидѣтельства, что иногда и народъ принималъ участіе въ пѣніи. Такъ, при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ 1072 году, когда остановилась рака, повелѣли народу пѣть: «Господи помилуй» [6]; авторъ Степен. книги по этому случаю выражается такъ: «яко изъ пчелъ исхожаше гласъ: «Господи милуй» [7]. Можно съ увѣренностію полагать, что не

---

[1] Памят. Р. Слов. XII в. стр. 173 и слѣд.

[2] Труды Общ. Ист. и Древн. Росс. IV, стр. 122—129. Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1847. № 6. Смѣсь. стр. 25-40.

[3] Опис. рукоп. Рум. Муз. № CLII. стр. 201.

[4] Татищ. II, 138.

[5] Стат. Ундольскаго. Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846. № 3. стр. 2.

[6] Лаврент. стр. 78.

[7] Степен. кн. стр. 213. Во Франціи народъ также участвовалъ въ пѣніи при Богослуженіи. »Après avoir récité les litanies, говоритъ Шевалле, le chœu

только приготовлявшіеся къ духовному званію, но и лица свѣтскія, даже самые Князья обучались церковному пѣнію; по крайней мѣрѣ лѣтописи часто говорятъ о пѣніи Князей. Вспомнимъ о св. Глѣбѣ, который пѣлъ псалмы предъ кончиною; при описаніи похода 1111 года противъ Половцевъ, лѣтописецъ говоритъ: «и князь Володимеръ приставн попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропарн и кондакы хреста честнаго и капунъ святой Богородицы» [1]; объ Игорѣ Ольговичѣ Татищевъ говоритъ: «читатель книгъ и *въ пѣніи церковномъ ученъ*» [2]; по случаю обращенія въ бѣгство Половцевъ, М. Константинъ съ В. Княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ «благодарственныя пѣсни велегласно воспѣвше съ великою радостію, глаголюще: поимъ Господеви» [3] и проч.; Михаилъ Ярославичъ, Князь Тверской, мучимый Татарами, пѣлъ псалмы [4]; лѣтописецъ, описывая кончину Князя Димитрія Краснаго (1440), говоритъ: «потомъ же нача пѣти демествомъ: Господа пойте. . . а поляше, очи смѣживъ, а тѣло на немъ якоже у живаго» [5]. И эта любовь Русскихъ Князей къ церковному пѣнію сохранилась до послѣдняго времени. Такъ мы

---

invoquait la protection du ciel en faveur du pape Adrien I-er et de l'empereur Charlemagne; *à chaque invocation le peuple qui se trouvait dans l'église répondait: Tu lo juva, aide-le*«. Chevallet. Origine et formation de la langue française. Paris. 1853. p. 29. Замѣчательно, что духовенство, когда повезли раку, пѣло: *кириеелеисонъ*. Не было-ли въ употребленіи у насъ еще въ XI вѣкѣ Греческое пѣніе вмѣстѣ съ Русскимъ? По крайней мѣрѣ въ XIII вѣкѣ оно было въ употребленіи. Такъ въ Житіи блаж. Петра, Царевича Ростовскаго, сказано, что въ его время (въ половинѣ XIII вѣка), въ Ростовѣ, «лѣвый клиросъ Гречески пояху, а правый Рускы». Ундольск. стр. 3. Дитмаръ объ Архіепископѣ Мерзебургскомъ Бозонѣ говоритъ: «ut sibi commissos eo facilius instrueret, sclavonica scripserat verba, *et eos Kirieleison cantare rogavit*». Lib. II. p. 40.

[1] Ипат. стр. 2.

[2] Татищ. II, 313.

[3] Степен. кн. 309.

[4] Тамъ-же, стр. 432.

[5] Карамз. V, примѣч. 291.

знаемъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ пѣніе, постоянно заботился объ устройствѣ хора и всегда имѣлъ при себѣ пѣвчихъ [1]. Распространеніе пѣнія между людьми свѣтскими и самыми Князьями объясняется высокимъ положеніемъ духовенства, его обширнымъ нравственнымъ вліяніемъ и глубоко религіознымъ характеромъ, господствовавшимъ въ древнее время. Не только бѣлое духовенство, но и монахи связаны были тѣснѣйшими узами съ міряпами и находились въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Нельзя не замѣтить и того, что наши Князья, а безъ сомнѣнія, по ихъ примѣру, и бояре, даже свои домашнія собранія старались украсить присутствіемъ лицъ духовныхъ. Это обстоятельство для насъ важно въ настоящемъ случаѣ: оно сильно говоритъ въ пользу того мнѣнія, что церковное пѣніе было въ употребленіи и въ собраніяхъ подобнаго рода. Лѣтописцы часто упоминаютъ о присутствіи духовныхъ лицъ на празднествахъ Князей. Такъ преподобный Ѳеодосій былъ на пиршествѣ Святослава, хотя и не принималъ въ немъ участія; такъ послѣ перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба «обѣдаша братья на скупь, кождо съ бояры своими, съ любовью великою» [2]; Князья даже призывали къ себѣ монаховъ на обѣдъ въ опредѣленные дни недѣли, что почиталось особенною добродѣтелью [3].

Такимъ образомъ было у насъ пѣніе, были свои пѣвчіе, были свои демественники, уставщики пѣнія, были даже свои пѣснотворцы, слагатели духовныхъ пѣсенъ еще въ XI вѣкѣ [4]. Кто же обучалъ

---

[1] Такъ въ одномъ письмѣ своемъ къ стольнику и ловчему Матюшкину Ц. А. М. пишетъ: «и сукна всѣ съ конюшни привези, да пѣвчихъ старыхъ и новыхъ и малыхъ». Сборн. Муханова стр. 218. Сюда-же принадлежатъ бумаги подобнаго-же содержанія, относящіяся къ тому-же царствованію, припечатанныя къ упомянутой выше статьѣ Ундольскаго, стр. 23—34.

[2] Лаврент. стр. 78.

[3] Ипат. стр. 56, 95, 112; Лаврент. стр. 92, 112, 185 и др.

[4] Таковъ былъ Георгій, *творецъ каноновъ*, который, какъ говоритъ Преосвященный Филаретъ, вѣроятно, написалъ службы препод. Ѳеодосію, когда (1095) открыты были мощи его, М. Борису и Глѣбу, В. М. Георгію. Ки-

пѣнію, въ чемъ состояло и гдѣ совершалось самое обученіе? Касательно первой части вопроса можно вполнѣ положиться на авторитетъ нашего ученаго Архипастыря, который утверждаетъ, что учителями пѣнія или демественниками въ древнѣйшую пору были у насъ Болгарскіе пѣвцы; кромѣ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, въ этомъ удостовѣряетъ и то, что доселѣ у насъ извѣстенъ напѣвъ Болгарскій [1]. Обучали сначала *одногласному* пѣнію, безъ тактовъ, рѣдко восходившему далѣе трехъ нотъ; вскорѣ однако появилось *демественное* пѣніе, также одногласное, но съ припѣваніемъ другихъ пѣвчихъ въ одинъ тонъ; въ XI же вѣкѣ перешло къ намъ и *многогласное, симфоническое* пѣніе [2]. Отсюда видно, что первоначальное пѣніе отличалось простотою и однообразіемъ и въ послѣдствіи постепенно становилось труднѣе и многосложнѣе [3]. Что же касается до вопроса, гдѣ происходило обученіе пѣнію, то должно полагать, что въ древнѣйшее время, когда заботливостію Князей и Митрополитовъ немедленно устроены были училища и когда былъ недостатокъ въ наставникахъ этого рода, обученіе пѣнію, безъ сомнѣнія, сосредоточивалось въ училищахъ: только здѣсь незначительное число

риллъ и Меѳодій, Славян. просвѣт. стр. 11. Кириллъ Туровскій также извѣстенъ составленіемъ молитвъ и пѣсенъ. Въ послѣдствіи число такихъ пѣснотворцевъ весьма умножилось.

[1] Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1847. № 7. стр. 11. Въ послѣдствіи, со времени Ярослава, безъ сомнѣнія, принимали въ этомъ дѣлѣ важное участіе Греки, потому что къ этому времени мы приняли отъ нихъ особый родъ пѣнія.

[2] См. статью: «о Русской церковной музыкѣ». Отеч. зап. Свиньина. 1821. № 21. стр. 145 — 157.

[3] Такъ въ Стихирарѣ XVI вѣка (Описс. рукоп. Рум. Муз. № CCCCXXII, стр. 652) однихъ названій крюковыхъ нотъ насчитывается 59, а въ стихирарѣ XVII вѣка (тамъ-же, стр. 654) къ нимъ присоединено еще 42 названія. Съ начала XVII вѣка начинаются даже толкованія крюковыхъ нотъ, въ родѣ слѣд: «*параклитъ*, посланіе Духа св. отъ Отца на Апостолы, *змѣица*, да земныя суетныя славы отбѣгъ» и т. д. См. ст. Ундольскаго, стр. 9 и слѣдующія.

наставниковъ могло въ непродолжительное время сообщить болѣе или менѣе обширные размѣры своей образовательной дѣятельности; только здѣсь они могли скоро приготовить значительное число учениковъ для занятія многихъ и различныхъ церковныхъ должностей, что и составляло въ первое время настоятельную потребность возникавшей Русской Церкви. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ и приведенное выше свидѣтельство, что въ древнѣйшее время обученіе пѣнію совершалось именно въ училищахъ; въ этомъ-же удостовѣряютъ и извѣстія о западныхъ школахъ вообще и Славянскихъ въ особенности. На западѣ были даже особыя школы для пѣнія, о которыхъ упоминается еще въ VI вѣкѣ [1]. Пипинъ и Карлъ Великій особенно заботились объ установленіи правильнаго пѣнія въ своемъ Государствѣ. Послѣдній, по совѣту Папы, постоянно держалъ въ Римѣ двоихъ клириковъ для изученія Римскаго напѣва и для обученія ему во Франціи [2]; но, не ограничиваясь частными распоряженіями въ этомъ отношеніи, онъ повелѣлъ каждому Епископу въ своей епархіи учредить школы для пѣнія въ удобныхъ мѣстахъ [3]. Въ Славянскихъ же школахъ, какъ говоритъ Мацѣёвскій, «наиболѣе *учили юношество пѣть псалмы и другія набожныя пѣсни*»; такъ св. Вячеславъ и Войтѣхъ, первый въ Будцѣ, другой въ Дѣвинѣ (Magdeburg), *учились пѣть псалмы Давида*, о чемъ свидѣтельствуютъ легенды, описывающія жизнь этихъ святыхъ мужей; въ послѣдствіи, по словамъ Козмы, были посылаемы въ монастыри Королевскія дочери, чтобы научиться тамъ *пѣть псалмы* [4].

[1] Primus autem S. Gregorius, cognomento Magnus, cantum ecclesiasticum correxit reduxitque ad certum musicae concentum, quem in universo orbe Christiano observare voluit, et *scholas cantorum*, qui in his canendi institutis haud leviter essent eruditi, in ipsa Romana ecclesia constituit». Дюканжа Gloss. lat. I, 110.

[2] Тамъ-же.

[3] Et scholas cantorum in loca congrua constitui praecepit. Ibd. p. 111. Главныя школы для обученія пѣнію при К. В. были въ Мецѣ и Суассонѣ.

[4] Очерк. ист. письм. и просв. Славян. народовъ до XIV в. Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846. № 2.

Иго Монгольское, сильно поколебавшее наши училища, ослабившее все первоначальное обученіе, конечно, вредно дѣйствовало и на обученіе пѣнію, а потому и послѣднее, какъ и другіе предметы, въ періодъ господства Монголовъ, могло перейти въ область частнаго обученія, сдѣлаться предметомъ занятій отдѣльныхъ лицъ. Такъ мы понимаемъ дошедшее до насъ извѣстіе сочинителя статьи: «откуду, и отъ коего времени, начася быти въ нашей Рустѣй земли осмогласное пѣніе, и отъ коего времени, и отъ кого пошло на оба лики пѣти въ церкви» [1]. Изъ этой статьи мы видимъ, что въ XVI вѣкѣ обученіемъ пѣнію занимались особые мастеры, *пѣти зѣло гораздые, роспѣвщики* (т. е. перелагавшіе на ноты уже готовыя церковныя пѣсни) *и творцы* (т. е. сочинители самыхъ пѣсней съ нотами), которые смотрѣли на свое занятіе какъ на ремесло, ходили по городамъ, собирали къ себѣ и обучали пѣнію учениковъ. Послѣдніе, достаточно научившись тогдашнему церковному пѣнію, сами въ свою очередь становились учителями и передавали свое искусство слѣдующему поколѣнію. Такъ сохранялась преемственность занятій этого рода [2].

---

[1] Статья эта принадлежитъ XVI вѣку или началу XVII вѣка, потому что авторъ ея говоритъ о себѣ: «и мы грѣшніи *въ нынѣшнихъ лѣтехъ осмыя тысящи родихомся и воспитахомся и въ возрастъ начахомъ приходити*». См. прилож. къ стат. Ундольскаго, стр. 22.

[2] Выпишемъ нѣсколько строкъ изъ приведенной статьи XVI вѣка, чтобы ознакомиться со *старыми мастерами*, обучавшими пѣнію. «Слухи своими отъ нѣкоихъ слышахомъ про старыхъ мастеровъ, глаголю же про *Ѳедора* попа, прозвище *Христіянинъ*, что былъ здѣ въ царьствующемъ градѣ Москвѣ славенъ и пѣти гораздъ *знаменному* пѣнію, и *мнози отъ него научишася* и знамя его и доднесь славно. И отъ его ученикъ слыхали которіи съ нами знахуся, что-де онъ *Христіянинъ* сказывалъ своимъ ученикомъ, что въ Великомъ Новѣградѣ были старые мастеры: *Сава Роговъ*, да братъ его *Василей*, въ иноцѣхъ *Варламъ*, родомъ Корѣляне... И у того брата его у Савы были ученики, вышеречепный попъ *Христіянинъ*, да *Иванъ Носъ*, да *Стефанъ*— слылъ *Голышъ*. И тотъ *Иванъ Носъ*, да *Христіянинъ* были во царство благочестиваго Ц. и В. К. Иванна Васильевича всея Русіи. И были у него съ нимъ въ любимомъ его селѣ, въ слободѣ Александровѣ; а *Стефанъ*

Намъ остается въ не многихъ словахъ указать на *грамматику и счисленіе*, которыя, по сходству въ устройствѣ нашихъ школъ со школами иноземными того-же времени, могли, въ означенномъ выше смыслѣ, входить въ составъ первоначальнаго школьнаго обученія.

ОБУЧЕНІЕ ГРАММАТИКѢ.

Древнѣйшая грамматика на Славянскомъ языкѣ, какъ извѣстно, принадлежитъ X вѣку: это «книга святаго Ивана Дамаскина Философскаа о осмихъ частѣхъ слова», въ переводѣ Іоанна Екзарха Болгарскаго. Какъ ни скудна по своему содержанію эта грамматика, какъ ни рабски держится она Греческаго подлинника, тѣмъ не менѣе могла удовлетворять первымъ потребностямъ привести въ порядокъ рѣчь и разложить ее на составныя части. Важно уже то, что указанъ былъ путь къ такому разложенію: начало сравненія Славянскаго языка съ Греческимъ не могло остаться безъ послѣдствій, безъ дальнѣйшаго развитія. Обиліе переводовъ съ Греческаго языка на Славянскій, сохранившихся отъ X и XI вѣковъ, необходимо требовало примѣненія правилъ Греческаго языка къ Славянскому и должно было обращать вниманіе на различіе того и другаго, заставляло отступать отъ перваго въ пользу послѣдняго, при чемъ, конечно, не обошлось безъ распространенія грамматическихъ правилъ [1]. То обстоятельство, что до насъ не

Голышъ тутъ не былъ, *ходилъ по градомъ и училъ Усольскую страну* и у Строгановыхъ училъ *Иванна*, по прозвищу *Лукошка*, а во иноцѣхъ былъ *Исаія*, и мастеръ его *Стефанъ Голышъ* много знаменнаго пѣнія роспѣлъ...И отъ тѣхъ-же Христіанновыхъ учениковъ слышахомъ, что-де онъ имъ сказывалъ про стихѣры Евангельскія, нѣкто де во Тверп Діяконъ зѣло былъ мудръ и благоговѣинъ, тотъ-де роспѣлъ стихѣры Евангельскія; а Псалтырь роспѣта въ Великомъ Новѣградѣ, нѣкто былъ инокъ именитъ, *Маркелъ*, слылъ *Безбородой*, онъ-де ея роспѣлъ. Да онъ-же сложилъ канонъ Никитѣ Архіепископу Новгородскому вельми изященъ» и проч. стр. 22.

[1] Какъ строго смотрѣлъ самъ Іоаннъ Екзархъ Болгарскій на переводъ, видно изъ слѣдующихъ словъ: «не бо равынѣ ся можеть присно полагати

дошло, кромѣ указаннаго, ни одного грамматическаго опыта, ничего не доказываетъ, потому что самый поверхностный взглядъ на состояніе просвѣщенія въ Болгаріи въ X вѣкѣ и на характеръ литературной дѣятельности въ ней оправдываетъ полную возможность подобныхъ опытовъ. Какъ объяснить точность и послѣдовательность въ правописаніи, правильность въ употребленіи формъ, въ построеніи предложеній и періодовъ? Объясненіе этого явленія одною смѣтливостію переводчика, или однимъ навыкомъ, безотчетнымъ переложеніемъ разговорнаго языка на письменный прежде всего противорѣчитъ здравому смыслу.

Если же въ Болгаріи была грамматика еще въ X вѣкѣ, если для нея были возможны даже болѣе совершенные опыты, чѣмъ въ какомъ она представляется въ переводѣ Іоанна Екзарха Болгарскаго, то грамматика была и у насъ: за справедливость такого заключенія ручаются исторія и характеръ нашей древнѣйшей письменности. Впрочемъ грамматика даже въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ означенномъ переводѣ, могла входить въ составъ обученія въ древне-Русскихъ школахъ, ограничивавшагося, по всей вѣроятности, сообщеніемъ самыхъ элементарныхъ знаній. До насъ дошла отъ XVII вѣка весьма замѣчательная рукопись, въ которой ясно показано, какія части грамматики сообщали въ старину дѣтямъ, только-что окончившимъ азбуку; изъ нея видно, что имъ сообщались только *первое основаніе и подошва житрости грамотичной*, которая въ свою очередь есть *основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ житростямъ*. Вотъ полное заглавіе этой рукописи: «книга, глаголема Адапатосъ, въ ней же бесѣдуетъ о осми частѣхъ и вѣщанія, сирѣчь о имяни, о пропмяни, о словѣ, о предлозѣ слова, о причастіи слова и имяни, о союзѣ, о представленіи и о различіи, *еаже учатъ ученицы новоначалныи послѣ*

Елиньскъ языкъ въ инъ прѣлагаемъ, и всякому языку въ инъ прѣлагаему тоже бываетъ. Небонъ иже глаголъ въ иномъ языкѣ красьнъ, то въ друземъ некрасьнъ; иже въ иномъ страшьнъ, то въ друземъ нестрашьнъ; иже въ иномъ чьстьнъ, то въ друземъ нечьстьнъ. И еже имя мужьско, то въ иномъ женьско» и т. д. Іоаннъ Екз. Болг., стр. 131.

азбукъ: занеже то есть основаніе первое и подошва хитрости грамотичной; а грамотикія есть основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростемъ» [1]. Всякій видитъ, въ чемъ состояло основаніе грамотичной хитрости. Такое основаніе могло быть сообщаемо *новоначальнымъ* ученикамъ и въ древне-Русскихъ училищахъ.

ОБУЧЕНІЕ СЧИСЛЕНІЮ.

Счисленіе могло быть предметомъ обученія въ древнихъ Русскихъ училищахъ въ элементарномъ его значеніи, какъ сообщеніе практическаго умѣнья вести счетъ. Доказательствомъ можетъ служить и то, что до сихъ поръ въ азбукахъ помѣщается нумерація, какъ она помѣщалась и въ азбукахъ первой половины XVII вѣка, какъ это видно изъ прописи 1643 года [2]; такъ, безъ сомнѣнія, было и въ древнѣйшее время [3]. Ариѳметика же, въ пол-

[1] Опис. Славяно-Росс. рукоп. гр. Толстова. Отд. III, № 27. стр. 571. Къ крайнему сожалѣнію, мы должны ограничиться выпискою одного заглавія, потому что составитель каталога не сказалъ о ней ни слова.

[2] Опис. рукоп. Рум. Муз. № CCCXXVI, стр. 463.

[3] Карамзинъ говоритъ, что «Славяне, еще не зная грамоты, имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ ариѳметикѣ, въ хронологіи. Домоводство, война, торговля *пріучили ихъ къ многосложному счисленію;* имя *тма*, означающее 10,000, есть древнее Славянское. Наблюдая теченіе года, они, подобно Римлянамъ, дѣлили его на 12 мѣсяцевъ». I, 71. Изъ извѣстій, сообщаемыхъ Массуди (950—957), мы знаемъ, что надъ Славянскими храмами были настройки для наблюденія точекъ восхожденія солнца. См. ст. И. И. Срезневскаго: «Архитектура храмовъ языческихъ Славянъ». Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846. № 3. Смѣсь, стр. 45. Въ нашихъ лѣтописяхъ также находятся подобныя извѣстія. Такъ въ древней Руси умѣли различать по небу страны свѣта: «а надъ солнцемъ кромѣ круга дуга, рога на сверъ (Новг. II, 122); отъ лѣтнего востока до лѣтняго запада на сѣверной странѣ, промежи востока и запада, доспѣлося небо свѣтло... (Новг. IV, 159); съ востока середняго, межи зимнего и лѣтпего, лучи огненыя» (Пск. I, 313). Различали также книжный, небесный и лунный мѣсяцы: «наставшю мѣсяцу марту, по книжному день 1, а по лунпому февраля 15, въ пятокъ (Новг. IV, 112); небеснаго мѣсяца апрѣля конецъ ветха также и мая новаго, быша морози велицы» (Пск. I, 234).

помъ своемъ средневѣковомъ составѣ, какъ составная часть семи свободныхъ искусствъ, принадлежала высшимъ школамъ, и на нее-то, конечно, наши предки смотрѣли съ такимъ глубокимъ уваженіемъ. Такъ Кирикъ счисленіе часовъ отъ Адама до его времени (до 1136 года) почитаетъ до того труднымъ, что постиженіе его признаетъ доступнымъ только немногимъ: «да аще которіи *промузгы* хотятъ и сему навыкнути или *числолюбци* и *ритори*, да вѣдаетъ» [1] и т. д.; такъ Кириллъ Туровскій *недовѣдомымъ числомъ съчтанья* почитаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній *душевнаго дома*, составляющихъ, по его выраженію, то *спасеное жито... еже уготова Богъ любящимъ Его* [2]. И это «съчтанье недовѣдомымъ числомъ», думаетъ Кириллъ, есть плодъ кротости, «еже есть всему добру мати»; этимъ онъ хотѣлъ, конечно, сказать, что столь высокое знаніе способно внушить самонадѣянность, гордость, *мать всякой злобы*. Счисленіе же, въ буквальномъ смыслѣ, на западѣ составляло столь существенную часть первоначальнаго обученія, что самые учители назывались иногда *calculones* или *calculatores:* «calculones sunt grammatistae, говоритъ Дюканжъ, prima elementa docentes» [3]. Обязанность тщательнаго обученія счисленію въ Византійскихъ и западныхъ школахъ предписывалась даже постановленіями Соборовъ [4].

Въ доказательство же того, что и у насъ искусство счисленія, а можетъ быть и первыя ариѳметическія дѣйствія, были извѣстны

---

[1] Труды Общ. Ист. и Древн. Росс. ч. IV. стр. 124. Кирикъ, какъ видно, былъ человѣкъ весьма образованный и дѣятельный. Кромѣ приведеннаго *ученія* и *вопросовъ* Нифонту, онъ занимался перепискою пятикнижія Моисеева, которое дошло до насъ въ спискѣ XV вѣка, списанномъ съ Кириковой рукописи, какъ видно изъ одной приписки, скопированной переписчикомъ XV вѣка съ древнѣйшаго подлинника. См. І. Екз. Болг. стр. 97. Введ. въ ист. Христ. Макарія, стр. 229. Чт. Общ. Ист. и Древн. 1847. № 6. Смѣсь, стр. 25—40.

[2] Памят. Р. Словесн. XII вѣка, стр. 91.

[3] Gloss. lat. I, 22. См. слова: ψηφιστής, ἀριθμητής въ Gloss. Graec.

[4] Дюканжа, Gloss. lat. I, 493.

и составляли предметъ особеннаго знанія, мы укажемъ на Кириково *ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ*, на основаніи котораго, по нашему мнѣнію, можно вывести нѣкоторыя заключенія относительно древнѣйшаго Русскаго счисленія.

Во первыхъ, оно показываетъ, что въ началѣ XII вѣка, а слѣдоват. и ранѣе, у насъ была своя нумерація, были особыя наименованія для каждаго, извѣстнаго тогда, порядка цифръ, въ употребленіи которыхъ (наименованій) Кирикъ, по видимому, ни мало не затруднялся. Встрѣчающіяся ошибки въ его вычисленіяхъ, состоящія большею частію въ пропускѣ одной или двухъ численныхъ буквъ въ срединѣ, между тѣмъ какъ начальныя и конечныя буквы вѣрны, безъ сомнѣнія, принадлежатъ позднѣйшимъ переписчикамъ. Нумерація Кирика, на сколько она ему была нужна для его вычисленій, простирается до десятковъ милліоновъ; должно полагать, что она простиралась и далѣе, также съ опредѣленными наименованіями. Приведемъ здѣсь *испытаніе часовное* Кирика, изъ котораго можно вывести термины древне-Русской нумераціи: «испытаніе часовное да есть отъ Адама въ толицѣ же числѣ лѣтъ часовъ *с* (200) *невъдіи* и *ч* (90) невѣдіи и *а* (1) (в) х҃в҃ часа, кромѣ нощій» [1]. Если принять за вѣрное, что десятки тысячъ въ древнее время обозначались словомъ *тма*, то изъ приведенной статьи Кирика видно, что три цифры, слѣдующія за десятками тысячъ съ лѣвой стороны, обозначались словомъ *невъдіи* [2]. Не

---

[1] Г. Хавскій, провѣрившій вычисленіе Кирика, что впрочемъ еще сдѣлано было М. Евгеніемъ, помноженіемъ 2,426,721 (числа дней въ 6644 годахъ) на 12, получилъ произведеніе: 29,120,652, изъ котораго три первыя цифры (291) и три послѣднія (652) находятся и въ произведеніи Кирика; недостаетъ только двухъ среднихъ, которыя, очевидно, пропущены переписчикомъ.

[2] Что касается до самаго слова *невъдіи*, то можно полагать, что имъ означались числа, какъ-бы выходившія изъ предѣловъ общаго *вѣдѣнія*, неупотребительныя въ обыкновенномъ, обыденномъ счисленіи. Впрочемъ такія неопредѣленныя наименованія, особенно у народовъ, еще мало развившихъ свою гражданскую жизнь, встрѣчаются часто. Сюда принадлежитъ и слово

означался–ли послѣднимъ цѣлый порядокъ цифръ, слѣдовавшій за *тмою*, до тысячи милліоновъ включительно, за которымъ слѣдовалъ другой такого-же объема порядокъ, съ особымъ наименованіемъ, не сохранившимся въ драгоцѣнномъ счисленіи Кирика, потому что до него не доходило дѣло? [1] Если это справедливо, то наши свѣдѣнія относительно матеріала обученія, обращавшагося у насъ въ древнѣйшую пору, обогащаются убѣжденіемъ въ существованіи особаго, своеобразнаго счисленія, состоявшаго въ томъ, что за *тмою* слѣдовали до неизвѣстнаго намъ предѣла

тма, легеонъ, Хорут. *море*, наше *бездна, песокъ морской* — Св. Писанія и т. д. Къ этому-же разряду словъ должно отнести и *невъдіи*, обозначающее высшую степень множества. Составъ слова *невъдіи*, понятный и безъ объясненія, ясно обнаруживается изъ статьи 4-й: «яко въ толицѣ числѣ лѣтъ дній есть *несъвъдии* и к҃ и д҃ (в) ѯ҃ѕ҃ѱ҃к҃а҃ день».

[1] Мы ограничили съ лѣвой стороны предѣлъ *невъдій* тысячею милліоновъ на томъ основаніи, что въ счетѣ Кирика за *тмою* непосредственно слѣдуетъ новое наименованіе.—Въ послѣдствіи приняты были другія наименованія. Такъ въ Сборникѣ начала XVII вѣка, въ статьѣ: «исчисленіе лѣтомъ», цифры, слѣдующія за *тмою* съ лѣвой стороны имѣютъ слѣд. наименованія: *легеонъ* (сто тысячъ), *леодоръ* (милліонъ), *тма темъ* (сто милліоновъ). Описс. рукоп. Рум. Муз. № CCXLIX, стр. 353. Въ ариѳметикѣ XVII вѣка находимъ слѣд. счетъ: «смотри же и другаго великаго числа (кромѣ приведеннаго выше) коли ти буде^{т} велікіи сче^{т} сим^{ъ} числом^{ъ}. Начало великому числу сице: деся^{т}ю деся^{т} то ест^{ь} сто, деся^{т} сотъ то е^{ст} тысяща, и тисяща тысящ^{ь} то е^{ст} *тма*, а тма тем^{ь} то е^{ст} *легео*^{н}, а легео^{н} легеоновъ то е^{ст} *леоръ*^{л}, а леоръ^{л} леоровъ^{д} то е^{ст} *воронъ* и болше сего чила^{с} нѣсть члв҃чскому уму разумѣти». Слѣд. тма = 1,000,000, легеонъ равняется билліону, леодоръ — трилліону и т. д. Описс. рукоп. Рум. Муз. № XII. стр. 14. Въ прописяхъ 1643 года, писанныхъ въ Вологдѣ, подъ заглавіемъ: «$^{з.}$абукъв^{ь} наѵчение младымъ дѣте^{м}», счетъ идетъ далѣе: послѣ *ворона* упоминается еще *колода*. Описс. рукоп. Рум. Муз. № CCCXXVI., стр. 463. Слово *колода* употреблялось въ древнѣйшее время и означало *мѣру въ 8 бочекъ*. Такъ въ Переяславск. лѣтоп. читаемъ: «перцю-же выходила *колода* безо князя (Владиміра св.), а при князи 3 *колоды* на недѣлю, *а колода 8 бочекъ*. Временн. № 9. стр. 34.

порядки цифръ, числомъ по пяти, каждый съ особеннымъ наименованіемъ.

Во вторыхъ, на основаніи той-же статьи, можно, кажется, допустить предположеніе, что Кирикъ получалъ свои произведенія посредствомъ *умноженія*, а не простыми приложеніями, *безъ ариѳметики*, какъ утверждаетъ г. Хавскій [1]. При всемъ вниманіи къ словамъ Кирика: «по малу бо съзидается градъ и великій бываетъ: тако и вѣданіе по малу на много приходитъ» [2], должно сказать, что счисленіе часовъ въ 6644 годахъ, отъ Адама до 1136 года, посредствомъ сложенія, трудъ неимовѣрный. То-же должно сказать и относительно *дѣленія*, на основаніи 6-й статьи счисленія Кирика: «егда же хощеши увѣдати которое лѣто индикта, разложи вся лѣта отъ зачала твари міра сего по і҃є, да что ти ся избудеть послѣдняго круга, то есть лѣто индикта, аще первое, то первое» [3]; посредствомъ этого *разложенія*, вѣроятно, равнаго *дѣленію*, Кирикъ вѣрно получилъ частное 442 и остатокъ (что ти ся избудеть) 14. Еще яснѣе видно употребленіе дѣленія изъ 7-й статьи, въ которой вычисляется число круговъ солнечныхъ отъ с. м. до 1136 года: «разочти вся лѣта отъ зачала міру по к҃п, да которое избудеть мене к҃п, то той дръжи»: не говорится-ли здѣсь объ остаткѣ менѣе 28, полученномъ отъ дѣленія? Вѣроятно, посредствомъ-же дѣленія Кирикъ получилъ число круговъ лунныхъ, раздѣленіемъ 6644 на 19, періоды поновленія неба, раздѣленіемъ того-же числа на 80, земли—на 40, моря—на 60, водъ на—70, число высокосныхъ лѣтъ—на 4, великихъ круговъ—на 532. Особенно затруднительно было дѣленіе при вычисленіи недѣль отъ Адама до 1136 года, потому что при этомъ должно было отдѣлить годы высокосные отъ не высокосныхъ, получить сумму дней и тѣхъ и другихъ и наконецъ раздѣлить ее на 7. Хотя итогъ (346,674), подставленный М. Евгеніемъ, и опущенъ въ

---

[1] Чт. и т. д. стр. 30.

[2] Тамъ-же.

[3] Тамъ-же.

рукописи, однако нельзя сомнѣваться, что онъ былъ извѣстенъ Кирику [1].

Въ третьихъ, изъ статьи Кирика видимъ, что въ его время *вѣкъ* заключалъ въ себѣ 1000 лѣтъ, а не сто: «отъ Адама до сего времени минуло есть вѣковъ ѕ, а седьмаго вѣка минуло лѣтъ хмд (644); *тысящь бо лѣтъ вѣкъ есть единъ*» [2].

Такія свѣдѣнія, конечно, заимствованы были преимущественно изъ Византіи, гдѣ были издавна въ употребленіи церковныя таблицы и извѣстенъ былъ способъ ихъ составленія, хотя нельзя не замѣтить, что всѣ приведенныя выше наименованія Русскаго происхожденія. Что значеніе счисленія въ XII вѣкѣ было точнѣе, чѣмъ въ періодѣ ига Монгольскаго и позднѣе, видно изъ того, что въ XV вѣкѣ, при составленіи Геннадіемъ пасхальнаго круга, не знали объ извѣстномъ Кирику великомъ кругѣ, совершающемся въ 532 года [3].

---

[1] Кирикъ умѣлъ считать и дробныя числа, что можно видѣть изъ 3 статьи: «яко въ лѣтѣ единомъ недѣль н҃в и единъ день и четверть дни. Да тою четвертію на четвертое лѣто прибудетъ день, да изочти первое недѣли всѣхъ лѣтъ. Тоже дни избыточныя, *также и четверти разочти по семи дней въ недѣли,* и приложи ко всему числу, и тако добре исправится искомое» (стр. 29). Слово *дробный*, въ значеніи *кратный*, было извѣстно Кирику. Любопытно его раздѣленіе часа на 5 частей, каждой изъ этихъ послѣднихъ также на 5 и т. д. до 7 разъ, такъ что часъ въ послѣднемъ дѣленіи заключалъ въ себѣ 78,125 частей, что въ 12 часовъ составитъ 937,500, какъ и утверждаетъ Кирикъ: «болѣ же сего не бываетъ, рекше не рождаются отъ седмыхъ дробныхъ». См. Чт. и т. д. стр. 27,39 и 40.

[2] Тамъ-же, стр. 9.

[3] Тамъ-же, стр. 33.

45.1-50K.